

Г И Й О М
М Ю С С О

Квартира в Париже

«Книга, от которой захватывает дух».

PHILIPPE VALLET - FRANCE INFO

Annotation

Что может быть ужаснее, чем искать уединения и оказаться в одной квартире с незнакомцем? Маделин Грин, в прошлом офицер полиции, а сегодня просто несчастная женщина, которую бросил любимый человек, сняла квартиру в Париже. По недоразумению ту же квартиру снял драматург Гаспар Кутанс – мизантроп, умеющий работать только в одиночестве. Это недоразумение могло бы стать просто досадным эпизодом в жизни обоих, если бы не очень важное обстоятельство: раньше квартира принадлежала известному художнику Шону Лоренцу, который умер, потому что был не в силах пережить смерть своего сына Джулиана. Маделин и Гаспар воссоздают шаг за шагом его жизнь после исчезновения Джулиана и обнаруживают, что с этим делом связана тайна. И не исключено, что Шон был буквально в шаге от ее разгадки, но смерть помешала ему довести расследование до конца. И теперь это предстоит сделать им – Маделин и Гаспару. Бывшей полицейской и драматургу-мизантропу. И как знать, возможно, вместе с разгадкой они найдут и самих себя.

- [Гийом Мюссо](#)
 -
 -
 - [Мальчуган](#)
 - [В разгар зимы](#)
 - [1. Парижский синдром](#)
 - [2. Теория 21 грамма](#)
 - [3. Краса струн](#)
 - [4. Двое чужих в доме](#)
 - [Безумный живописец](#)
 - [5. Взять судьбу за глотку](#)
 - [6. Сумма распадов](#)
 - [7. Подоженные](#)
 - [Гаспар](#)
 - [8. Ложь и правда](#)
 - [9. Способ победить смерть](#)
 - [Зов света](#)
 - [Четверг, 22 декабря](#)

- [10. В тени](#)
 - [Пенелопа](#)
 - [11. Cursum Perficio](#)
 - [12. Черная дыра](#)
 - [23 декабря, пятница](#)
 - [13. Мадрид](#)
 - [14. Нуэва-Йорк](#)
 - [15. Возвращение на Билберри-стрит](#)
 - [Пенелопа](#)
 - [Лесной царь](#)
 - [24 декабря, суббота](#)
 - [16. Американская ночь](#)
 - [17. Лесной царь](#)
 - [18. Заиндевелый город](#)
 - [19. На опушке ада](#)
 - [20. Любимый сын](#)
 - [Бьянка](#)
 - [21. Нулевой километр](#)
 - [Воскресенье, 25 декабря](#)
 - [22. «Night Shift»](#)
 - [Спустя пять лет](#)
 - [22-я Пенелопа](#)
 - [От автора. От вымысла к правде](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

Гийом Мюссо

Квартира в Париже

Guillaume Musso
UN APPARTEMENT A PARIS

© XO Éditions, 2017. All rights reserved

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

*Ингрид,
Натану*

*Самой холодной зимой я узнал, что внутри меня
непобедимое лето.*

Альбер Камю

Мальчуган

Лондон, суббота, ближе к полудню

Ты еще не подозреваешь, что меньше чем через три минуты столкнешься с одним из самых болезненных в твоей жизни испытаний. Ты не заметила, как оно подкралось, это испытание, но оно оставит на тебе отметину, страшную, как ожог от прикосновения раскаленного железа к нежной коже.

А пока ты беспечно прогуливаешься по торговой галерее, смахивающей на античный атриум. После десяти дней дождей небо снова синее, у тебя хорошее настроение, тебя радуют солнечные лучи, бьющие сквозь стеклянную крышу. В честь начавшейся весны ты купила себе красненькое платьице в белый горошек, на которое заглядывалась целых две недели. Ты чувствуешь легкость, даже игривость. Денек обещает сплошные удовольствия: обед с Жюль, твоей лучшей подругой, вы вместе пойдете на маникюр, потом тебя ждет выставка в Челси, а вечером концерт Пи Джей Харви^[1] в Брикстоне.

Спокойное плавание по затейливым изгибам жизни.

Но не тут-то было: внезапно ты замечаешь его.

* * *

Белобрысый мальчуган в джинсовом комбинезончике и в полупальтишке цвета морской волны. Годика два, ну чуть больше. Светлые смешливые глазищи под разноцветными очками. Тонкие черты круглой, еще кукольной мордашки, окаймленной короткими светлыми локонами. Не головка, а копна сена под летним солнцем. Ты смотришь на него издали, потом направляешься к нему, и чем ближеходишь, тем больше тебя завораживает его личико – нехоженая, залитая светом территория, на которую еще не покусились ни зло, ни время. Веер возможностей – вот что цветет на этом лице. Радость жизни, счастье в чистейшем виде.

Теперь и он смотрит на тебя. Его лицо озаряет бесхитростная, заговорщическая улыбка. Он гордо показывает тебе железный самолетик и поднимает его над головой, держа пухлыми пальчиками: гляди, как летит!

– Вввжик!

Ты отвечаешь улыбкой на его улыбку, испытывая странное ощущение.

Медленный яд не поддающегося расшифровке чувства отравляет все твоё существо неведомой тоской.

Мальчуган, растопылив руки, семенит вокруг каменного фонтанчика, мечущего водяные струи под купол галереи. На какое-то мгновение тебе кажется, что он бежит к тебе, сейчас бросится к тебе в объятия, но...

– Папа, папа! Видишь, я – самолет!

Ты поднимаешь глаза и встречаешься взглядом с мужчиной, ловящим ребенка на лету. Тебя пронзает ледяное лезвие, у тебя останавливается сердце.

Вы знакомы. Пять лет назад у вас завязался роман, затянувшийся на год с лишним. Ради него ты поменяла Париж на Манхэттен и сменила работу. Полгода вы безуспешно пытались зачать ребенка. Потом он вернулся к своей бывшей жене и к их общему ребенку. Ты сделала все, что могла, чтобы его удержать. Не помогло. Тот отрезок жизни дался тебе нелегко, и вот теперь, едва ты вообразила, что страница наконец перевернута, ты снова его встречаешь – и твоё сердце оказывается вдребезги разбито.

Теперь ты лучше понимаешь, почему тебе так сильно не по себе. Ты говоришь себе, что этот ребенок мог бы быть вашим. Что он *должен* был быть вашим.

Мужчина сразу тебя узнает и не избегает твоего взгляда. По его огорченному виду ты догадываешься, что он удивлен не меньше тебя, чувствует себя не в своей тарелке, испытывает смутный стыд. Ты думаешь, что он подойдет и заговорит, но нет, он, как затравленный олень, загораживает своё чадо и торопится отвернуться.

– Пошли, Жозеф, нам пора.

Отец и сын удаляются, а ты стоишь как вкопанная, не веря своим ушам. Жозеф – одно из имен, которые вы обсуждали для вашего будущего ребенка. У тебя туман перед глазами, тебя сверлит чувство, что тебя обокрали. Наваливается тяжелая усталость, в горле застревает ком, и ты на несколько минут прирастаешь к месту, чувствуя себя каким-то никчемным булыжником.

* * *

Еле двигая ногами, ты добираешься до выхода из магазина. В ушах гул, ты движешься как автомат, руки и ноги налились свинцом. Перед Сент-Джеймским парком ты с усилием скидываешь руку, подзывая такси, а

потом всю дорогу дрожишь, борясь с мерзкими мыслями и гадая, что с тобой будет дальше.

Шмыгнув в квартиру и захлопнув дверь, ты первым делом набираешь ванну. В спальне, не зажигая свет и не раздеваясь, валишься на кровать. Из головы не выходит мальчишка, изображающий самолетик, и вскоре испепеляющее отчаяние, которое ты испытала при виде бывшего возлюбленного, сменяется чувством чудовищной пустоты, больно стискивающим грудь. Ты, конечно, реवेशь и при этом твердишь себе, что это очистительные слезы и что кризис пройдет сам собой. Но боль только усиливается, пухнет, обрушивается на тебя, как морской вал, уволаскивающий в запретные глубины, разбивающий все плотины, высвобождающий копившуюся годами неудовлетворенность, горечь от несбывшихся надежд. Вскрываются старые раны – зря ты воображала, что они зажили.

Вскоре ты ощущаешь на себе холодную гидру паники и рывком вскакиваешь. Сердце колотится как бешеное. Нечто похожее случилось несколько лет назад – тогда все кончилось очень нехорошо. Но эта мысль не в силах тебя остановить, неумолимое колесо уже вращается. Даже не пытаясь совладать с дрожью, ты ползешь в ванную.

Аптечка с лекарствами, уйма коробочек. Ты растягиваешься в ванне, не до конца раздевшись, вода плещет на пол. То ли она слишком горячая, то ли слишком холодная – не разобрать. Ну и пусть. Грудь сдавливают тиски, в животе разверзается бездна, перед глазами угольная чернота, все вымазано беспросветной тоской.

А ведь ты не вполне сознавала, что дошла до предела. В последние годы ты немного потерялась, было дело, а что жизнь хрупка, тебе давно известно. Но ты не ждала, что именно сегодня почва уйдет из-под ног, что ты окажешься такой нестойкой. Главное – тебе было невдомек, что внутри у тебя зреет этот грязевой фонтан, эта чернота, отравы, беспомощность. Чувство непролазного одиночества, вдруг поднявшее голову и вонзившее в тебя свои ядовитые клыки.

* * *

Блистеры от таблеток лежат на воде, как кораблики в штиль. Ты отправляешь себе в рот одну горсть за другой и судорожно глотаешь. Но этого мало, надо идти до конца. Ты нашариваешь на краю ванны бритвенное лезвие и подносишь его к запястью.

Ты всегда упорно боролась, но сегодня у тебя иссякли все силы, а у твоего врага крепкая хватка, и он знает тебя лучше, чем ты сама. Прежде чем вскрыть себе вены, ты с иронией вспоминаешь наивную радость, с которой встретила несколько часов назад утро, увидев солнце в своем окне.

Потом наступает странный, сулящий успокоение момент: ты знаешь, что жребий брошен, что путешествие в один конец уже началось. Как загипнотизированная, любишься узорами безымянной красоты, что рисует на воде изливающаяся из тебя кровь. Чувствуя, что отходишь, ты говоришь себе, что боль скоро утихнет. Уверенность, которой в этот момент нет цены.

Дьявол уже увлакивает тебя в свои огненные владения, как вдруг перед глазами снова появляется тот мальчуган. Ты видишь его на морском пляже – то ли в Греции, то ли на юге Италии. Тебе достаточно протянуть руку, чтобы до него дотронуться, ты даже чувствуешь его запах: так пахнет песок, так пахнет пшеница, эти манящие запахи вместе с уверенностью в будущем приносит легкий вечерний ветерок.

Он поднимает голову, смотрит на тебя, и ты с волнением любишься его чудесным личиком, вздернутым носиком, редкими молочными зубками, делающими такой неотразимой его улыбку. Вот он раскидывает руки и устраивает вокруг тебя пробежку.

– Смотри, мама, я – самолет!

В разгар зимы
Вторник, 20 декабря

1. Парижский синдром

Париж – всегда хорошая идея.

Одри Хепбёрн

(«Сабрина», 1954 г., реж. Б.Уайлдер)

1

Руасси-Шарль-де-Голль, зона прибытия

Одно из мест ада на земле.

В зале паспортного контроля сотни пассажиров сбились в плотную змеящуюся очередь, похожую на страдающего ожирением удава. Гаспар Кутанс в тоске разглядывал плексигласовые кабинки метрах в двадцати от него. Кабинок-то было не счесть, но со всей немереной толпой управлялись всего двое несчастных полицейских. Гаспар обреченно вздохнул. Всякий раз, попадая в этот аэропорт, он задавался вопросом, как ответственные чиновники умудряются закрывать глаза на столь вредную для престижа Франции витрину, как эта.

Он проглотил слюну. К бесконечному ожиданию добавлялась нестерпимая жара. Сырой тяжелый воздух пропитался потным зловонием. Соседями Гаспара в очереди были несколько азиатов и подросток, с виду мотоциклист. Напряжение становилось осязаемым: муками от смены часовых поясов после полета длительностью в десять-двенадцать часов беды пассажиров с лицами зомби, оказывается, не исчерпывались: они с возмущением обнаруживали, что их крестный путь еще далеко не завершен.

Страдания начались сразу после посадки. Это притом, что рейс Гаспара из Сиэтла прибыл вовремя: самолет приземлился около девяти утра, но пришлось двадцать с лишним минут ждать подачи рукава. Потом – переход по обветшалым коридорам, которым, казалось, не будет конца. Лабиринт, усложненный указателями, словно специально придуманными, чтобы сбивать заблудших с толку, сменился сломанными эскалаторами, грозившими любому зазевавшемуся переломом конечностей, эскалаторы – битком набитым автобусом, нещадно трамбовавшим свой груз. И все это,

оказывается, чтобы скопиться, как бессловесная скотина, в этом мрачном зале! Добро пожаловать во Францию!

Гаспар, скособоченный из-за висевшего на плече рюкзака, обильно потел. У него было такое чувство, будто, покинув самолет, он пробежал километра три. От подавленности он уже не понимал, что здесь делает. Зачем каждый год обрекать себя на месяц затворничества в Париже? Разве новую пьесу можно сочинить только здесь? Он нервно усмехнулся. Ответ был нехитрым и хлестким, как лозунг: «Техника письма во враждебном окружении». Год за годом к одной и той же дате его агент Карен снимала для него домик или квартиру, где он мог спокойно работать. Гаспар так ненавидел Париж – в особенности в рождественские дни, – что не возражал проводить двадцать четыре часа в сутки взаперти. В результате пьеса писалась сама по себе – или почти. Так или иначе, к концу января текст всегда бывал готов.

Очередь двигалась так медленно, что впору было совсем отчаяться. Ожидание превращалось в пытку. перевозбужденные ребятишки с воплями носились между барьерами, двое престарелых путешественников держались друг за друга, чтобы не упасть, грудного младенца тошнило на мамину шею.

«Будь прокляты эти рождественские каникулы!» – простонал про себя Гаспар, давясь отравленным воздухом. Глядя на своих недовольных товарищей по несчастью, он вспомнил не так давно прочитанную в каком-то журнале статью о «парижском синдроме». Каждый год десятки японских и китайских туристов попадали в больницы, а то и отправлялись восвояси из-за тяжелых психологических нарушений, вызванных первым в их жизни посещением французской столицы. Едва ступив на французскую землю, бедные отпускники начинали страдать странными недугами: тут и бред, и депрессия, и галлюцинации, и паранойя. В конце концов психиатры нашли объяснение: бедняг подкашивал вопиющий разрыв между их воображаемым представлением о «городе света» и действительностью. Они мечтали открыть чудесный мир Амели Пулен^[2], прославляемый в кино и в рекламе, а вместо этого попадали в суровое, даже враждебное место. Париж их фантазий – город романтических кафе, букинистов на набережных Сены, Монмартра и Сен-Жермен-де-Пре – вдребезги разбивался о реальность: неопрятность, карманники и прочие опасности, вездесущая грязь, уродство крупных городских ансамблей, запущенность общественного транспорта.

Чтобы поменять ход мыслей, Гаспар достал из кармана несколько сложенных вчетверо листочков – описание и фотографии позолоченной

тюрьмы, снятой для него агентом в 16-м округе. Раньше там располагалась мастерская художника Шона Лоренца. Соблазнительные клише навевали грезы о просторном светлом убежище, проникнутом покоем, – рае для ожидающего его писательского марафона. Обычно он с подозрением относился к фотографиям, но Карен побывала на месте и уверяла, что он останется доволен. «И даже сверх того», – загадочно добавляла она.

Только бы поскорее туда попасть!

Он еще с четверть часа протомился в очереди, прежде чем пограничники удосужились заглянуть в его паспорт. Любезности у них было ровно столько же, сколько у тюремных церберов: ни тебе «здравствуйте», ни «спасибо», ни ответа на его «всего хорошего». Паспорт в руки – и пошевеливайся!

Вновь пришлось стоять перед табло: Гаспар шарахнулся не туда, надо было возвращаться. Каскад железных лестниц, серия не спешащих открываться автоматических дверей. Он так торопился, что обгонял движущиеся дорожки. Хорошо хоть ему хватило ума не сдавать багаж.

Теперь до выхода из ада было рукой подать. Он поднажал, чтобы прорваться сквозь толкотню в зале прибытия, ненароком толкнул обнимавшуюся пару, перепрыгнул через пассажиров, прикорнувших прямо на полу. Тамбур с вращающейся дверью, на которой было написано «Выход – такси», означал для него конец затянувшейся пытки. Еще несколько метров, и весь этот кошмар останется позади. Он сядет в такси, наденет наушники и мысленно унесется в сладостную даль, внимая пианино Брэда Мелдау и контрабасу Ларри Гренадье^[3]. Уже днем он сядет писать, и тогда...

Дождь смыл налет излишнего воодушевления. На асфальт низвергались небесные хляби. Небо походило на потолок угольного забоя. В воздухе разлилась наэлектризованная тоска. И ни одного такси до самого горизонта! Только фургоны жандармерии – и промокшие растерянные пассажиры.

– Что происходит? – спросил он носильщика, с равнодушным видом курившего у пепельницы на высокой ножке.

– Месье не в курсе? Дело плохо!

В этот самый момент Маделин Грин выходила на Северном вокзале из поезда «Евростар», прибывшего в 9.47 из Лондона.

Первые ее шаги по французской земле были неуверенными – она еще не знала, куда идти, отяжелевшие ноги дрожали. К усталости примешивались головокружение, тошнота и невыносимая изжога. Несмотря на обещание, что прописанное лекарство избавит от побочных действий процедур, которые она проходила, встречать Рождество ей предстояло в разобранном состоянии.

Чемодан, который она волокла за собой, весил не меньше тонны. Шум колесиков под этой бесформенной торбой отдавался в голове с утроенной силой и усугублял мигрень, от которой ей не было спасения с самого утреннего пробуждения.

Маделин резко остановилась и полностью застегнула молнию на своей кожаной куртке на овчинной подкладке. Она вся взмокла, и при этом ее пробирала дрожь. Дыхание перехватило, и она испугалась, что сейчас хлопнется в обморок, но, дойдя до конца перрона, немного приободрилась, как будто лихорадочное вокзальное оживление стало допингом, как по щелчку пальцев восстановило ее связь с окружающей жизнью.

Вопреки своей недоброй репутации Северный вокзал всегда завораживал Маделин. В том, что для других было только устрашающим хаосом, она чувствовала концентрацию грубой и заразной энергии. Для кого-то это было скоплением всего самого убогого и порочного, но ее притягивал вечно копошащийся улей, пересечения тысяч жизней и судеб, гигантская, не прекращающаяся разрастаться паутина. Она оживала, окунаясь в этот тугой пьянящий поток, где зазевавшийся новичок мог в два счета захлебнуться.

Вокзал был для нее театральной сценой, запруженной актерами: туристами, жителями пригородов, деловыми людьми, обитателями трущоб, полицейскими патрулями, торговцами, не имеющими разрешения на торговлю, жуликами, официантами и продавцами, отлучившимися из соседних кафе и магазинчиков. Наблюдая за этим варевом, срезом человечества под громадной стеклянной крышкой, Маделин мысленно сравнивала его с сувенирным шаром – неизменным подарком ее возвращавшейся из поездок бабушки. Только внутри этого шара вместо пластмассовых блесков мельтешила такая необъятная жизнь, что он мог вот-вот лопнуть от ее напора и тяжести.

Стоило Маделин выйти на улицу, как ее чуть не свалило с ног порывом ветра. Куда там Лондону с его вошедшим в поговорку ненастьем: Париж встречал ее проливным дождем, грязным небом, влажной духотой. Такуми не ошибся – все подъезды к вокзалу перегородили десятки такси, приходилось долго идти, чтобы погрузиться в автобус или в автомобиль.

Те, кто попадал в камеру подсуетившегося репортера, не жалели бранных слов: забастовщики и незадачливые пассажиры вели на радость газетам и информационным каналам нескончаемую войну.

Маделин торопливо обогнула возмущенную толпу, проклиная себя за то, что забыла про зонт, и направилась в сторону бульвара Мажанта. Машина, проехавшая по луже, обрызгала ее с головы до ног. Мокрая и возмущенная, она свернула на улицу Сен-Винсен-де-Поль и дошла до церкви. Там за рулем фургончика, мигавшего «аварийкой» во втором ряду, ее ждал Такуми. Молодчина, не опоздал! На его разноцветном «Рено Эстафетт» красовалась жизнерадостная надпись, контрастировавшая с окружающей серостью: «Необыкновенный сад – продажа цветов. 3 бис, ул. Делаамбр, 75014, Париж». Заметив его, Маделин с облегчением взмахнула рукой и поспешила залезть в кабину.

– Привет, Маделин, добро пожаловать в Париж! – С этими словами цветочник сунул ей салфетку.

– Салют, старина, страшно рада тебя видеть!

Вытирая голову, она косилась на молодого азиата. Такуми носил вельветовую куртку и шелковый шарф, на круглую, коротко остриженную голову он нахлобучивал клетчатую фланелевую кепку, из-под которой торчали оттопыренные ушки, делавшие его похожим на мышонка. Усики у него были реденькие, как у юнца, а не как у частного детектива из телесериала. За время ее отсутствия – уезжая из Парижа, Маделин оставила на его попечение чудесный цветочный киоск, куда он нанялся за несколько лет до этого, – он ничуть не повзрослел.

– Здорово, что ты меня встретил, спасибо!

– Брось! В общественном транспорте ты бы нынче хлебнула лиха.

Такуми воткнул передачу и поехал по улице Абвиль.

– Как видишь, в этой стране со времени твоего отъезда ничего не изменилось, – проворчал он, указывая на группу демонстрантов. – С каждым днем все печальнее – ну, да тебе не привыкать!

Дворники на ветровом стекле с трудом справлялись с потоками воды. Борясь с новым приступом тошноты, Маделин попыталась поддержать разговор:

– Ну а ты как? Ждешь не дожدهшься рождественских каникул?

– Если и устрою себе отпуск, то только в конце следующей недели. Поедем праздновать Новый год к родителям Маржолен. У них винокуренный заводик в Кальвадосе.

– Если ты все так же плохо переносишь спиртное, я тебе не завидую!

Лицо Такуми побагровело. Он как был, так и остался обидчивым. С

этой веселой мыслью Маделин уставилась на мокрый пейзаж за окном фургона. Проехав с полкилометра по бульвару Осман, они повернули на улицу Тронше. Несмотря на дождливую погоду и на гадкий социальный климат в столице, Маделин радовалась, что вернулась сюда.

Ей нравилось жить на Манхэттене, но заразиться пресловутой тамошней энергией, которую так расхваливали некоторые ее знакомые, она так и не сумела. Наоборот, Нью-Йорк высасывал из нее силы. Городом-фетишем для нее был и остался Париж, сюда она возвращалась зализывать раны. Здесь она прожила четыре года – не сказать, что лучшие в ее жизни, зато самые важные: это были годы сопротивления, восстановления, возрождения.

До 2009 года она работала в Англии, в уголовном розыске Манчестера. Но одно скверное расследование, за которое она несла ответственность, – дело Элис Диксон^[4] – сломило ее и принудило уволиться из полиции. Из-за этой неудачи она всего лишилась: ремесла, уважения коллег, уверенности в себе. В Париже она завела цветочный магазинчик и зажила на Монмартре, вдали от расследований убийств и исчезновений детей. Но эта спокойная жизнь снова сделала резкий поворот: внезапная встреча толкнула ее на неожиданный путь и позволила вернуться к расследованию, перевернувшему ее жизнь. В конце концов дело Элис Диксон счастливо завершилось в Нью-Йорке. Благодаря обстоятельствам этого успеха она поступила на службу в администрацию WITSYC – Федеральной программы США защиты свидетелей. Передала свой цветочный магазинчик Такуми и улетела в Нью-Йорк. Спустя год полиция Нью-Йорка предложила ей место консультанта в службе разбора закрытых дел. Задачей Маделин было постараться по-новому подойти к некоторым старым нераскрытым делам. Работенка как будто прямиком из телесериала или из детективного романа Харлана Кобена^[5], но на самом деле – невообразимая кабинетная скука. За четыре года Маделин ни разу не окунулась в реальную жизнь и не возобновила ни одного расследования. Системе, винтиком которой она была, не хватало средств, ее душила бюрократия, от масштабов которой покраснела бы самая замшелая французская контора. Любая заявка на проведение анализа ДНК сопровождалась заполнением невообразимой кучи бланков, любой запрос о разрешении допросить старого свидетеля или заглянуть в кое-какие процессуальные документы был сопряжен с безумной бумажной волокитой и в большинстве случаев утыкался в отказ ФБР, решавшего судьбу наиболее интересных уголовных дел.

В конце концов она без всякого сожаления уволилась и перебралась в Англию. Больше всего ее удручало то, что она столько тянула с этим решением. С тех пор как Джонатан Лемперер – мужчина, которого она любила и за которым помчалась на Манхэттен, – вернулся к жене, в США ничто ее не удерживало.

– Весной мы с Маржолен ждем ребенка, – вдруг выпалил Такуми.

– Я... Я очень за тебя рада, – проговорила Маделен, стараясь, чтобы ответ звучал хоть немного радостно.

Но фальшь в ее голосе резанула слух им обоим. Такуми даже сменил тему.

– Ты так мне и не сказала, что привело тебя в Париж.

– Много всего разного, – уклончиво ответила она.

– Если хочешь встретить Рождество с нами, дома, милости просим.

– Большое спасибо, но, пожалуй, нет, не хочу. Не сердись, просто мне надо побыть одной.

– Дело твое.

В фургоне повисло тяжелое молчание. Маделин не возобновляла разговор. Глядя в окно, она искала взглядом знакомые ориентиры, пыталась связать каждое место со своими воспоминаниями о парижской жизни. На площади Мадлен на нее нахлынули воспоминания о выставке Дюфи^[6] в картинной галерее; на улице Руаяль она высмотрела быстро, где готовили сногшибательное телячье рагу под белым соусом; мост Александра III остался для нее связанным с мотоциклетной аварией как-то дождливым днем...

– У тебя есть профессиональные планы? – осведомился Такуми.

– А как же! – соврала она.

– Давно не виделась с Джонатаном?

Не лез бы ты не в свое дело!

– Допрос окончен? Ты забыл, что полиция – это я?

– В том-то и дело, я в курсе, что ты больше не полицейская...

Она вздохнула. Бестактный юнец начинал действовать ей на нервы.

– Ладно, буду откровенной, – заговорила она. – Хочу, чтобы ты больше не задавал вопросов. Ты был моим учеником, я продала тебе свое дело, но это не дает тебе права приставать с вопросами о моей жизни!

Пересекая эспланаду Инвалидов, Такуми искоса поглядывал на Маделин. Она ничуть не изменилась: та же старая кожаная куртка, те же белокурые локоны, неизменное старомодное каре и – тот же колючий нрав.

Все еще сердясь, она опустила стекло и закурила.

– Ничего себе! По-прежнему куришь? – удивился Такуми. – Где твои

мозги?

– Помолчи! – прикрикнула Маделин и выпустила в его сторону струйку дыма: пусть поерзает.

– Нет! Не в моей машине! Не хочу, чтобы мой фургон провонял табаком!

Дождавшись остановки на красном сигнале светофора, Маделин схватила свой чемодан и распахнула дверцу.

– Ты чего, Маделин? Что ты делаешь?

– Я уже не в том возрасте, чтобы выслушивать дешевые уроки морали. Дойду пешком.

– Нет, подожди, ты же про...

Она захлопнула дверцу и решительно зашагала по улице Гренель.

Дождь не думал униматься.

3

– Забастовка? – ахнул Гаспар. – Что еще за напасть?

Носильщик с видом прожженного фаталиста пожал плечами и неопределенно махнул рукой.

– Все как обычно, а то вы не знаете...

Пряча лицо от дождевых струй, Гаспар приставил ладонь ко лбу козырьком. Ясное дело, взять с собой зонт он не додумался.

– То есть на такси можно не рассчитывать?

– Никаких такси. Можно попытать удачи с пригородными электричками, но ходит только одна из трех.

Нет уж, лучше сдохнуть!

– А автобусы?

– Понятия не имею, – поморщился носильщик, докуривая сигарету.

Гаспар, бранясь про себя, вернулся в терминал и полистал в уголке отдыха свежий номер «Паризьен». Заголовок все объяснил: «Большая блокада». Таксисты, железнодорожники, авиадиспетчеры, стюардессы и стюарды, водители-дальнобойщики, докеры, почтальоны, мусорщики – вся эта публика, сговорившись между собой, пригрозила правительству параличом страны, если оно не отзовет проект неугодного закона. Статья предупреждала об опасности расширения забастовок и о том, что в результате блокады нефтеперерабатывающих заводов страна могла через считанные дни столкнуться с дефицитом топлива. Беда не приходит одна: после пика загрязненности в начале месяца на Сене случился рекордный

паводок. Вокруг Парижа сплошные наводнения, что усугубляет проблемы с проездом...

Гаспар потерял глаза. *Вечно одна и та же песня, стоит мне сунуться в эту страну.* Конца кошмару не предвиделось, но злость уже вытеснялась безразличием.

Как быть? Будь у него мобильный телефон, он бы позвонил Карен – пусть ищет выход. Но Гаспар не желал иметь ничего общего с сотовой связью. Компьютера у него тоже не было – ни ноутбука, ни планшета. Соответственно он обходился без адреса электронной почты и вообще никогда не заходил в Интернет.

По наивности он стал искать в здании аэропорта кабину телефона-автомата, но безуспешно: похоже, за ненадобностью их убрали все до единой.

Оставалась единственная надежда – автобус. Он снова вышел и стал озираться, однако навести справки было не у кого. Добрых полчаса он потратил на изучение запутанной маршрутной сети автобусов «Эр Франс», после чего с досадой наблюдал, как отъезжали два битком набитых автобуса, в которые уже не пролезла бы даже мышь.

Еще полчаса нервного ожидания под сильнейшим ливнем – и Гаспар сумел-таки загрузиться в автобус. Сидячих мест уже не было – собственно, он и не мечтал сесть, зато с маршрутом не ошибся: конечным пунктом значился вокзал Монпарнас.

Вымокшие до нитки, стиснутые, как сардины в банке, пассажиры смирились с тем, что эту чашу им придется испить до дна. Гаспар, прижимая к себе рюкзак, вспоминал слова Достоевского: «Человек есть существо ко всему привыкающее». Именно ко всему: к тому, что топчутся по твоим ногам, толкают тебя, чихают тебе в лицо. Что ты потеешь в компании незнакомцев в душегубке, висишь вместе с дюжиной попутчиков на железном поручне, собравшем все возможные микробы...

Он снова боролся с желанием все бросить и сбежать из Франции. Утешением стала мысль, что эта голгофа продлится не больше месяца. Если он сумеет уложиться с новой пьесой в срок, то меньше чем через пять недель унесет отсюда ноги и проведет конец зимы и начало весны в Греции, на своем паруснике, ждущем его на якорной стоянке у острова Сифнос. А дальше – полгода плавания в архипелаге Киклады, блаженное слияние с природой, взрыв чувств и красок: ослепительная белизна отражающих солнце известковых утесов, кобальтовая голубизна небес, бирюзовые глубины Эгейского моря... В Греции Гаспар чувствовал гармонию с пейзажем, растениями, запахами. Вот оно, пантеистическое

слияние! Допьяна надышавшись морским воздухом, он подолгу бродил по пустошам, карабкался по склонам вдоль стен из иссушенных камней, упивался ароматами тимьяна, шалфея, оливкового масла и жареных овощей. Это счастье продолжалось до середины июня, пока острова не поражала ежегодная гангрена – наплыв туристов. На это время Гаспар находил убежище на американской территории, в своем шале в Монтане.

Там жизнь была устроена иначе: то был возврат к природному естеству в самом диком, грубом виде. Ритм его дням задавали ловля форели, бесконечные скитания по березовым лесам, вокруг озер, вдоль рек и ручьев. Одинокое, но напряженное существование вдали от раковых опухолей, называемых городами, и от их анемичных обитателей.

Еле-еле, метр за метром, автобус тащился по шоссе А3. Указатели, которые Гаспар читал через замызганные окна, были словно четки на нитке дороги, протянутой к северо-восточному пригороду: Ольне-су-Буа, Дранси, Ливри-Гарган, Бобини, Бонди...

У него была потребность в этих долгих одиноких погружениях в природу, даривших очищение, исцелявших от язв цивилизации, ибо с давних пор Гаспар Кутанс воевал с суетой и хаосом обреченного на гибель мира. Мира, трещавшего по всем швам, постигнуть который он был не в силах. Как положено мизантропу, он чувствовал больше близости к медведям, хищникам и змеям, чем к так называемым собратьям-человекам. Он порывал с презренным миром и гордился этим. Гордился своей способностью проводить большую часть жизни вне общества и его правил. Он перестал бы себя уважать, если бы хоть раз за последнюю четверть века включил телевизор, заинтересовался Интернетом или изменил своему верному «Доджу» конца 70-х годов.

Его отшельническая жизнь была проникнута решительным, но не фанатичным аскетизмом. Бывало, он пользовался подвернувшейся возможностью и позволял себе какую-нибудь выходку. Ему случалось покидать свои горы или греческое логово для полета на концерт Кита Джаррета^[7] в Жуан-ле-Пен или на «Тоску» на античной арене Вероны. К этому добавлялись месяцы творчества в Париже. Целый год он вынашивал очередную пьесу в голове, а потом садился за письменный стол и не вставал по шестнадцать часов в день. И каждый раз боялся, что иссякнут мысли, угаснет вдохновение, желание творить. Но нет, раз за разом возобновлялся загадочный процесс. Слова, ситуации, реплики, диалоги выходили из-под его пера и, зафиксированные его сухим экономным почерком, обретали связность.

Ныне его пьесы, переведенные почти на двадцать языков, ставились по всему миру. Только в прошлом году он насчитал полтора десятка спектаклей в Европе и в США. «Город-призрак», одна из его последних пьес, сыгранная в овеянном легендами берлинском театре «Шаубюне», удостоилась премии «Тони». Больше всего плоды его труда импонировали интеллектуальной прессе, несколько их переоценивавшей и усматривавшей в них даже больше подлинного содержания.

Гаспар никогда не посещал постановки своих пьес и не давал интервью. Сначала Карен беспокоило его нежелание общаться с прессой, но потом она умудрилась использовать эту сдержанность ему во благо и создать «загадку Гаспара Кутанса». Теперь его игра в прятки только побуждала прессу петь ему дифирамбы. Его наперебой сравнивали с Кундерой, Пинтером, Шопенгауэром, Кьеркегором. Гаспар не обольщался всеми этими похвалами, так как всегда считал свой успех недоразумением.

После Баньоле автобус застрял – и, казалось, навечно – на окружной дороге, потом все же оказался на набережной Берси и дополз до Лионского вокзала. Там он снова надолго завис, высадил половину пассажиров и взял курс на запад.

Все пьесы Гаспара произрастали из одного и того же субстрата под названием абсурд и трагизм жизни, или присущее человеческой участи одиночество. Источником было презрение автора к безумию его эпохи, его нежелание верить каким бы то ни было иллюзиям, его неприятие оптимизма, добрых чувств и хеппи-энда. Но при всем отчаянии и жестокости его пьесы были забавными. Это были, конечно, не «Один лишь пшик», не «Клетка для чудаков» и не «В театре сегодня вечером»^[8], тем не менее в них хватало жизни и динамизма. По словам Карен, они создавали у зрителей впечатление доступности свободы, а критикам давали повод надуваться важностью: они начинали считать себя большими умниками. Это, возможно, и служило объяснением увлечения его драматургией публикой и самыми заметными актерами, буквально дравшимися за право произносить вымученные им тексты.

Автобус тем временем переехал через Сену. Бульвар Араго с тоскливыми, ошипанными рождественскими украшениями напомнил Гаспару, до чего ему ненавистны предрождественские дни и то, во что превратился этот праздник, – вся эта вульгарная коммерческая блевотина. На площади Данфер-Рошро, прямо напротив входа в катакомбы, автобус опять застрял. Кучка демонстрантов, окружившая Бельфорского льва^[9], размахивала флагами Генеральной конфедерации труда, «Форс Увриер»

и Единой профсоюзной федерации. Водитель автобуса опустил стекло и заговорил с регулировщиком. Гаспар наострил уши и уяснил, что авеню Мен и все подъезды к башне Монпарнас наглухо заблокированы.

Двери автобуса распахнулись с пневматическим хлопком.

– Конечная, все выходят! – весело объявил водитель, обрекая своих пассажиров на незавидную участь: снаружи с новой силой бушевала гроза.

4

В связи с забастовкой и с блокадой мест переработки отходов Париж тонул в мусоре. Перед ресторанами, подъездами домов и витринами магазинов выросли горы нечистот. Раздосадованные туристы, даваясь отвращением и негодованием, снимали иронические селфи на фоне переполненных мусорных контейнеров.

Маделин шагала по улице Гренель под беспощадным ливнем, волоча за собой чемодан на колесиках, прибавлявший, казалось, лишний килограмм веса каждые сто метров. Но она набралась мужества и решила быть выше мелких невзгод. В этом ей помогало мысленное составление программы на предстоящие дни. Прогулки по острову Сен-Луи, музыкальная комедия в «Шатле», постановка в Театре Эдуарда VII, выставка Эрже в Большом дворце, «Манчестер на море» в кино, ресторанчики в гордом одиночестве... Ей остро требовалось успешно провести время в Париже. Она приехала сюда с надеждой отдохнуть и прийти в себя. Что поделать, она приписывала этому городу волшебные свойства.

По пути она гнала от себя мысли о предстоящих медицинских процедурах. На пересечении с улицей Бургонь дождь взял и перестал. На улице Шерш-Миди ее даже поприветствовал робкий солнечный лучик, вызвавший у нее улыбку. Она поискала в смартфоне адрес сайта аренды недвижимости, на котором заказывала жилье.

«Квартира в Париже» – такой запрос она ввела месяц назад в поисковик, решив заняться подбором временного пристанища. После нескольких десятков кликов и получаса навигации она набрела на сайт агентства недвижимости, специализировавшегося на удовлетворении нетипичных запросов. Облюбованный ею дом существенно выходил за рамки ее бюджета, но она уверенно выбрала именно его. Боясь, что вариант уплывет у нее из-под носа, она тут же вооружилась кредитной карточкой и оформила заказ.

В письме с подтверждением значился адрес дома, его сопровождала куча всевозможных ориентировочных кодов. Они привели ее на аллею Жанны Эбютерн, в тупичок, перегороженный железным забором, напротив ресторана «У Дюмоне». Маделин нашла облезлую калитку и, не отрывая взгляда от экрана телефона, набрала четырехзначный код, отпиравший замок.

Лишь только за ней захлопнулась калитка, она очутилась в неожиданном, особенном мире. Ее сразу заворожил густая зелень: жимолость, бамбук, заросли жасмина, магнолии, какие-то совсем уж сверхъестественные деревца и кустики – мексиканский апельсин, японская андромеда, буддлея Давида, – превращавшие этот уголок в буколический ларец сельской жизни в тысячах миль от шума и лязга города. Сделав несколько шагов, Маделин увидела посреди сада четыре дома, наполовину скрытых разросшимся плющом и страстоцветом.

Арендванный ею домик оказался замыкающим. Три других ничуть ее не интересовали. Внешне это был просто железобетонный куб, обложенный в шашечку красным и черным кирпичом. Маделин набрала очередной код и толкнула железную дверь, над которой висела табличка с витой надписью *Cursum Perficio*^[10].

Лишь только она проникла внутрь, произошло невероятное: приступ острого восхищения, почти что любовь с первого взгляда. Ослепление, полубоморок, помрачение, от которого сжалось сердце. Откуда взялось это чувство, что она попала домой? Это необъяснимое впечатление гармонии? Может, дело было в безупречной организации пространства? В охровых отблесках естественного света? В валившем с ног контрасте с наружным хаосом?

Маделин всегда была равнодушна к интерьерам. Они долго оставались важной частью ее ремесла: ее задачей было заставить интерьеры говорить. Но тогда у мест, с которыми ей приходилось иметь дело, была неприятная особенность: то были места преступления...

Она оставила чемодан в углу коридора и прошла по комнатам. *Cursum Perficio* оказался безупречно отреставрированным домом-мастерской 1920-х годов с общим для всех трех этажей зеленым двориком.

На приподнятом первом этаже располагались кухня, столовая и большая голая гостиная. Оттуда прямо вниз, на землю, вела лестница. Две комнаты следующего уровня выходили дверями на фонтанчик, окруженный вьющейся растительностью. Верхний уровень был поделен между просторной мастерской, спальней и ванной комнатой.

Очарованная, Маделин задержалась в мастерской, залюбовавшись

резными оконными проемами высотой в добрых четыре метра, словно впускавшими сюда небо и кроны деревьев. В описании дома на сайте она прочла, что раньше он принадлежал художнику Шону Лоренцу. Можно было подумать, что прежний хозяин лишь недавно отлучился. Повсюду оставались признаки его недавнего присутствия: разнокалиберные мольберты и рамы, рассортированные по размерам нетронутые холсты в коробах, бесчисленные баночки и баллончики с красками, широкие и узкие кисти.

Покинуть мастерскую оказалось не так просто. Здесь, в святая святых живописца, она буквально приросла к полу. Придя наконец в себя и спустившись в гостиную, она распахнула застекленную дверь и вышла на террасу. Там одуряюще пахло цветами с внутреннего дворика. Маделин не могла не улыбнуться при виде двух малиновок, порхавших над кормушкой на стене. Какой это Париж – скорее деревня! Она знала, что делать дальше: сначала ванна, потом чашка чая и хорошая книга на террасе.

Этот дом уже вернул ей умение улыбаться. Выходит, она не ошиблась, послушавшись своего инстинкта и приехав сюда. Что ж, Париж подтверждал репутацию города, куда все-таки стоит наведываться.

5

Кляня ливень, Гаспар перепрыгивал с тротуара на тротуар, натянув на голову куртку. Рюкзак оттягивал плечо, грозя плюхнуться в лужу. Таким манером он, ни разу не остановившись, добрался от Данфер до станции метро «Эдгар-Кине». Вот и улица Деламбр – знакомые места! Два года назад Карен сняла ему большую квартиру по соседству, на углу площади Деламбр. Он хорошо помнил эту улицу: маленькая школа, отель «Ленокс», замечательный сад с густо заросшей оградой, ресторанчики: «Суши Гозен», «Бистро дю Дом».

Когда он добрался до бульвара Монпарнас, дождь уже перестал. Теперь можно было надеть куртку и протереть очки. Он услышал нестройный шум: петарды, рожки, свистки, сирены, лозунги с проклятиями властям. Улицу запрудили демонстранты, собиравшиеся двинуться плотной толпой по улице Ренн. Гаспар опознал желтые жилеты ВКТ, скопившиеся вокруг готового взмыть в воздух воздушного шара, нашарил негодующим взглядом звуковую установку, разогревавшую и без того терявшую терпение толпу.

Драматург нырнул в море знамен и вымпелов, чтобы вынырнуть,

запыхавшись, уже на бульваре Распай. Относительная тишина принесла облегчение, здесь Гаспар, опершись о фонарный столб, восстановил дыхание. Утирая со лба пот, он достал из кармана присланный Карен листочек и еще раз прочел адрес и объяснение, как найти квартиру, которую она для него сняла. Когда от тротуара отразились первые робкие лучи проглянувшего солнышка, он зашагал в нужную сторону.

На углу улицы Шерш-Миди его внимание привлекла витрина винного подвальчика. Забавное название: «Красное и черное». Прежде чем спуститься, Гаспар убедился, что в магазинчике нет других покупателей. Зная заранее, что ему нужно, он свел беседу с хозяином к минимуму и уже десять минут спустя продолжил путь, гордо неся ящик лучших вин: «Жевре-Шамбертен», «Шамболь-Мюзиньи», «Сент-Эстеф», «Марго», «Сен-Жюльен»...

Будет чем утолить жажду.

Глядя на свое отражение в витринах, он вдруг вспомнил ужасный начальный эпизод фильма «Покидая Лас-Вегас»: герой Николаса Кейджа покупает в винном магазине десятки бутылок и грузит их в «Кадиллак». Эта остановка стала прелюдией к провалу в самоубийственный ад.

Гаспар еще не дошел, конечно, до такой стадии, но спиртное превратилось в неотъемлемую часть его повседневности. Чаше он выпивал в одиночестве, но были на его счету и памятные пьянки в кабаках Коламбия Фоллс, Уайтфиш и Сифноса. Были и жестокие запои в компании неотесанных мужланов, плевавших на Брейгеля, Шопенгауэра, Милана Кундеру и Гарольда Пинтера, всех вместе и каждого в отдельности.

Что делать, если не находишь лучшего творческого стимулятора и одновременно лучшего средства законопатить течь, не допустить проникновения в твою жизнь лишнего трагизма? Лучшего сообщника, помогающего тебе сорвать с чахлого древа существования плод-другой сладостной беззаботности? Спиртное, то друг, то враг, служило Гаспару щитом, отражавшим избыточные эмоции, кольчугой, предохранявшей от тревог, незаменимым снотворным. Вспомнилась до кучи и фраза Хемингуэя: «Умному человеку иной раз приходится выпить, чтобы не так скучно было с дураками»^[11]. Вот именно! Алкоголь не разрешал толком ни одной проблемы, зато служил временным подспорьем, чтобы не подохнуть от осознания того, какая посредственность поработила род людской!

Гаспар не питал иллюзий и допускал, что алкоголь в конце концов одержит над ним победу. Он даже представлял, и не без подробностей, как это могло бы произойти: в один несчастливый день жизнь покажется ему до того невыносимой, что он больше не сможет с ней мириться на трезвую

голову. Время от времени он воображал себя тонущим в сгустившихся алкогольных парах. Сейчас он, как водится, поспешил прогнать свой кошмар. Оказалось, что, погруженный в невеселые мысли, он добрел до нужных ворот, выкрашенных берлинской лазурью.

Удерживая под мышкой ящик с вином, Гаспар набрал четырехзначный код, не пропуская в тупичок на аллее Жанны Эбютерн кого не следовало. Всего несколько шагов по маленькому раю внутри – и до отказа взведенная у него внутри пружина стала ослабевать. При виде буйной растительности и всей этой старомодной, неожиданно деревенской обстановки он остановился как вкопанный на заросшей тропинке. Само время, казалось, текло здесь медленнее, чем снаружи, как в каком-то параллельном пространстве со своими собственными законами. На солнышке разлеглись два добродушных кота. Среди ветвей вишневого дерева чирикали пташки. Городской хаос остался где-то далеко, и невозможно было поверить, что всего в нескольких сотнях метров от этого блаженного местечка громоздится ненавистная башня Монпарнас.

Гаспар сделал еще несколько шажков по неровной тропе. За зарослями прятались обнесенные ржавой оградкой домики из оштукатуренных камней, обвитые плющом и диким виноградом. Аллея упиралась в дерзкое сооружение строгих геометрических очертаний – железобетонный куб, облицованный в шашечку черными и красными кирпичами и опоясанный широкой галереей из переливающегося стекла. Над дверью висела табличка с витыми буквами, складывавшимися в два слова: *Cursum Perficio*. Так назывался, помнится, последний дом Мэрилин Монро. Дверь дома была заперта на кодовый замок. Гаспар опять последовал инструкциям Карен, и железная дверь, издав нежный щелчок, гостеприимно отворилась.

Гаспару уже было любопытно, что там внутри. Миновав холл, он очутился в гостиной. Фотографии грешили против действительности: она оказалась куда лучше. Дом был искусно организован вокруг прямоугольного внутреннего дворика, облагороженного L-образной террасой.

– Ну и дела... – сквозь зубы процедил Гаспар, ошеломленный изяществом своего временного пристанища. Все напряжение, накопившееся в нем за последние часы, куда-то подевалось. Здесь все было как в другом измерении, какое-то смутно знакомое, умиротворяющее, обнадеживающее. Функциональность, чистота, уют! Он попробовал проанализировать, откуда взялось это благодное ощущение, но ни архитектура, ни гармония пропорций не были для него понятной грамматикой со знакомыми правилами.

К интерьерам он обычно был равнодушен. Другое дело пейзажи: для него были исполнены бесконечного смысла отражения заснеженных гор на поверхности озер, отливающая синевой белизна ледников, пьянящая бескрайность хвойных лесов. А вот разглагольствования про фэншуй и влияние расстановки мебели на циркуляцию энергии в помещении он презрительно отвергал. Но сейчас был вынужден признать, что если и не улавливал «врачующих волн», то по крайней мере почему-то исполнился уверенности, что здесь ему будет хорошо и что работа пойдет как по маслу.

Гаспар открыл высокую дверь, вышел на террасу, облокотился о балюстраду и стал слушать пение птиц, впитывая целебную атмосферу сельского уединения. Поднялся ветер, но было не холодно, солнце пригревало. Впервые за долгое время Гаспар заулыбался. В честь прибытия стоило откупорить бутылочку «Жевре-Шамбертен», налить бокал и насладиться волшебным нектаром в неспешном спокойствии...

Его блаженство было нарушено звуком шагов. В доме кто-то был: может, уборщица, может, какой-нибудь ремонтник. Он отправился выяснить, кто это, – и лицом к лицу встретился с женщиной, почти обнаженной, завернутой в широкое полотенце.

– Кто вы такая? Что вы делаете здесь, у меня? – осведомился он.

Она зло посмотрела на него.

– Тот же самый вопрос я собиралась задать вам.

2. Теория 21 грамма

Художники притягивают нас отчасти своей непохожестью, отказом от конформизма, средним пальцем, который суют обществу под нос.

Джесси Келлерман.

Лица

1

– Честно говоря, я не уверен, что вполне понимаю, в чем вы меня упрекаете, мадемуазель Грин.

Гордый своей посеребренной годами шевелюрой, Бернар Бенедик грозно выпячивал грудь, словно нес караул перед широким одноцветным полотном в глубине своей галереи на улице Фобур-Сент-Оноре. Он недавно сбросил вес, поэтому тонул в рубашке с воротом а-ля Мао и в зеленой, оттенка абсента, куртке лесника. Толстые очки «Ле Корбюзье» съедали верхнюю половину его физиономии, зато увеличивали и еще больше округляли глаза, смотревшие живо, даже игриво.

– Информация на сайте вводит в заблуждение, – повторила Маделин, повысив голос. – Там не было упоминания о совместной аренде.

Галерист покачал головой.

– Дом Шона Лоренца не предлагается для совместной аренды, – заверил он ее.

– Полюбуйтесь! – И возмущенная Маделин протянула ему две бумаги: ее собственный контракт и другой точно такой же, предъявленный этим Гаспаром Кутансом, с которым она столкнулась, когда вышла из ванной час назад.

Галерист взял у нее бумаги и уставился в них с недоуменным видом.

– Действительно... Это какая-то ошибка, – нехотя согласился он, вертя в пальцах свои очки. – Не иначе, дело в каком-нибудь компьютерном вирусе, хотя я, честно говоря, мало во всем этом смыслу. Объявление разместила на сайте Надя, одна из наших стажерок. Я бы мог попробовать с ней связаться, но она как раз сегодня утром улетела на каникулы в Чикаго,

так что...

– Я уже написала на сайт, но это не решит мою проблему, – перебила его Маделин. – Мужчина, находящийся сейчас в доме, только что прилетел из Соединенных Штатов и не собирается съезжать.

Бернар Бенедик помрачнел.

– Напрасно я согласился сдавать этот дом! Даже из могилы Лоренц умудряется портить мне жизнь... – пробурчал он, сердясь на самого себя, сердито посопел, а потом просиял: – Знаете что? Я возмещу вам убытки.

– Не желаю денег! Мне нужно то, о чем было условлено: жить в доме *совершенно одной*.

Напирая на это условие, она пребывала в гневной, совершенно иррациональной убежденности, что *должна* жить именно в этом месте.

– Что ж, раз так, я предложу то же самое месье Кутансу. Хотите, чтобы я ему позвонил?

– Вы мне не поверите: у него нет телефона.

– Ну так передайте ему мое предложение.

– Я общалась с ним не более пяти минут. Похоже, он строгий субъект.

– Можно подумать, вы слеплены из другого теста! – С этими словами Бенедик сунул ей свою визитную карточку. – Поговорите с ним и перезвоните мне. Если у вас есть желание пройтись по моей галерее, то я успею написать ему записку с извинениями и с предложением отступного.

Маделин убрала карточку в карман джинсов и отправилась смотреть картины, не удосужившись поблагодарить собеседника. Она сомневалась, что записка подействует на этого Кутанса, показавшегося ей упрямым и агрессивным медведем.

Время было обеденное, галерея почти пустая, и Маделин решила познакомиться с ее содержимым. Специализацией галереи была современная городская живопись. В первом зале были вывешены только полотна внушительного формата, все до одного без названия. Здесь преобладали одноцветные пространства, плоскости мрачных оттенков – одни испещренные дырами, другие утыканные ржавыми гвоздями. Зато второй зал резко контрастировал с первым: в нем буйствовали яркие краски, нанесенные на холсты смелыми энергичными мазками. Сами работы балансировали между граффити и азиатской каллиграфией. Маделин стало любопытно, но не более того.

Живопись такого рода чаще оставляла ее равнодушной. Никогда она не понимала, говоря по правде, современную живопись. Читала, как все, статьи, смотрела репортажи об успехах художников, выбившихся в звезды: инкрустированном бриллиантами черепе Дэмьена Хёрста^[12] и его зверях в

формалине, омарах Джеффа Кунса^[13], вызвавших полемику в Версальском дворце, провокационных выходках Бэнкси^[14], елке Пола Маккартни, сделанной в форме секс-игрушки и разгромленной на Вандомской площади, но пока еще не нашла ключа, который отпер бы ей дверь в эту вселенную. Вся в сомнениях, она добрела до последнего зала, где ее поджидала стилевая мешанина. Помимо воли Маделин задержалась перед надувными фаллическими фигурами кислотной окраски. Потом ее внимание привлекли персонажи из розовой смолы в стиле манго-порно. В экспозиции выделялись также два высоких скелета, застывших в рискованной позе из Камасутры, монументальные скульптуры из увеличенных ячеек «лего» и беломраморная химера – лев с головой и бюстом Кейт Мосс. Дальше, в глубине зала, красовалась коллекция оружия – ружей, мушкетеров и аркебузов, изготовленных из вторсырья: банок из-под сардин, перегоревших лампочек, железной и деревянной кухонной утвари; все это удерживалось вместе при помощи проволочек, изоляционной ленты и кусков веревки.

– Нравится?

Маделин вздрогнула и обернулась. Засмотревшись на всю эту невидаль, она не услышала, как к ней подкрался Бернар Бенедик.

– Совершенно в этом не разбираюсь. Одно могу сказать: это не мое.

– Что же тогда ваше? – весело спросил галерист.

– Матисс, Бранкузи, Никола де Сталь, Джакометти. – За этим перечислением она убрала в карман полученный от него конверт.

– Охотно соглашусь, этот уровень гениальности здесь еще не достигнут. – Бернар Бенедик с улыбкой обвел рукой пестрый лес эрегированных половых членов. – Вы будете смеяться, именно вот это расходуется у меня сейчас на ура.

Маделин с сомнением надула губы.

– А работы Шона Лоренца у вас есть?

Только что Бенедик был весел, но теперь помрачнел.

– Увы, нет. Этот художник рисовал мало. Сегодня его произведений почти не найти. Каждое стоит целое состояние.

– Когда он скончался?

– Год назад. Ему исполнилось всего сорок девять лет.

– Какая ранняя смерть!

Бенедик кивнул.

– Шон всегда был слаб здоровьем. У него были давние проблемы с сердцем, он перенес несколько операций шунтирования.

– Его вещи выставляли и продавали вы один?

Бенедик скорчил горестную гримасу.

– Сначала – да. Потом я стал просто его другом, несмотря на частые размолвки.

– Что собой представляли полотна Лоренца?

– Других подобных не было! – воскликнул галерист. – Лоренц есть Лоренц, этим все сказано.

– А все-таки? – не унималась Маделин.

– Шон не помещался ни в одну из известных категорий, – воодушевился Бенедик. – Он не принадлежал ни к каким школам, ни к каким кружкам. Если попробовать найти аналогию в кинематографе, то позволительно сравнить его со Стэнли Кубриком: это тоже был творец, способный создавать шедевры в самых разных жанрах.

Маделин покачала головой. Пора было идти, чтобы поставить точку в истории с нежелательным сожителем. Но что-то ее здесь удерживало: знакомство с домом художника так на нее подействовало, что стоило попытаться узнать о нем побольше.

– Теперь хозяин мастерской Лоренца – вы?

– Правильнее сказать, я пытаюсь уберечь ее от покушений кредиторов Шона. Я его наследник и душеприказчик.

– Кредиторы?! Вы же сами только что сказали, что картины Лоренца бесценны!

– Так и есть, но ему влетел в копеечку развод. К тому же последние несколько лет он не брал в руки мольберт.

– Почему?

– Из-за болезни и личных проблем.

– Что за проблемы?

– Вы, случайно, не из полиции? – нахмурился Бенедик.

– Если честно, именно оттуда, – с улыбкой призналась Маделин.

– То есть? – вскинул он брови.

– Несколько лет проработала сыщиком: сначала в уголовном розыске Манчестера, потом в Нью-Йорке.

– Чем вы там занимались?

Она пожала плечами:

– Убийствами, похищениями.

Бенедик прищурился, словно его посетила какая-то идея. Он покосился на часы, потом указал через окно на итальянский ресторан на противоположной стороне улицы, чья черная витрина и золоченые резные украшения по краям навеса наводили на мысль о пиратском корабле.

– Как насчет сальтимбокка^[15]? – спросил он. – Через час у меня встреча, но если у вас есть желание больше узнать о Шоне, я приглашаю вас на обед.

2

Ветви старой липы посреди внутреннего дворика дрожали на теплом ветерке. Гаспар Кутанс, устроившись за столиком на террасе, блаженно потягивал из бокала вино. «Жевре-шамбертен» было упоительным: сбалансированным, с интенсивным вкусом, плотным и одновременно мягким, приятно отдававшим вишней и черной смородиной.

Увы, удовольствие от дегустации было подпорчено неясностью с арендой дома. «Черт возьми, – думал он, – не хватало, чтобы эта особа меня выселила!» Он уже загорелся желанием написать свою очередную пьесу именно здесь. Это было уже даже не дело принципа, а необходимость. В кои-то веки его накрыла любовь с первого взгляда, и он отказывался складывать оружие, считая себя полностью в своем праве. С другой стороны, эта Маделин Грин выглядела не больно уступчивой. Она навязала ему свой телефон, чтобы он мог позвонить агенту. Карен не была виновата в случившемся, тем не менее рассыпалась в извинениях и, перезвонив через десять минут, сообщила, что на время, пока все не утрясется, сняла для него апартаменты в «Бристоле». Гаспар ответил твердым «нет» и ультиматумом: либо *этот* дом, либо ничего. Либо Карен находит решение, либо их сотрудничеству конец. Обычно угрозы такого рода превращали Карен в непобедимую воительницу. Но в этот раз он боялся, что потерпит неудачу.

Новый глоток бургундского. Птичьи трели. Упоительный воздух. Греющее сердце зимнее солнышко. Гаспар не мог не улыбаться: во всей этой ситуации было что-то комическое. Мужчина и женщина вынуждены по причине компьютерного сбоя снять на Рождество один и тот же дом. Это смахивало на зачин пьесы. В этой пьесе не ожидалось присущей ему циничной игры ума, зато она сулила массу веселья. Что-то в этом роде сочиняли в 60–70-е годы Барийе и Греди, любимые драматурги его отца, чьи пьесы с большим успехом шли в театре «Антуан» и в «Буфф Паризьен».

Его отец...

От этих мыслей некуда было деваться. Стоило Гаспару приехать в Париж, как оживали его детские воспоминания, разгорались угли, которые

он считал давно потухшими. Чтобы не обжигаться, Гаспар гнал эти воспоминания, не позволяя им становиться слишком болезненными. Постепенно он усвоил, что мысли такого рода лучше держать на расстоянии, иначе не выжить.

Он налил себе еще вина и покинул с бокалом террасу, чтобы походить по гостиной. Там его внимание привлекла коллекция долгоиграющих грампластинок: сотни джазовых дисков, любовно рассортированных на дубовой этажерке. Он выбрал пластинку американского джазиста Пола Бли, о которой никогда не слышал, и, внимая хрустальным звукам фортепьяно, стал разглядывать фотографии на стенах.

Ни картин, ни рисунков – только черно-белые эпизоды семейной истории. Мужчина, женщина, маленький мальчик. В мужчине Гаспар узнал Шона Лоренца: он помнил его портрет кисти англичанки Джейн Баун, сопровождавший некролог в «Монд» в прошлом декабре. Сейчас перед ним висел снятый крупным планом оригинал: высокий рост, величественная осанка, истощенное и заостренное, как наточенное лезвие ножа, лицо, загадочный взгляд, одновременно волнующий и решительный. Жена Лоренца была запечатлена всего дважды. Казалось, она копировала перед объективом позы американских топ-моделей Стефани Сеймур и Кристи Терлингтон с обложек модных журналов четвертьвековой давности. Красотка 1990-х годов: стройная, чувственная, сияющая. Худая, но не кожа да кости. Недостигаемой, пожалуй, не назовешь.

На большей части фотографий красовались Лоренц с сыном. Сам по себе художник был, возможно, человеком суровым, но в обществе своего ребенка – светловолосого мальчугана с уморительной рожицей и искрящимся взглядом – он превращался в другого человека, словно заражался от сына жизнелюбием. Два последних экспоната этой семейной галереи представляли собой групповые снимки: художник творил, окруженный детьми пяти-шести лет, среди которых можно было узнать и его сынишку. Наверное, это была школа или курсы живописи для самых маленьких.

В библиотеке, среди книг серии «Плеяды» и редких изданий «Ташен» и «Ассулин», Гаспар обнаружил монографию о творчестве самого Лоренца – шикарный, в пятьсот страниц фолиант весом более трех килограммов. Гаспар поставил бокал на столик и опустился с книгой на диван. Он не собирался себя обманывать: произведения Лоренца были ему незнакомы. В живописи он предпочитал фламандскую школу и нидерландский золотой век: Ван Эйка, Босха, Рубенса, Вермеера, Рембрандта. Он пролистал предисловие некоего Бернара Бенедика,

обещавшее глубокий анализ наследия Лоренца и доступ к уникальным архивным материалам. Он не мог не оценить свободный и прозрачный слог Бенедика, знакомящего читателя с основными моментами биографии художника.

Шон Лоренц родился в Нью-Йорке в середине 1960-х годов. Его мать, Елена Лоренц, была гувернанткой, отец, не признававший, впрочем, своего отцовства, – врачом в Верхнем Вест-Сайде. Будущий художник, единственный сын у матери, детство и отрочество провел с ней на севере Гарлема, в жилом комплексе для малоимущих. Как мать ни бедствовала, она умудрилась отдать сына учиться в частное протестантское заведение. Юный Шон оказался недостоин ее жертвы: его несколько раз исключали, позже он превратился в мелкого правонарушителя. В перерывах между кражами юноша увлекся живописью, вернее, размалевыванием стен и поездов манхэттенской подземки в составе «Пиротехников» – группы энтузиастов граффити.

С фотографий в книге на Гаспара смотрел Шон в возрасте 20–25 лет – сочетание детскости и раннего знакомства с превратностями жизни – в чересчур длинном черном плаще, в футболке с дерзкой надписью, в рэперской бейсболке, в истрепанных кроссовках. На всех фотографиях его, обвешанного аэрозольными баллончиками, сопровождали двое сообщников: щуплый латино с тонкими чертами лица и сильная мужеподобная девица с неизменной индейской лентой на голове. Знаменитые «Пиротехники» покрывали своими злыми письменами вагоны, заборы, полуразрушенные стены. На немного размытых, нечетких снимках красовались заброшенные склады, пустыри, подземелья. Это был Нью-Йорк – диковатый, чумазый, жестокий и возбуждающий, знакомый Гаспару по студенческим годам.

3

– Восемидесятые годы прошлого века были великой эпохой нью-йоркских граффити, – рассказывал Бернар Бенедик, наматывая на вилку спагетти. – Метя город, делая его своим, мальчишки вроде Шона покрывали граффити все подряд: железные ставни магазинов, почтовые ящики, мусорные баки и, конечно, вагоны метро...

Маделин, сидя напротив галериста, внимательно его слушала, не забывая жевать салат.

Положив на стол вилку и нож, Бенедик достал из кармана большой

смартфон, открыл фотографии и нашел подборку, посвященную Шону Лоренцу.

– Вот, полюбуйте, – сказал он, протягивая Маделин гаджет.

Та стала листать на экране фотографии тех лет.

– Что такое Lorz74? – спросила она, показывая надпись, которую заметила на многих работах.

– Подпись Шона. Авторы граффити часто подписывались фамилией и номером своей улицы.

– А кто эти двое с ним рядом?

– Юнцы из его квартала, его тогдашняя компания. Они называли себя «Пиротехники». Паренек-латино подписывался NightShift. Он быстро пропал. Девчонка, похожая на бульдозер, – другое дело: это способная художница, известная как LadyBird. Одна из редких женщин в мире граффити.

В смартфоне Бенедика была дюжина фотографий. Нью-Йорк 80–90-х годов мало походил на тот город, который она знала. Тогда это были суровые каменные джунгли, кварталы, где заправляли банды, существование, пропитанное крэком. Яркие краски граффити, взрывающиеся, как фейерверк, служили противовесом всему этому убожеству. Работы Лоренца чаще всего представляли собой огромные разноцветные буквы, круглые, как накаченные гелием воздушные шары, наползавшие друг на друга и переплетававшиеся в традициях wildstyle. Маделин вспомнила стены Манчестера, где прошла ее юность. Этот буквенный лабиринт, хаотическое скопление стрел и восклицательных знаков, вызывал у нее противоречивые чувства. Ее отталкивала анархия, тяга нарушать и отвергать все подряд, но она не могла не признать за этими мускулистыми фресками по крайней мере одно достоинство: они лихо разгоняли отлитые в бетоне тоску и серость.

– В общем, – продолжил свой рассказ галерист, – в начале девяностых Шон Лоренц был мелким правонарушителем, вместе с бандой сообщников выжигавшим себе мозг героином. Но при этом – одаренным мастером граффити, владевшим изощренной техникой, способным делать весьма любопытные вещи...

– Но ничего сверхъестественного, – догадалась Маделин.

– До лета тысяча девятьсот девяносто второго года, когда все резко переменялось.

– Что произошло тем летом?

– Тем летом Шон Лоренц повстречал на вокзале «Гранд Сентрал» француженку восемнадцати лет и влюбился в нее с первого взгляда. Ее

звали Пенелопа Курковски. Ее мать была корсиканкой, отец поляком. В Нью-Йорке она жила компаньонкой за стол и кров и бегала на кастинги, надеясь стать манекенщицей. – Галерист сделал паузу, налил себе воды. – Чтобы привлечь внимание Пенелопы, Шон принялся размалевывать все подряд составы нью-йоркского метро. За два месяца он создал поразительное количество фресок, героиней которых была его Дульсинея. – Продолжая рассказ, он искал в телефоне другие фотографии. – Лоренц был не первым граффити-художником, провозглашавшим своими творениями любовь к женщине. До него этим занимались Корнбред и Джонон. Но его манера была уникальной.

Найдя искомое, Бенедик установил айфон на столе и подвинул его к Маделин.

Та, взглянув на экран, буквально раскрыла рот от неожиданности. Ей открылись истинные оды женской красоте, сладострастию, чувственности. Первые фрески были целомудренными, почти что романтическими, последующие – все более разнузданными. Пенелопа превращалась на них в женщину-лиану, множилась, становилась то крылатым, то водоплавающим существом, каждый вагон являл совершенно новый портрет. Ее голову венчали листва, розы и лилии, волосы плыли, развевались, спутывались то в изящные, то в угрожающие узоры...

Сидя с книгой на коленях, Гаспар Кутанс не мог оторвать взгляд от фотографий вагонов метро, расписанных Шоном Лоренцом в июле – августе 1992 года. Это была ослепительная живопись, ничего подобного он никогда прежде не видел. Вернее, видел: ему вспомнилась «Женщина-цветок» Пикассо и некоторые плакаты Альфонса Мухи из серии подпольных, под грифом «Х». Кем была эта девушка с пылающим, словно усыпанным золотыми листьями, телом? Согласно подписи под репродукцией, – супругой Лоренца, той самой Пенелопой, которую Гаспар уже видел на черно-белых семейных портретах. Двойственное создание, то уютное, то полное яда, с бесконечными ногами, алебастровой кожей и волосами цвета ржавчины.

Гаспар завороченно переворачивал страницы монографии, находя новые и новые картины, полные волнующего эротизма. На некоторых волосы Пенелопы походили на клубок змей, извивающихся у нее на плечах, обвивающихся вокруг груди, покушающихся на лоно. Ее лицо в

психоделическом нимбе, орошаемое золотым дождем, искажала судорога острого наслаждения. Ее тело раздваивалось, изгибалось, вращалось и превращалось в искрящийся факел...

– Этим дерзким высказыванием Лоренц ломал все коды! – восторгался Бенедик. – Он вырывался из плена жестких правил граффити, рвался в иное измерение, чем застолбил себе место в когорте живописцев масштаба Климта и Модильяни.

Маделин послушно листала страницы с переливающимися вереницами вагонов.

– Неужели от всего этого ничего не осталось?

Галерист улыбнулся улыбкой веселого фаталиста.

– В том-то и дело, что их век был мимолетным: всего одно лето. Эфемерность – самая суть городской живописи. В ней залог ее притягательности.

– Кто все это сфотографировал?

– Та самая LadyBird, создательница архивов «Пиротехников».

– Наверное, Лоренц сильно рисковал, пустившись в такое предприятие?

– Не то слово! – подхватил Бенедик. – В начале девяностых в Нью-Йорке стартовала нулевая толерантность. Силы охраны порядка получили устрашающие полномочия. Управление городского транспорта устроило настоящую охоту на граффити-художников. Суды штамповали суровые приговоры. Но Шон пренебрегал опасностью, снова и снова доказывая силу своей любви к Пенелопе.

– Как он избегал ареста?

– Шон был хитрецом. Он рассказывал мне, что завел комплект униформ, чтобы просачиваться в бригады наблюдения и проникать в депо подземки.

Маделин не могла оторваться от экрана смартфона. Эта женщина, Пенелопа, не выходила у нее из головы. Что она чувствовала при виде своего пламенеющего похотливого изображения, заполонившего Манхэттен? Радовалась или считала себя оскорбленной, униженной?

– Ну и как, он добился своего? – спросила она.

– Вас интересует, очутилась ли Пенелопа в его постели?

– Я бы это так не формулировала, но... да.

Бенедик жестом попросил два кофе.

– Сначала, – принялся объяснять он, – Пенелопа не обращала внимания на Шона. Но трудно долго игнорировать человека, который так вас боготворит. Хватило нескольких дней, чтобы она не устояла. То было лето их безумной любви. А в октябре Пенелопа вернулась во Францию.

– Все свелось к мимолетному летнему романчику?

Галерист покачал головой:

– Ошибаетесь. Шон буквально дышал этой девушкой. До такой степени, что уже в декабре того же года примчался к Пенелопе во Францию и поселился с ней в Париже в двухкомнатной квартирке на улице Мартир. И снова взялся за кисти. Теперь холстами ему служили не вагоны метро, а стены и заборы пустырей в окрестностях площади Сталинграда и в департаменте Сен-Сен-Дени.

Маделин еще раз просмотрела фотографии того периода. Они сохранили взрывную красочность и живость, роднившие их с южноамериканской настенной живописью.

– Как раз тогда, в тысяча девятьсот девяносто третьем году, я познакомился с Шоном, – сказал Бенедик, глядя в пространство. – Он в те дни работал в маленькой мастерской в «эфемерной больнице».

– В какой-какой больнице?

– Так прозвали колонию бездомных в восемнадцатом округе, в здании бывшей больницы «Бретонно». В начале девяностых там трудилось много художников, и не только: кроме живописцев и скульпторов, там находили прибежище музыканты, в том числе рокеры. – Лицо галериста еще больше оживилось от воспоминаний. – Сам я не художник, не могу похвастаться каким-то особенным талантом, зато у меня есть чутье. Нюх на особенных людей. Встретился с Шоном – и сразу определил, что он стоит в сотни раз больше других граффити-художников. Я предложил ему выставиться у меня в галерее. И сказал ему те слова, которые ему тогда было необходимо услышать.

– Это какие же?

– Я дал ему совет: кончай с граффити, забудь о баллончиках, берись за масляные краски, становись за мольберт. Сказал, что у него талант по части формы, цвета, композиции, движения. Что ему по плечу встать в один ряд с Поллоком и де Кунингом^[16].

Вспоминая своего бывшего протеже, Бенедик говорил дрожащим голосом, даже, случалось, смахивал слезу. Маделин вспомнила одну свою бывшую подругу, которая спустя годы после расставания с мужчиной, хладнокровно ее бросившим, говорила о нем с рыданием в голосе.

Одним глотком осушив чашечку ристретто, она спросила:

– Лоренцу сразу понравилось во Франции?

– Шон был особенным человеком. Одиночка, совсем не такой, как другие граффити-художники: терпеть не мог культуру хип-хопа, много читал, слушал только джаз и современную экспериментальную музыку. Скучал по Нью-Йорку, не без того, но оставался по уши влюблен в свою Пенелопу. Их отношения всегда были бурными, но она не переставала его вдохновлять. Между тысяча девятьсот девяносто третьим и две тысячи десятым он написал двадцать один ее портрет. Цикл «Пенелопа» – его шедевр. Он останется в истории живописи как одно из самых пылких и оглушительных признаний в любви к женщине.

– Почему двадцать одна? – спросила Маделин.

– Из-за теории двадцати одного грамма. Ну, вы знаете: предполагается, что столько весит человеческая душа...

– Лоренц сразу добился успеха?

– Какое там сразу! За десять лет не продал практически ни одной картины! А ведь он каждый день трудился с утра до вечера. Ему часто приходилось рвать готовую работу, потому что она его не устраивала. Моей обязанностью было знакомить коллекционеров с живописью Шона и объяснять ее. Сначала это было нелегко, потому что она ни на что не походила. Потребовалось целых десять лет, чтобы из этой затеи вышел толк. В конце концов мое упрямство принесло плоды. С начала двухтысячных на всех выставках Шона происходило одно и то же: уже в вечер вернисажа все картины оказывались раскуплены. А в две тысячи седьмом...

В 2007 году «Алфавит-Сити», картина Шона Лоренца 1998 года, была продана на аукционе «Аркурьяль» за 25 тысяч евро. Это привело к настоящему взрыву стрит-арта во Франции и положило начало подлинному признанию художника. Буквально за один день Шон Лоренц стал звездой аукционов. Его красочные картины, типичные для 90-х годов, расходились на ура и били все ценовые рекорды.

Но с точки зрения живописи художник уже сделал следующий шаг. Адреналин и торопливость граффити уступили место более продуманным полотнам, на которые уходило по

несколько месяцев, а то и лет – так сильно возросла его требовательность к себе. Если работа его не устраивала, он ее немедленно уничтожал. С 1999-го по 2013 год Лоренц уничтожил больше двух тысяч таких работ. Его суровый суд выдержали только четыре десятка. К ним относится *Sep1em1er*, монументальное полотно о трагедии Всемирного торгового центра, приобретенное за 7 миллионов долларов коллекционером, потом преподнесшим его в дар нью-йоркскому музею 11 сентября 2001 г.

Гаспар оторвался от текста и стал переворачивать страницы, знакомясь с репродукциями картин этого периода. Лоренц сумел переродиться. Вместо графических знаков организующими центрами его картин стали разноцветные блоки, рельефные одноцветные плоскости, наложенные шпателем или ножом. Все это бесконечно колебалось между абстракцией и фигуративным искусством. Его палитра утратила часть былой живости, в ней прибавилось пастельных, осенних тонов – песка, охры, каштана, пудрово-розовых оттенков, а вместе с ними изощренности. Гаспара покорили работы этого периода. Их ископаемый перламутр вызывал у него образы скал, земли, песка, стекла, пятен запекшейся крови на погребальном саване...

Картины Лоренца казались живыми, они докапывались до самого нутра, от них сжималось сердце, подкашивались ноги, они гипнотизировали, порождали вихрь самых противоречивых чувств: грусти, радости, успокоения, ярости.

Монография завершалась репродукциями работ 2010 года. В них на передний план выходил сам материал: плотные слои, рельефность, порождавшая игру света. От этого полотна становились еще роскошнее.

Закрывая книгу, Гаспар недоумевал, как он умудрился так долго жить, не зная о существовании такого художника.

– Как Лоренц относился к деньгам? – спросила Маделин.

Бенедик с опаской, самым краешком, будто в чашечке была водка, окунул в кофе кусочек сахара.

– Деньги служили Шону термометром свободы, – стал объяснять он, посасывая сахар. – Другое дело – Пенелопа: той всегда было мало. В конце

первого десятилетия двухтысячных, когда вещи Шона котировались выше всего, она усиленно интриговала, чтобы побудить мужа передать часть работ Фабиану Закарьяну, нью-йоркскому галерейщику. Потом она уговорила его продать напрямую с аукциона, минуя мою галерею, пару десятков новых картин. Шон заработал на этом миллионы, но испортил отношения со мной.

– Каким образом цена той или иной картины в один прекрасный день взлетает до миллионов долларов? – поинтересовалась Маделин.

Бенедик вздохнул.

– Хороший вопрос! Вот только на него очень трудно ответить, потому что рынок произведений искусства не подчиняется рациональным законам. Цена произведения – результат сложной стратегии разных участников рынка: это, конечно, сами художники, потом – владельцы галерей, но также и коллекционеры, критики, хранители музеев...

– Представляю, как вас подкосила измена Шона!

Галерист скорчил гримасу, но остался верен своему фаталистическому подходу.

– Такова жизнь. Художники как дети – часто проявляют неблагодарность. – Немного помолчав, он решил уточнить: – Мир художественных галерей – это, знаете ли, все равно что бассейн с акулами. Таким, как я, пришлым в этой среде, приходится особенно нелегко.

– Но вы хотя бы сохранили с ним связь?

– Конечно. Мы с Шоном были давними друзьями. Двадцать лет ссор и примирений – не шутка! Мы не перестали разговаривать ни после эпизода с Закарьяном, ни после случившейся с ним трагедии.

– Что за трагедия?

Бенедик шумно вздохнул.

– Шон и Пенелопа всегда хотели ребенка, но никак не получалось. Десять лет – выкидыш за выкидышем. Я уже думал, что они бросили эту затею, и тут происходит чудо: в октябре две тысячи одиннадцатого года Пенелопа производит на свет сына, малютку Джулиана. Тут-то и начались беды.

– Какие беды?

– Когда у Шона родился сын, он был счастливейшим из людей. Твердил, что общение с сыном его обогащает, что благодаря Джулиану он по-новому взглянул на мир, заново открыл для себя некоторые забытые ценности и вспомнил вкус простых вещей. Вам, наверное, доводилось слышать подобную болтовню от мужчин, поздно ставших отцами.

Маделин ничего не ответила, и он продолжил:

– Проблема в том, что в творческом смысле у него начался тогда период пустоты. Он объяснял это тем, что утратил творческий порыв, устал от лицемерия мира искусства. Три года занимался исключительно сыном. Представляете? Великий Шон Лоренц дает младенцу соску, гуляет с коляской, развлекает ясельную группу! Все его творчество свелось к прогулкам с маленьким Джулианом по Парижу и к рисованию в произвольных местах безумных мозаик – это, видите ли, забавляло его сынишку! Полная бессмыслица!

– Если у него не было вдохновения... – попробовала возразить Маделин.

– Вдохновение – чушь! – взвился галерист. – Вы видели его работы. Шон был гением. А гению не нужно вдохновение, чтобы творить. Когда ты Шон Лоренц, ты не перестаешь рисовать. Нет у тебя такого права, и точка!

– Выходит, есть. – Маделин вздохнула и, не обращая внимания на негодующую гримасу Бенедика, спросила: – Лоренц не возвращался к работе до самой смерти?

Бернар Бенедик покачал головой, снял толстые очки и протер глаза. Он так пыхтел, будто преодолел пешком несколько этажей.

– Два года назад, в декабре две тысячи четырнадцатого года, Джулиан погиб при трагических обстоятельствах. С этого момента Шон не просто забросил работу, а буквально пошел ко дну.

– Что за трагические обстоятельства?

Несколько секунд галерист отводил взгляд, потом с тоской посмотрел на собеседницу.

– Шон всегда был сгустком силы и слабости, – сказал он, не отвечая на ее вопрос. – После смерти Джулиана он взялся за старое: наркотики, алкоголь, таблетки. Я помогал ему как мог, но он, по-моему, не хотел выкарабкиваться.

– А Пенелопа?

– Их брак давно трещал по швам. Когда произошла драма, она воспользовалась этим, чтобы потребовать развода, а потом быстро устроила свою жизнь заново. То, чем занимался после этого Шон, еще больше отдалило их друг от друга.

Галерист выдержал паузу, намеренно наводя туман. У Маделин появилось неприятное чувство, что ею манипулируют, но ее любопытство достигло предела.

– Чем же занимался Шон?

– В феврале две тысячи пятнадцатого года мне удалось наконец запустить проект, который я давно вынашивал: я устроил крупную

выставку, центром которой стал цикл Шона «Двадцать одна Пенелопа». Впервые все эти картины, двадцать одна штука, выставлялись в одном месте. Нам предоставили полотна из своих собраний уважаемые коллекционеры. Беспрецедентное событие! Но накануне открытия выставки Шон проник в галерею и сознательно изуродовал при помощи паяльника все до одной картины.

Лицо Бенедика сморщилось, как печеное яблоко: он снова переживал весь этот ужас.

– Почему он так поступил?

– Катарсис – так я это понимаю. Желание символически расправиться с Пенелопой, которую он винил в гибели Джулиана. Но чем бы он ни руководствовался, я никогда ему этого не прощу. У Шона не было права уничтожать картины. Во-первых, потому, что они были частью достояния мировой культуры. А во-вторых, своей выходкой он меня разорил, чуть не обрек на закрытие мою галерею. Вот уже два года меня донимают страховые компании. Ведется расследование. Я старался отстоять свою репутацию, но в мире искусства дураки не водятся, и доверие ко мне резко упало...

– Что-то я не пойму, – перебила его Маделин. – Кому принадлежали картины цикла?

– Большая часть – Шону, Пенелопе и мне. Но три картины взяли из своих собраний крупные коллекционеры: русский, китаец, американец. Чтобы они не подавали иски, Шон пообещал преподнести им в дар свои новые картины, которые непременно превзойдут утраченные. И, конечно, их все не было и не было...

– Откуда им было взяться, если он забросил живопись!

– Вот именно. Я поставил на этих картинах крест, тем более что в последние месяцы жизни Шон, думаю, уже не мог рисовать просто физически. – Взгляд Бенедика опять увлажнился. – Последний год его жизни был по-настоящему мучительным. Он перенес две операции на открытом сердце, и обе чуть не привели к летальному исходу. Накануне его смерти у нас был телефонный разговор. Он улетел на несколько дней в Нью-Йорк, на консультацию к кардиологу. В том разговоре он сообщил мне, что вернулся к творчеству и уже закончил три полотна. Они, мол, в Париже, скоро я их увижу.

– Вдруг это не соответствовало действительности?

– Шон Лоренц грешил всеми мыслимыми грехами, кроме одного – лживости. После его смерти я искал эти картины где только мог: по всему его дому, на чердаке, в подвале. Но так ничего и не нашел.

– Вы сказали, что он назначил вас своим душеприказчиком и наследником.

– Так и есть, но наследство Шона оказалось скромнее некуда, Пенелопа успела здорово его пощипать. Известный вам заложенный дом на Шерш-Миди – только и всего.

– Кроме этого, он ничего вам не завещал?

Бенедик расхохотался.

– Вот, извольте полюбоваться. – Он извлек из кармана небольшой предмет и протянул его Маделин.

Это был рекламный спичечный коробок.

– Что за «Гран-кафе»?

– Ресторан на Монпарнасе, завсегдатаем которого был Шон.

Маделин перевернула коробок и обнаружила надпись шариковой ручкой, знаменитую цитату из Гийома Аполлинера: «Пора опять зажечь на небе звезды»^[17].

– Это, без сомнения, почерк Шона, – заверил ее галерист.

– И вы не можете расшифровать этот намек?

– Никак не могу! Думаю, это какое-то послание, но, сколько ни ломаю голову, не понимаю, о чем оно.

– Этот коробок предназначался именно вам?

– Во всяком случае, в сейфе, кроме него, ничего не было.

Оставив на столе две купюры, Бернар Бенедик встал, натянул куртку и замотал шею шарфом.

Маделин осталась сидеть, молча глядя на коробок. Казалось, она переваривает услышанное от галериста. Наконец она встала.

– Зачем, собственно, вы все это мне выложили?

Бенедик застегнул куртку и ответил так, словно другого ответа быть не могло:

– Ясное дело, чтобы вы помогли мне отыскать пропавшие картины!

– Почему я?

– Вы же из полиции? И потом, вспомните мои слова: я доверяю своему инстинкту. Что-то мне подсказывает, что если эти картины существуют – а я уверен, что так оно и есть, – то никто не сумеет сделать это лучше, чем вы.

3. Краса струн

Если бы можно было выразить это словами, не было бы никаких причин это рисовать.

Эдвард Хоннер^[18]

1

Свернув с кругового перекрестка, Маделин разогналась и на пересечении с аллеей Лоншан проехала на красный свет.

После обеда с галеристом она арендовала на авеню Франклина Рузвельта скутер. Не желая тратить время на споры с хмурым американцем о преимущественном праве жить в мастерской Лоренца, она задержалась у рождественских прилавков на Елисейских Полях. Прогулка заняла всего четверть часа: деревянные теремки вдоль «прекраснейшей на свете улицы», как хвастливо прозвали себя Елисейские Поля, нагнали на нее тоску. Там торговали главным образом жареной картошкой и китайскими поделками. От запаха сосисок и приторных чуррос ее затошнило. Атмосфера была скорее ярмарочная, мало походившая на снежное Рождество из ее любимых детских сказок.

Она заглянула в большой универмаг, откуда вышла разочарованная, потом попытала счастья в окрестностях площади Вогезов. Но и здесь, как и на Елисейских Полях, не обнаружила то, что искала: хотя бы немного волшебства, намек на мир чуда, чуточку рождественского очарования из старинных рождественских гимнов. Впервые Маделин, находясь в Париже, не чувствовала душевного подъема. Ей было здесь нечего делать.

Снова оседлав «Веспу», она унеслась прочь, не куда-то конкретно, а лишь бы подальше от скопления туристов с их утомительным щебетом и палками для селфи, которыми они так и норовили ткнуть ее в глаз. В глазах все еще пестрели причудливые узоры с полотен Лоренца. Маделин вдруг отдала себе отчет, что ее единственное желание – продолжить это путешествие вместе с художником, уплыть вдаль на волнах света, потеряться в оттенках его палитры, зажмуриться от его слепящих красок. Но ей вспомнилось предупреждение Бернара Бенедика: «В Париже есть одно-единственное место, где можно попробовать увидеть полотно Шона

Лоренца». Решив попытать счастья, Маделин поехала в Булонский лес.

Не очень хорошо зная те края, она слезла со скутера, как только высмотрела место, где его можно было оставить – у решетки Ботанического сада, – и пошла пешком по проспекту Махатмы Ганди.

Солнце окончательно разогнало серый туман. Стало тепло. Во влажном воздухе висела золотая пыль. Вокруг парка не было ни профсоюзных активистов, ни рассерженных демонстрантов. Обстановка была вполне детская, звуки тоже: коляски, няни, крики малышей и торговцев каштанами.

Вдруг среди голых ветвей показался огромный стальной корабль. На фоне лазурного неба сверкал хрустальными парусами музей фонда Луи Вуиттон. Это сооружение можно было сравнить с чем угодно в зависимости от игры воображения: и с огромной стеклянной раковиной, и с пустившимся в плавание айсбергом, и с суперсовременным парусником под перламутровым флагом.

Маделин купила билет и вошла внутрь. Из просторного, светлого, воздушного холла можно было пройти в оранжерею. Сразу почувствовав себя в этом огромном стеклянном коконе как дома, она провела несколько минут во внутреннем дворе, наслаждаясь гармонией изгибов и воздушной грацией всего здания. Стеклянные плоскости перекрытий отбрасывали колеблющиеся, текущие тени, отражались от пола, влекли и согревали.

Поднявшись по лестнице, Маделин попала в общий для дюжины экспозиционных залов опаловый лабиринт со световыми колодцами. Здесь было много всячины: и временные выставки, и постоянная экспозиция. На двух первых уровнях можно было любоваться шедеврами собрания Щукина: сказочными полотнами Сезанна, Матисса, Гогена, которые русский коллекционер собирал около двадцати лет, пренебрегая мнением тогдашних критиков.

Продолжениями верхнего этажа, проткнутого стальными балками и брусьями из лиственницы, служили две террасы, с которых открывались неожиданные виды на квартал Дефанс, Булонский лес и Эйфелеву башню. Вместе с бронзой Джакометти, тремя абстракциями Герхарда Рихтера^[19] и двумя монохромными работами Эльсуорта Келли^[20] здесь были вывешены две картины Лоренца.

Устроившись в шезлонге из потрескавшейся кожи и закинув ноги на оттоманку, Гаспар слушал с закрытыми глазами интервью Шона Лоренца – запись на старомодную кассету, которую он нашел среди пластинок в библиотеке.

Эта долгая беседа с Жаком Шанселем была записана семь лет назад во время ретроспективной выставки Лоренца в Фонде Майо в Сен-Поль-де-Венсе^[21]. Разговор получился захватывающий, тем более что Лоренц, не отличавшийся болтливостью, редко соглашался комментировать свое творчество. Отвергнув почти все интерпретации своего творческого пути, он предупредил: «Моя живопись спонтанна и не несет никакого послания. Ее назначение – поймать неуловимое и притом неизменное». Некоторые его ответы свидетельствовали об усталости, сомнениях, страхе, о том, что он, согласно его собственному откровенному признанию, «достиг конца творческого цикла».

Гаспар упивался его речью. Лоренц отказывался дарить интервьюеру ключ от своей живописи, зато был совершенно искренен. В его голосе – то обволакивающим, то колдовском, то волнующем – слышалась двойственность, столь характерная для его искусства.

Внезапно блаженный покой нарушили громкие, резкие звуки. Гаспар вскочил и выбежал на террасу. От «музыки», доносившейся, судя по всему, из одного из ближайших домов, содрогалось все вокруг. Грохот был вульгарный, перенасыщенный, так могли звучать тысячекратно усиленные кошачьи вопли на крыше. «Как можно наслаждаться этим кошмаром?» – подумал он, чувствуя отчаяние и безнадежность. Нигде не найти ни минуты покоя! Сражение, еще не начавшись, было проиграно. Мир полон кретинов всех мастей, он буквально кишит засранцами! Бал правят надоедливые, несносные субъекты, зануды и олухи. Их и так пруд пруди, так они еще ускоренно плодятся! Неудивительно, что полная и окончательная победа всегда за ними!

Задышавшись от ненависти, Гаспар выбежал из дома и уже через несколько секунд стоял перед берлогой, откуда доносилась чертова какофония, – ближайшей буколической избушкой, просевшей под тяжестью густого дикого винограда. Гаспар дернул за шнурок ржавого колокольчика на каменной стойке калитки. Никто не появился. Он перелез через низенькую ограду, пересек садик, взбежал на крыльцо и забарабанил кулаком в дверь.

Когда дверь открылась, Гаспар чуть не свалился с крыльца от удивления. Он ждал стычки с прыщавым юнцом с «косяком» в углу рта, с надписью Iron Maiden на черной майке. Но перед ним стояла миловидная

молодая женщина в темной блузке с закругленным отложным воротничком, в твидовых шортах и в кожаных мокасынах на шнурках.

– С ума, что ли, сошли?! – Для большей выразительности он покрутил пальцем у виска.

Она удивленно сделала шаг назад и расширила глаза.

– Музыка! – завопил он. – Думаете, вы здесь одни?!

– Разве нет?

Гаспар уже решил, что над ним издеваются, но она вовремя нажала на кнопку пульта, который держала в руке.

– Наконец-то оглушающая тишина!

– Я вычитываю диссертацию. Думала, что все уехали на каникулы, и в паузе немного переборщила со звуком, – проговорила она извиняющимся тоном.

– Отдых под хард-рок?

– Строго говоря, это не хард-рок, а блэк-металл.

– Разве есть разница?

– Ну это очень просто: хард...

– Знаете что? Мне плевать! – перебил ее Гаспар. – Если вам нравится, можете и дальше портить себе барабанные перепонки, только сперва соблаговолите купить наушники, чтобы не гробить окружающих.

Молодая женщина искренне расхохоталась.

– Вы так невежливы, что это даже забавно!

Уже было направившийся к себе, Гаспар обернулся, сбитый с толку словами девушки. Заодно оглядел с головы до ног: волосы скромно собраны в узел, прикидывается скромной студенткой, но при этом пирсинг в носу и татуировка, начинавшаяся за ухом и уходившая под блузку.

«А ведь она права...» – пронеслось у него в голове.

– Согласен, я перегнул палку, но и вы, с этой своей музыкой...

Она, продолжая улыбаться, протянула ему руку и представилась:

– Полин Делатур.

– Гаспар Кутанс.

– Вы поселились в бывшем доме Шона Лоренца?

– Арендовал его на месяц.

От порыва ветра хлопнул ставень. Полин переминалась на голых ногах и ежилась.

– Дорогой сосед, я сейчас окоченею. С удовольствием угощу вас кофе, – сказала она, стуча зубами и зябко потирая предплечья.

Гаспар кивнул в знак согласия и последовал за ней в дом.

Маделин застыла перед двумя картинами Лоренца, как околдованная. Одна, датированная 1997 годом, называлась CityOnFire, «Город в огне». Это была большая фреска, типичная для периода стрит-арт в творчестве Лоренца: пылающий костер, пожирающий холст, взрыв красок в гамме от желтой до алой. Вторая картина, «Материнство», была гораздо свежее, интимнее, строже: светло-голубая, почти белая, поверхность, пересекаемая кривой, повторяющей контуры живота беременной женщины. Трудно было придумать для этого образа какое-то другое название. Судя по настенной пластинке, это была последняя известная картина Лоренца, написанная незадолго до рождения его сына. В отличие от соседней картины, на этой на чувства давили не краски, а свет.

Повинуясь внутреннему зову, Маделин подошла к картине вплотную. Свет был неодолимым магнитом. Ее гипнотизировали материал, текстура, насыщенность, тысячи мельчайших нюансов полотна. Картина была живой. В считанные секунды она превращалась из белой в голубую, потом в розовую. Это была воплощенная эмоция, но воздушная, неуловимая. Живопись Лоренца умиротворяла, чтобы через несколько мгновений навеять тревогу.

Эта неопределенность и оказывала на Маделин такое необыкновенное воздействие. Как это возможно? Она хотела отойти назад, но ноги отказывались слушаться. Она стала пленницей картины, и не сказать, что невольной: ей хотелось погрузиться в источаемый ею свет, еще раз испытать небывалое, умиротворяющее головокружение. Хотелось остаться в этом амниотическом, регрессивном пространстве, пронзавшем ее, вскрывавшем в ней самой многое, о чем она раньше не подозревала.

Некоторые из этих открытий были прекрасными, некоторые уродливыми.

Дом Полин Делатур начинался с кухни. Там сразу чувствовался уют, манящий сельский стиль: массивный деревянный рабочий стол, пол из шероховатых плит, клетчатые занавески. На полках пестрели эмалированные дощечки, громоздилась сломанная кофемолка, пузатые керамические банки, старые медные кастрюли.

– У вас мило. Но обстановка сбивает с толку. Так и слышится Жана Ферра^[22], а не ваш грохочущий блэк-метал, – поддел он ее.

Улыбчивая Полин сняла с конфорки итальянский кофейник и наполнила две чашки.

– Если честно, дом не мой. Владелец – итальянский бизнесмен, коллекционер живописи, получивший его в наследство и познакомивший меня с Шоном Лоренцом. Он никогда здесь не бывает. Продавать дом не хочет, поэтому ему нужен кто-то для охраны и ухода. Вечно это продолжаться не может, но глупо было бы не воспользоваться ситуацией хотя бы временно.

Гаспар взял из ее рук чашечку с кофе.

– Насколько я понимаю, вы здесь живете благодаря Лоренцу.

Полин привалилась спиной к стене и подула на горячий кофе.

– Да, это он уговорил итальянца оказать мне доверие.

– Как вы с ним познакомились?

– С Шоном? Это было за три-четыре года до его смерти. В первые годы учебы я подрабатывала позированием для студентов Академии изящных искусств. Однажды там давал мастер-класс Шон. Так мы познакомились и подружились.

Гаспар из любопытства уставился на винные бутылки в клетки из кованой стали.

– Никуда не годится, в рот не возьмешь! – поморщился он. – В следующий раз я принесу вам бутылочку настоящего вина.

– Буду рада. Мне необходимо горючее, иначе диссертация буксует. – Она с улыбкой указала на рабочий стол, где поблескивал заваленный книгами серебристый ноутбук.

– Над чем трудитесь?

– «Практика кинбаку в Японии периода Эдо: военное применение и искусство любви».

– Кинбаку? Никогда о таком не слышал.

Полин поставила пустую чашку в раковину и бросила на нового соседа загадочный взгляд.

– Идемте, я покажу.

За стеклом пламенели красные дубы и клены. Черные силуэты сосен напоминали театр теней.

Маделин смотрела ничего не видящим взглядом на солнце, заходившее за музыкальный киоск на лужайке Ботанического сада. Было уже около пяти часов вечера. Она сидела за столиком ресторана «Фрэнк», под ажурным навесом атриума, и пила маленькими глотками черный чай. Вот уже несколько минут ее не покидала волнующая мысль. Что, если Бернар Бенедик сказал ей правду? Вдруг три последние картины Шона Лоренца действительно пропали? Картины, которых не видела ни одна живая душа? Она поежилась. У нее не было ни малейшего желания превращаться в инструмент в руках хитрого галерейщика, но если картины и впрямь существовали, она была бы счастлива оказаться тем человеком, который их найдет.

Ее охватило непривычное возбуждение. Это было сродни отклику на зов охотничьего рога. Когда-то это чувство было ей знакомо, и она была рада его возвращению. Вряд ли оно сильно отличалось от того творческого подъема, который водил рукой Шона Лоренца, когда тот разрисовывал вагоны подземки в начале 90-х. Это была радость от опасности, опьянение страхом, воля любой ценой добиться своего.

Она вошла на смартфон в Интернет. Статья о Лоренце в Википедии начиналась стандартно:

«Шон Пол Лоренц, известный в начале карьеры под именем Lorz74, граффити-художник и живописец, родился 8 ноября 1966 г. в Нью-Йорке и умер там же 23 декабря 2015 г. Последние двадцать лет жизни жил и работал в Париже».

Резюме на несколько десятков строк представляло, без сомнения, интерес, но не содержало почти ничего сверх того, что поведал Маделин Бенедик. Только в конце она наткнулась на сведения, которые искала:

«Дело Джулиана Лоренца»

Преступление

12 декабря 2014 г., когда Шон Лоренц находился в Нью-Йорке для участия в ретроспективной выставке своих работ в Музее современного искусства, его жену Пенелопу и сына Джулиана похитили в Верхнем Вест-Сайде. Через несколько

часов у художника потребовали многомиллионный выкуп. Требование сопровождал отрезанный палец ребенка. Деньги были уплачены, но освобождена одна Пенелопа. Сына убили у матери на глазах.

Виновный

Расследование быстро установило личность похитителя, так как [...].

6

Гостиная Полин Делатур с длинным оливковым брусом под потолком создавала впечатление не семейного гнездышка, а современного лофта с соответствующим декором. Все стены здесь были покрыты фотографиями связанных обнаженных женщин, подвешанных к потолку при помощи причудливой сбруи – широких поясов с бесчисленными веревочными узлами. Лица бедняжек были перекошены – то ли от наслаждения, то ли от нестерпимой боли.

– Первоначально кинбаку было древним японским боевым искусством, – принялась объяснять Полин с ученым видом. – В него входило мастерство связывания высокопоставленных пленников. В течение столетий оно превратилось в изощренную эротическую практику.

Сначала Гаспар разглядывал фотографии настороженно. Подчинение и доминирование никогда его не привлекали.

– Знаете, что говорит великий кинорежиссер Грегг Араки? – спросила девушка. – «Путы должны быть на женском теле как ласки».

Постепенно Гаспар освоился и забыл про страх. Как ни странно, он был вынужден признать, что эти фотографии удивительно красивы. Объяснить это было трудно, но в них не было ни вульгарности, ни жестокости.

– Кинбаку – очень сложное искусство, – не унималась Полин. – Ничего общего с садо-мазо. Я веду специальные курсы в двадцатом округе. Обязательно приходите! Испытать это самому полезнее, чем сеанс психоанализа.

– Как относился к таким вещам Шон Лоренц?

Полин грустно усмехнулась.

– Шон вышел из джунглей: Нью-Йорк восьмидесятых и девяностых годов был настоящими джунглями. Разве такое могло его напугать?

– Вы были близки?

– Говорю же, мы дружили. Он говорил, что испытывает ко мне доверие. Во всяком случае, иногда он поручал мне присмотреть за его сыном. – Полин присела на ступеньку приставной лесенки у стены. – Вообще-то я не любительница маленьких детей, – призналась она. – Но малыш Джулиан – другое дело: необыкновенный был мальчуган! Живой, умница, просто прелесть!

Гаспар заметил, что ее лицо, и так молочно-белое, еще сильнее побледнело.

– Почему «был»?

– Потому что Джулиана убили. Вы не знали?

Гаспару трудно было устоять на ногах, и он, пододвинув себе необструганный табурет, неуклюже плюхнулся на него и наклонился вперед.

– Мальчика с фотографий, которых полон дом, нет в живых?

Полин, не сводя с него глаз, боролась с побуждением начать грызть свои покрытые гранатовым лаком ногти.

– Ужасная история! Джулиана похитили в Нью-Йорке и зарезали на глазах у матери.

– Кто на такое пошел?

Полин вздохнула:

– Старая знакомая Шона, отсидевшая в тюрьме. Художница родом из Чили, известная под псевдонимом LadyBird. Она сделала это из мести.

– За что она мстила?

– Честно говоря, я почти ничего не знаю, – сказала она, вставая. – В ее мотивах очень трудно разобраться.

Полин вернулась в кухню, Гаспар притащился туда следом за ней.

– Лучше вернемся к Шону. После гибели сына он уже не стал таким, каким был раньше. Не только забросил живопись, но буквально угасал от горя. Я ему помогала как могла: делала покупки, заказывала еду, вызывала Диану Рафаэль, когда ему требовались лекарства.

– Кто это? Врач?

Она утвердительно кивнула.

– Психиатр, давно его наблюдавшая.

– А его жена?

Полин опять вздохнула:

– Пенелопа сбежала с корабля, как только представилась возможность. Но это совсем другая история.

Гаспар открыл было рот, но поспешно прикусил язык, чтобы не проявлять излишней назойливости. Он догадывался, что в рассказе Полин хватает темных мест, но не выносил любопытных и сам не хотел им уподобляться. Поэтому следующий его вопрос был про другое:

– Что же, до самой смерти Лоренц больше не написал ни одной картины?

– Насколько я знаю, нет. Прежде всего из-за серьезных проблем со здоровьем. И вообще, было похоже, что живопись перестала его интересовать. Живопись и все остальное. Даже в детском саду Джулиана, где он продолжал вести раз-два в неделю занятия, он не прикасался к кисти.

Помолчав минуту-другую, она добавила, словно вдруг вспомнила:

– А вообще-то, в последние дни перед его смертью происходило нечто странное... – Она указала подбородком на дом художника за окном. – Несколько ночей подряд у него до самого утра играла музыка.

– Что же в этом странного?

– Дело в том, что Шон слушал музыку, только когда рисовал. Меня удивляло даже не столько то, что он опять взялся за кисть, а то, что он делал это ночью. Шон был фанатиком света. Я видела его работающим только днем.

– Какую музыку он слушал?

Полин улыбнулась.

– Думаю, вам бы понравилось. Никакого блэк-метал: Пятая симфония Бетховена и прочее в том же духе, я всего этого не различаю, а он знай гонял без усталости...

Она достала телефон и помахала им у Гаспара перед носом.

– Я любопытная, не поленилась погуглить.

Он понятия не имел, что значит это слово, но не подал виду.

Полин нашла то, что хотела.

– «Каталог птиц» Оливье Мессиана^[23] и Вторая симфония Гюстава Малера.

– Он говорил, что работает? Может, он просто слушал музыку?

– Вот и мне не давал покоя этот вопрос. Настолько, что я вышла как-то ночью, обошла его дом и забралась по пожарной лестнице наверх, к самому стеклу его мастерской. Подглядывать, конечно, нехорошо, но поймите мое любопытство: если Шон написал новую картину, я хотела ее увидеть первой.

Представив Полин за исполнением акробатического номера, Гаспар не удержался от улыбки. Живописи Лоренца и впрямь были присущи невероятные чары.

– Стоя на верхней ступеньке лестницы, я прилипла носом к стеклу. В мастерской не горел свет, но Шон стоял перед холстом.

– Он работал в темноте?

– Знаю, это кажется бессмыслицей, но у меня возникло впечатление, что свет исходит от самого холста. Живой, волнующий свет, озарявший его лицо.

– Что это было?

– Я не успела рассмотреть: лестница затрещала, Шон оглянулся. Я испугалась и кубарем скатилась вниз. Вернулась сюда, стыдясь своей трусости.

Гаспар не сводил глаз с этой странной особы: провокаторши, интеллектуалки, умницы и при этом представительницы чуждого ему андеграунда. Такая не могла не нравиться мужчинам. Лоренц уж точно был среди них. Внезапно ему на ум пришел вопрос, вернее, желание убедиться, что он не ошибается.

– Шон Лоренц никогда не просил вас ему позировать?

Полин сверкнула глазами и ответила:

– Он сделал кое-что получше.

Она расстегнула блузку и предъявила свою татуировку – не полностью, но и предъявленного хватило, чтобы оценить великолепие этой работы. Кожа девушки была превращена в живой холст, сияющий ослепительными красками цепочки цветочных узоров, извивавшейся от шеи до поясицы и, возможно, дальше.

– Полотна Лоренца часто называют живыми, но это неточно. Единственное живое произведение Шона Лоренца – я.

4. Двое чужих в доме

Я глубокий оптимист без малейшего повода.

Фрэнсис Бэкон

1

Маделин вернулась уже в темноте. Она постаралась свести к минимуму возможность столкнуться с Гаспаром Кутансом, но полностью ее избежать было нельзя. Втайне она надеялась, что драматург откажется от своих прав на мастерскую, но, оставляя на вешалке куртку, увидела в кухне его нескладный силуэт.

Чтобы попасть в кухню, нужно было миновать гостиную, где она задержалась, разглядывая фотографии в американских рамках из светлой древесины. Теперь, когда она знала, что маленького Джулиана нет в живых, эти фотографии, раньше вызвавшие у нее прилив нежности, теперь навевали мрачное, кладбищенское настроение. Оно распространялось и на сам дом, казавшийся ей теперь холодным, гнетущим, тоскливым. Убедившись, что прежнее очарование прошло, Маделин приняла радикальное решение.

Кутанс приветствовал ее появление ворчанием. Мятыми джинсами, рубашкой дровосека, двухнедельной щетиной и выдавшими виды ботинками Timberland он сильно смахивал на лесного отшельника, хотя это совсем не вязалось с его репутацией драматурга-интеллектуала. Стоя у кухонного стола, он сосредоточенно, уверенными движениями нарезал лук под тихую ненавязчивую музыку из старого транзисторного приемника. Перед ним, рядом с большим крафтовым пакетом, были выложены покупки: оливковое масло, гребешки, кубики куриного бульона, трюфель.

– Что вы готовите?

– Тритараки с трюфелями. Это греческое мучное блюдо, готовится как ризотто. Поужинаете со мной?

– Нет, благодарю.

– Держу пари, вы вегетарианка, поедательница киноа, водорослей, пророщенных зерен и всего такого...

– Ничего подобного! – сухо осадила она его. – Хочу предупредить вас

насчет дома: я оставляю его вам. Поживу в другом месте. Собственник предложил мне компенсацию, и я намерена принять предложение.

Он удивленно уставился на нее:

– Разумное решение.

– Я попрошу вас предоставить мне два дня, чтобы все утрясти. Пока что я буду ночевать на втором этаже. Кухню придется делить на двоих, остальной дом в вашем распоряжении.

– Это мне подходит, – согласился Гаспар и сбросил лезвием ножа в кастрюлю нарезанный лук. – Что вас побудило передумать?

Немного поколебавшись, она сказала правду:

– Я побоялась остаться на четыре недели в доме, где бродит призрак погибшего ребенка.

– Вы говорите о маленьком Джулиане?

Маделин утвердительно кивнула. За следующие четверть часа они, перебивая друг друга, пересказали все, что успели узнать о жизни и волшебном искусстве Шона Лоренца, а также о его последних, пропавших, картинах.

Отклонив предложенный бокал вина, Маделин забрала из холодильника пластмассовый контейнер, который там оставляла. Потом сослалась на сильную усталость и отправилась спать.

Деревянная лестница в логово Лоренца вела прямо в мастерскую под стеклянным фонарем. Из самой красивой комнаты сразу можно было попасть в другую, скромных размеров, но удобную – спальню с собственной ванной комнатой. Маделин разложила кое-какие вещи, достала из шкафа чистое белье. Потом, вымыв руки, села спиной к окну за маленький письменный стол. Сначала она сняла свитер и блузку, потом достала из контейнера ампулу и шприц. Удалив защитную оболочку шприца, она установила иглу, сняла крышечку и легонько пощелкала ногтем по поршню, чтобы поднялись пузырьки воздуха. Потом протерла смоченной спиртом ваткой место на животе, куда решила сделать укол. Несмотря на включенное отопление, она дрожала всем телом. Ломило кости, кожа покрылась пупырышками. В момент инъекции она старалась унять дрожь. Страх боли – сущее наказание! Во время службы в полиции ей случалось попадать в очень опасные ситуации: она получала прикладом по затылку, пуля царапала ей висок – а могла бы снести полчерепа, она

сходилась лицом к лицу с худшими подонками Манчестера. И всякий раз одолевала свой страх. Откуда же этот трепет перед жалкой иглой?

Маделин зажмурилась. Выровнять дыхание. Уколоться. Вынуть иглу. Зажать место укола ваткой, чтобы остановить кровь.

Она растянулась на кровати, вся дрожа. Как этим утром на вокзале, у нее было чувство, что она сейчас умрет. Те же омерзительные симптомы: тошнота, спазмы в желудке, нехватка воздуха, головная боль, от которой раскалывался череп. Стуча зубами, она натянула на себя одеяло. Ей снова представились маленький Джулиан, мазки цвета крови, охваченный пламенем город. Картины следовали одна за другой в перевернутом порядке: следующей она увидела безмятежное «Материнство». Постепенно Маделин полегчало. Тело расслабилось. Сон, правда, никак не шел, поэтому она встала и умыла холодной водой лицо. Ей даже захотелось есть. Упоительный аромат ризотто с трюфелями проник сюда, в мастерскую.

Она махнула рукой на гордыню и спустилась в гостиную, где расположился Гаспар.

– Скажите, Кутанс, ваше приглашение на ужин еще в силе? Сейчас проверим, похожа ли я на пожирательницу киноа...

3

Вопреки ожиданиям ужин получился приятным, даже веселым. Два года назад Маделин видела на Бродвее постановку пьесы Гаспара «Город-призрак», два месяца шедшую в театре «Бэрримор» с Джеффом Дэниэлсом и Рейчел Вейс в главных ролях. Пьеса произвела на нее противоречивое впечатление: ей понравились блестящие диалоги, но смутило циничное отношение автора к жизни.

К счастью, Кутанс оказался не тем саркастическим насмешником, какого можно было представить, зная его пьесы. Этого человека хотелось сравнить с НЛО: да, мизантроп, да, пессимист, но при этом замечательный собеседник. Разговор естественным образом коснулся Шона Лоренца и сосредоточился на нем. Обоих воодушевила его живопись, им хотелось поделиться всем тем, что они узнали за этот день. Они с аппетитом умяли весь ризотто и завершили ужин бутылкой «Сен-Жюльена».

Разговор продолжился в гостиной. Порывшись в пластинках, Гаспар выбрал старую запись Оскара Питерсона^[24], потом раскопегарил камин и отыскал бутылку виски «Паппи ван Винкль» 20-летней выдержки. Маделин разулась, вытянула на диване ноги, накинула на плечи плед и достала из

кармана скрученную вручную, не только из табака, сигаретку. От травы, виски, приятной обстановки она совсем расслабилась. Разговор не мог не принять более личный характер.

– У вас есть дети, Кутанс?

– Боже сохрани! – взвился он. – Нет и никогда не будет.

– Почему?

– Не желаю навязывать другим мерзкий грохочущий мир, в котором мы вынуждены жить.

Маделин с наслаждением затаилась.

– Вам не кажется, что вы несколько преувеличиваете?

– Ничуть!

– Согласна, кое-что нелишне бы поправить, но...

– Нелишне поправить? Разуйте глаза! Планета несется без руля и ветрил, нас ждет ужасное будущее: еще более жестокое, тревожное, вдыхать и то будем через раз... Надо быть неисправимым эгоистом, чтобы навязывать все это кому-то еще.

Маделин хотела ответить, но Гаспара уже понесло. Четверть часа, безумно вращая глазами и дыша алкоголем, он развивал свою аргументацию неисправимого пессимиста, не верящего в будущее человечества, живописал апокалипсическое общество, помешанное на технологиях и избыточном потреблении, разучившееся думать. Общество-хищник, методично истребляющее природу и взявшее билет в один конец назначением в никуда.

Убедившись, что словесный фонтан наконец иссяк, Маделин подытожила:

– Как я погляжу, вы терпеть не можете не только негодяев, но и весь род людской.

Гаспар не стал возражать.

– Помните, как сказано у Шекспира в «Ричарде III»: «А лютый зверь – и тот ведь знает жалость». А человеку – нет, она незнакома! Человек – худший из всех хищников. Он – паразит, который под тонкой лакировкой цивилизованности шагу не ступит, чтобы не возвыситься над ближним, не подвергнуть его унижению. Поганая порода, отравленная манией величия и тягой к самоистреблению, ненавидящая себе подобных из-за ненависти к себе самой!

– Ну, вы-то, Кутанс, слеплены, конечно, из другого теста?

– Как раз наоборот. Можете причислить меня, если хотите, ко всем остальным.

Он допил свое виски, Маделин затушила сигарету в чашечке,

служившей ей пепельницей.

– Наверное, с такими мыслями вы очень-очень несчастны.

Он отмахнулся от такого предположения. Она встала, чтобы достать из холодильника воду.

– Я просто здравомыслящий человек. В завалах научных трудов вы найдете еще больше пессимизма, чем в моих речах. Земные экосистемы непоправимо гибнут. Мы уже преодолели рубеж, после которого нет пути назад, мы...

– Знаете, что мне непонятно? – перебила Маделин Гаспара. – Зачем вы тянете? Почему не стреляете себе в висок?

– Разговор не об этом, – перешел он к обороне. – Вы спросили, почему я не хочу заводить детей. Вот я и отвечаю: потому что не хочу смотреть, как они растут среди хаоса и злобы. – Он прокурорским жестом выставил вперед указательный палец, дрожавший от алкоголя и от негодования. – Никогда не пущу ребенка в этот безжалостный мир! Если у вас есть намерение поступить по-другому, то это ваша забота, от меня поддержки не ждите.

– Сдалась мне ваша поддержка! – повысила она голос, садясь. – Я задаю себе еще один вопрос: почему бы вам не побороться за то, чтобы все это изменилось? Почему не повести кампанию за дело, которое вам близко? Вступите в ассоциацию своих единомышленников, разверните деятельность в...

Он скорчил гримасу отвращения.

– Коллективная борьба? Это мне не подходит. Терпеть не могу все эти политические партии, профсоюзы, группы давления. Я одного мнения с Жоржем Брассенсом: «Когда собралось больше четырех – это банда подонков»^[25]. А главное, сражение уже проиграно, просто люди трусят это признать.

– Знаете, чего вам недостает? Необходимости сражаться не понарошку. Иметь ребенка – значит вести настоящий бой. Бой ради будущего. Которое всегда было и всегда будет.

Гаспар странно на нее посмотрел.

– А у вас, Маделин, дети есть?

– Может быть, когда-нибудь будут.

– Ради вашего собственного удовольствия, конечно? – усмехнулся он. – Чтобы чувствовать себя «полноценной», «состоявшейся». Какие еще слова принято в таких случаях говорить? Чтобы не отличаться от подруг? Чтобы мама с папой не мучили вопросами, вызывающими чувство вины?

Этого Маделин не смогла вынести: вскочив, она плеснула ему в лицо

ледяной водой, чтобы заставить заткнуться, после чего, немного поколебавшись, швырнула в него самой пластиковой бутылкой.

– Нет, все же вы редкостный козел! – крикнула она, бросившись к лестнице. Перепрыгивая через две ступеньки, она мигом взлетела наверх и с силой захлопнула за собой дверь.

Гаспар, оставшись один, горестно вздохнул. Далеко не в первый раз он под воздействием возлияний начинал извергать гадости, но никогда еще не сожалел об этом так сильно.

Обиженный, как ребенок, он налил себе еще виски, погасил свет и с кряхтением устроился в шезлонге.

В затуманенном алкоголем мозге всплывали обрывки разговора. Его доводы, возражения Маделин. В конце он явно наговорил лишнего, но его оправдывала искренность. В своей грубости он раскаивался, но сущность сказанного не вызывала у него возражений. Сейчас, прокручивая в мыслях разговор, он набрел на аргумент, к которому не прибегнул, а зря: люди, которые хотят детей, чувствуют в себе силы их защитить.

О нем сказать так было никак нельзя.

Это и повергало его в ужас.

Безумный живописец
21 декабря, среда

5. Взять судьбу за глотку

Жизнь не дарит подарков.

Жак Брель^[26]

1

В голове гудит, сердце трепещет и больно сжимается. Тревожный сон улетучивается от слабого дуновения.

От стука входной двери дремота моментально улетучилась. Гаспар не то всплывал, не то шел ко дну. Несколько секунд он не понимал, где находится, но потом осознал грустную реальность: он уснул, свернувшись калачиком в старом кресле эймс^[27] Шона Лоренца. Он так вспотел, что футболка прилипла к кожаной обивке, во сне он елозил лицом по подголовнику, и теперь оно саднило. Гаспар с трудом поднялся, протер глаза, помассировал затылок и виски. Похмелье во всей красе: сокрушительная головная боль, вкус цемента во рту, тошнота, ломота в суставах, заторможенность... Ритуальная сцена, после которой он привычно клялся себе, что больше в рот не возьмет спиртного. Клялся, зная, что решимости хватит ненадолго: уже в полдень опять возникнет охота промочить горло, ну а там...

Что там на часах? Восемь утра. Что за окном? Бледное небо, но хоть без дождя. Он догадался, что его разбудила своим уходом Маделин, и устыдился, что красовался перед ней в таком виде. Он дополз до ванной и четверть часа проторчал под душем, потом выдул, присосавшись к крану, не меньше пол-литра противной теплой воды. Обмотавшись полотенцем, он вышел из ванной, яросто растирая себе виски.

Головная боль нарастала, он был готов биться лбом об стену, но знал, что и это не поможет. Единственным спасением было срочно принять две таблетки ибупрофена. Он порылся в рюкзаке, но не нашарил ничего, что хоть отдаленно походило бы на лекарство. После недолгих колебаний он поднялся на оккупированный Маделин второй этаж, там нашел ее косметичку, а в ней – свое спасение. Хорошо, что некоторые организованнее других.

После двух таблеток адвила он приполз в свою комнату и напялил то, в

чем щеголял накануне. Теперь – на кухню, глушить черный кофе. Кофейник он нашел, но положить в него было нечего. Он облазил все полки, но тщетно: кофе нигде не было. Пришлось довольствоваться чашкой куриного бульона на террасе. От утренней прохлады ему вроде бы полегчало, но вскоре он сбежал в тепло гостиной. Там, изучив пластинки, он нашел те, о которых вчера рассказала ему Полин: эту музыку Шон Лоренц безостановочно слушал в дни, предшествовавшие кончине.

На первой пластинке было записано то, что непременно присутствовало в любом собрании классических шедевров: Пятая симфония Бетховена, дирижер Карлос Клейбер. На обратной стороне конверта музыковед напоминал о вдохновлявшем композитора на протяжении всей жизни желании «схватить за глотку судьбу». Собственно, вся Пятая вращалась вокруг столкновения человека с его судьбой. «Так стучится в дверь судьба», – говорил сам Бетховен о четырех нотах, которыми открывалась симфония.

Второй альбом фирмы «Дойч Граммофон», двойной, возвращал в 80-е годы: это была Симфония № 2 Гюстава Малера, исполняемая оркестром под управлением Леонарда Бернштейна. Приглашенными звездами были певицы Барбара Хендрикс и Криста Людвиг. Эта симфония австрийского композитора, названная «Воскрешение», была Гаспару незнакома. На конверте было написано, что это религиозное сочинение: Малер сочинил эту симфонию, когда перешел в христианство. В ней звучали темы вечной жизни и воскрешения умерших. Текст на конверте заканчивался словами Леонарда Бернштейна: «Музыка Малера слишком искренне воплощает нашу неуверенность в вопросах жизни и смерти. Эта музыка настолько правдива, что говорит о вещах, которые страшно слышать».

Вещи, которые страшно слышать...

Гаспар почесал затылок. Почему Лоренц, любитель джаза и минималистской музыки, в конце жизни превратился в фанатика двух монументальных симфоний?

Вылив в раковину остатки теплого бульона, Гаспар сел за стол в гостиной и открыл свой пружинный блокнот с намерением поразмышлять над будущей пьесой. Сосредоточиться было трудно. Он провел странную, вернее сказать, умопомрачительную ночь: ему снились психоделические пейзажи, вытатуированные на связанном теле симпатичной соседки. Даже сейчас, вспоминая эти сны, он испытывал смущение.

Минут двадцать Гаспар убеждал себя, что работа сейчас пойдет, но иллюзия оказалась нестойкой. Его не отпускало ощущение, что Лоренц взирает на него с большого портрета требовательно, даже оценивающе.

Когда терпение иссякло, Гаспар снова подошел к увешанной снимками стене. Оказалось, что ему не дает покоя не фотография художника, а лицо его сына.

Мальчика не было в живых, но сколько радости, сколько живости было в его запечатленном для вечности личике!

Не иначе, Маделин Грин заразила Гаспара своим недугом!

Он со вздохом плюхнулся на диван. Янтарное виски в бутылке на столике выглядело очень соблазнительно, чуть ли не подмигивало, но Гаспар превозмог соблазн и надолго устоял на одну из фотографий: на ней маленький Джулиан катался на старомодной карусели, с торжествующим видом держась за ручку перед собой. Тут же стоял с умиленным видом Шон Лоренц. Гаспар достал из кармана джинсов бумажник и нашел в одном из кармашков старую выцветшую фотографию, которую не видел уже много лет: он сам в трехлетнем возрасте, с отцом. Они пришли в манеж Гарнье в Люксембургском саду покататься верхом. Фотография была сделана в 1977 году. Два снимка разделяло почти сорок лет. Разные эпохи, но все остальное совпадало: поза мальчиков, их сияющие глаза, гордость в отцовском взгляде.

Маделин оставила скутер на углу бульвара Монпарнас и улицы Севр. Еще не было девяти утра, но воздух уже пропитался пыльной влажностью. Снимая перчатки и шарф, она заметила, что сильно вспотела. И это называется зима?

Но необычность этого утра не сводилась к непривычному теплу: квартал стал неузнаваемым. После вчерашней демонстрации все было перевернуто, перебито, раскурочено: павильоны автобусных остановок, витрины магазинов, дорожные знаки и указатели. Тротуары и мостовые были усыпаны стеклом, вывороченными булыжниками, кусками асфальта. Сюрреалистическая картина военного времени, какую не ожидаешь застать в Париже. Стены покрывали бесчисленные насмешливые надписи: «Все ненавидят полицию!», «Я мыслю, следовательно, я разрушаю», «Сначала пепел, потом возрождение», «Долой столицу!», «Победа через хаос», «Плывать на ваши законы!».

Но больше всего огорчало даже не это, а реакция прохожих. Некоторые были, как она, ошеломлены, но куда больше было безразличных, улыбающихся, смеющихся, останавливающихся для селфи.

Даже фасад Национального института слепой молодежи был изуродован злобными надписями. Все это угнетало Маделин, едва не доводило до слез. В этой стране происходило нечто недоступное ее пониманию.

Подойдя к клинике, куда она была записана на прием, Маделин убедилась, что и ее окна не уцелели. Рабочий доставал из разбитой витрины теннисную ракетку, послужившую вандалам снарядом. Она уже хотела пройти мимо, но рабочий, увидев ее колебание, указал на объявление, где говорилось, что клиника открыта.

Она вошла внутрь и назвала дежурной свое имя. Она пришла раньше назначенного времени, чтобы сдать анализ крови, поэтому ожидание продлилось не больше трех минут, и она глазом не успела моргнуть, как ей прокололи вену, в пробирке поднялся черный столбик ее крови, ей забинтовали руку и предложили подняться в лифте на второй этаж, в отделение рентгенологии и эхографии.

Отдав себя в руки специалистов, Маделин стала вспоминать вчерашний возбужденный разговор с Кутансом. Он правильно вскрывал проблемы, но с его покорностью и нигилизмом она никак не могла согласиться. Всегда найдутся люди, готовые сопротивляться, сражаться с общественными несправедливостями, не мириться с объявленными катастрофами. Ее ребенок будет из их числа.

Легко сказать: сначала нужно было забеременеть.

Четыре месяца назад, отдыхая в Испании, она переступила черту и наведальась в клинику лечения бесплодия в Мадриде. Скоро сорок – и ни тени серьезных отношений на горизонте! Не то чтобы она жаловалась на жизнь, но тело старело, и это был неоспоримый факт. А главное, у сердца больше не было сил любить.

Чтобы стать матерью, придется прибегнуть к единственному оставшемуся доступным способу. Она заполнила анкету, побывала у врача, сделала необходимые анализы. Ей объяснили азы технологии: извлеченные из ее организма яйцеклетки оплодотворят сперматозоидами от анонимного донора. Это было, конечно, совсем не то, о чем мечтала Маделин, тем не менее она отдала этой затее все силы и воодушевление, которые в себе нашла. Чудо материнства предваряли ежедневные муки. Началось с обременительной гормональной терапии: каждый вечер она делала себе в живот инъекцию фолликулостимулирующих гормонов. При этом раз в два дня у нее брали кровь и делали УЗИ, определяя количество и размеры фолликул. Результаты она сама передавала по телефону в испанскую клинику.

Все это страшно утомляло. Раздувался живот, набухала грудь, ноги

весили по тонне, головная боль сводила с ума, появлялась раздражительность...

В темном кабинете врач УЗИ водил зондом по нижней части ее живота. Маделин лежала с закрытыми глазами. Она убедила себя, что приняла правильное решение: родить ребенка, который станет в ее жизни якорем. Слишком много лет отняла у нее работа, она имела дело с мертвецами, а они увлакивают живого в свой неживой мир. Потом она всем пожертвовала ради любви к мужчине. Но мужская любовь изменчива, хрупка, капризна. Для храбрости она припоминала расставание с человеком, который на нее рассчитывал: Дэнни Дойл, ее первая школьная любовь, стал одним из главарей преступного мира Манчестера, и их пути разошлись. Работая в полиции, Маделин не могла не вступить с ним в бой, но он, невзирая на расстояния, никогда не переставал за ней следить.

Знаю, тебя обуревают страх. Знаю, твои ночи беспокойны, населены призраками, трупами и демонами. Знаю, как ты решительна, но знаю и о черном изъяне саморазрушения, который ты в себе носишь. Ты была такой уже при нашем знакомстве, и впоследствии все стало только хуже. Ты упускаешь собственную жизнь, Мадди. Тебе необходимо выйти из этой спирали, иначе ты рухнешь в пропасть, откуда нет возврата. Я не хочу, чтобы ты вела такое существование. Не хочу, чтобы ты шла тем путем, который стал гибельным для меня: он ведет во тьму, это путь насилия, страдания и смерти...

Жизнь не прощает ошибок. Утерянных возможностей не вернуть. Подарков жизнь тоже не преподносит. Жизнь – дорожный каток, она – деспот, держащий свое царство в кулаке и сеющий в нем страх непобедимым оружием, имя которому – Время. Время всегда побеждает. Оно – величайший злодей в истории. Ни один сыщик никогда не посадит его под засов.

Гаспар встал с дивана. На кухонном столе завибрировал мобильный телефон – наверняка его забыла Маделин. Он упорно отказывался иметь дело со всеми этими гаджетами и сейчас покосился на телефон с недоверием, но решил принять звонок. Услышав голос Маделин, он начал отвечать, но случайно прервал разговор, ткнув на экране куда-то не туда.

Выругавшись, он сунул телефон себе в карман.

Головная боль стала проходить, однако туман не рассеивался. Долой самообман: ему нужен кофе. Причем не одна чашка.

После анализов и обследования Маделин поспешила в итальянский ресторан «Каравелла» на улице Фобур-Сент-Оноре, где раньше побывала с Бернаром Бенедиком. Кровь требовалось сдавать натощак, она со вчерашнего дня ничего не ела, и сейчас у нее кружилась голова. Она заказала кофе с молоком, сухое печенье «бискотто» и хотела было позвонить в испанскую клинику, но спохватилась, что забыла телефон в доме на улице Шерш-Миди.

Только этого не хватало! От досады она хлопнула ладонью по столику.

– Чем вам помочь? – спросил официант, подавая ей завтрак.

Она узнала Грегори, с которым накануне ее познакомил галерист.

– Забыла дома мобильный! Мне нужно сделать важный звонок.

– Могу предложить свой. – Он вынул из кармана телефон в чехле с эмблемой футбольного клуба «Милан».

– Спасибо, очень любезно с вашей стороны.

Она позвонила в Мадрид и попросила соединить ее с Луизой, молодой медсестрой из клиентской службы клиники репродукции, брат которой служил в полиции. Маделин ей симпатизировала, знала расписание ее дежурств и при необходимости звонила прямо на ее мобильный, чтобы не сообщать о размере своих яичников половине Кастилии. Луиза записывала результаты и передавала их врачу, который при необходимости менял дозу гормональных инъекций. Меньше всего это походило на душевное общение с семейным доктором: нет, это была медицина 2.0 – урбанизированная, всемирного охвата, непритязательная и невеселая. Что ж, если ради материнства нужно было пройти через это, Маделин не возражала.

Закончив разговор с Луизой, Маделин позвонила с телефона Грегори на свой номер. Ей повезло, Кутанс ответил на звонок.

– Гаспар, это вы? Можете передать мне телефон?

Драматург что-то пробормотал, после чего связь прервалась. Тогда Маделин отправила эсэмэс: «Можете принести мне телефон? Если не возражаете, встретимся в полдень в ресторане «Гран кафе» на улице Делабр. Большое спасибо. Мадди».

Кофе тем временем остыл, и она заказала еще один, который выпила

сразу. Она совершенно не выпалась: какой сон, когда всю ночь снятся колдовские полотна Лоренца! Она скиталась в сияющих далях, в чувственных чащобах, среди переплетений лиан, взбиралась на головокружительные вершины, терялась в городах, сотрясаемых ураганными ветрами. Утром она бы не ответила, что это было – чудесный сон или кошмар. До нее уже начало доходить, что эта двойственность и есть ключ к творчеству Шона Лоренца.

На другой стороне улицы Бернар Бенедик поднимал металлическую штору на витрине своей галереи. Она постучала по стеклу согнутым пальцем, привлекая его внимание. Галерист не обманул ее ожиданий – тут же к ней присоединился.

– Я не сомневался, что скоро вас увижу! – радостно заявил он, садясь напротив нее. – Живопись Шона Лоренца неповторима, верно?

Маделин ответила ему упреком:

– Вы не сказали мне об убийстве сына Лоренца.

– Что верно, то верно, – проговорил он без всякого выражения. – Терпеть не могу об этом рассказывать. Джулиан был моим крестником. Эта трагедия всех нас потрясла.

– Как это произошло?

– Газеты все подробно описали, – тихо сказал он.

– Вот именно, – подумав, кивнула, соглашаясь.

– Чтобы как следует во всем разобраться, надо вернуться в прошлое. В довольно далекое прошлое... – Он поднял руку, заказывая и себе кофе, чтобы набраться сил. – Я вам уже объяснял, что, познакомившись с Шоном, мобилизовал всю свою сеть для пропаганды его работ. Шон был честолюбивым и жадным до новых знакомств. Я познакомил его с самыми разными людьми в Лондоне, Берлине, Гонконге... Но оставалось место, куда он отказывался соваться: Нью-Йорк.

– Как это понимать?

– Каждый раз, когда я предлагал представить его коллекционерам с Манхэттена, он выбивал мяч за пределы поля. Хотите – верьте, хотите – нет, но с тысяча девятьсот девяносто второго до рокового две тысячи четырнадцатого Лоренц ни разу не побывал в своем родном городе.

– Разве у него не было там родни?

– Только мать, но он и ее перетащил в Париж в конце девяностых. Она уже была совсем плоха и вскоре скончалась.

Бенедик обмакнул в кофе крестини.

– В конце концов я прицепился к Шону как репей, и он не смог не приоткрыть для меня краешек правды.

– Это было как-то связано с обстоятельствами его отъезда? – спросила Маделин.

Галерист утвердительно кивнул.

– Осенью тысяча девятьсот девяносто второго года, после их с Пенелопой лета любви, Шон остался в Нью-Йорке один. Он приуныл, весь смысл его жизни свелся к тому, чтобы скорее воссоединиться с молодой женой в Париже. Загвоздка была в том, что в кармане у него не было ни гроша. Чтобы заработать на билет на самолет, он занялся вместе с LadyBird мелким воровством.

– Девушка из «Пиротехников»! – вспомнила Маделин.

– Ее настоящее имя было Беатрис Муньос. Она была дочерью чилийских иммигрантов, вкалывавших в Северном Бронксе. Странная девица: замкнутая, дикая, почти аутистка, с телосложением кетчиста. Без всякого сомнения, она была влюблена в Шона, в окно бы выпрыгнула, если бы он попросил.

– Думаете, он злоупотреблял ее отношением?

– Если честно, не знаю. Шон был гением, то есть по определению невыносимым занудой, человеком, с которым страшно трудно было иметь дело, но назвать его гнусным типом ни у кого не повернулся бы язык. Он был импульсивным, взрывным, одержимым идеей фикс, но я никогда не замечал, чтобы он презирал слабых. Думаю, он много лет не отталкивал Беатрис, чтобы не причинить ей боль.

– А Пенелопа взяла и все разрушила.

– Несомненно. Узнав о намерении Шона уехать в Париж, Муньос впала в отчаяние, тем не менее помогала ему собирать деньги, грабя бакалейные лавки.

В Маделин взял верх полицейский.

– Вы называете это «мелким воровством»? Я бы квалифицировала это как вооруженный грабеж.

– Перестаньте! Все их оружие – водяные пистолеты и резиновые маски персонажей из компьютерной игры.

Но Маделин стояла на своем:

– Не важно, настоящее оружие или нет, вооруженное ограбление остается вооруженным ограблением. Знаю по опыту, что это редко хорошо кончается.

– Я и не утверждаю, что это хорошо кончилось, – грустно согласился Бенедик. – Однажды вечером бакалейщик в Чайнатауне отказался отдавать им деньги, достал из-за прилавка винтовку и открыл огонь. Шон умудрился сбежать с деньгами, а Беатрис пуля угодила в спину, и она рухнула прямо в

лавке.

Маделин откинулась на спинку стула. Бенедик продолжил бесстрастным тоном:

– Когда копы ее задержали, у них уже было на нее толстенное дело.

– Видеозаписи прежних ограблений, – догадалась бывшая полицейская.

– Они самые. Это был их четвертый магазин за месяц. Повсюду уже красовались их портреты – маски усаых сантехников. Они должны были их защитить, но в итоге выдали. К несчастью для Беатрис Муньос, ее уже много раз задерживали за настенные художества, набралось богатое криминальное досье. Копы и прокурор поняли, что сорвали джекпот, и потирали руки. Такова американская судебная система: со слабыми она сильна, с сильными слаба.

– Беатрис не выдала Шона на допросах?

– Что вы! Ее осудили – восемь лет тюрьмы, потом добавили еще четыре года за попытку побега и неоднократное применение насилия к сокамерницам.

– Шон не явился с повинной?

Бенедик издал нервный смешок.

– Уже назавтра после ареста Беатрис он сидел в самолете – летел в Париж к Пенелопе. Шон смотрел на вещи просто: он не чувствовал себя должником Беатрис, потому что никогда ее ни о чем не просил. Она его не выдала, но это был ее личный выбор.

– Значит, он полностью порвал с друзьями детства?

– Да, полностью.

– Вы считаете, что это и было причиной его нежелания возвращаться в Нью-Йорк?

– Разве это не очевидно? Он смутно чувствовал, что этот город таит для него угрозу. И был прав. Беатрис Муньос вышла на свободу в две тысячи четвертом году совершенно сломленной. И физически, и психически. Подрабатывала то там, то здесь, пыталась вернуться к живописи, но она не принадлежала к системе, у нее не было галериста, и ей не на кого было опереться. Скажу честно: ничего не говоря Шону, я купил через социальный центр в Гарлеме несколько ее полотен. Хотите – покажу. После выхода из заключения она стала писать как зомби, в ее полотнах нет жизни, они пугают.

– Она знала, кем стал Шон?

Бенедик пожал плечами:

– Как могло быть иначе? Сегодня достаточно ввести имя человека в

поисковую строку, чтобы узнать о его жизни все или почти все. Беатрис знала «глянцевую» версию Лоренца: успешный художник-миллионер, женатый на манекенщице, отец очаровательного мальчугана. Этот образ и свел ее с ума.

– Что случилось дальше?

– В две тысячи тринадцатом году с Шоном связался нью-йоркский Музей современного искусства. В следующем году там задумали устроить первую крупную ретроспективу его работ. Как Шон ни отказывался возвращаться в Нью-Йорк, этому музею не принято отказывать. И вот в декабре две тысячи четырнадцатого года он прилетел с женой и сыном в Нью-Йорк, чтобы открыть свою выставку и дать несколько интервью. Он не собирался задерживаться там больше, чем на неделю, но для драмы хватило и недели. С лихвой.

5

Полин Делатур сама по себе была настоящим театром одного актера: она оказалась непревзойденным мастером чувственности, которой было пронизано каждое ее движение: она сексуально убирала за ухо непослушную прядь, сексуально скрещивала ноги, еще сексуальнее слизывала с губы капельку кофе. В этом не было ни откровенной провокации, ни попытки соблазнения. Она стояла на страже хорошего вкуса, владея умением радостно разжигать желание, близким к торжеству жизни и всепобеждающей молодости. Гаспар охотно отвечал на ее шутки, но после двух чашечек кофе сумел направить разговор в единственное интересовавшее его русло: Шон Лоренц. Ему трудно было обуздать свое любопытство после признания Полин: она работала у Лоренцов няней в Нью-Йорке зимой 2014 года.

– Я пережила личную драму, и даже спустя два года после этого меня не отпускали ночные кошмары, – разоткровенничалась она. – Я проводила с Джулианом дни напролет. Шон с утра до вечера пропадал в Музее современного искусства. Пенелопа доверила сына мне, а сама занялась собой: шопинг, маникюр, сауна...

– Где они поселились?

– В апартаментах «Бридж Клуб», шикарного отеля в районе Трайбека. – Полин открыла кухонное окно, села на подоконник и закурила. – В день, когда разразилась беда, Пенелопа собралась за покупками в «Дин энд Делюка», потом у нее по расписанию был обед в

«АВС Китчен», это ресторан недалеко от Юнион-сквер. Она хотела взять с собой Джулиана, чтобы подобрать ему одежду, но в последний момент спросила, не соглашусь ли я с ним побыть. – Полин затянулась сигаретой. За считанные секунды ее жизнерадостность уступила место нервозности, которую она не пыталась скрыть. – Это был мой выходной день. У меня уже были планы, и я ответила отказом. Ничего страшного, сказала она, возьму Джулиана с собой. На самом деле ей не нужно было ни в Гринвич-Виллидж, ни на Юнион-сквер, ее целью был отель в Верхнем Вест-Сайде, на Амстердам-авеню, где ее ждал любовник.

– Кто это был?

– Филипп Карейя, подрядчик из Ниццы, крутивший дела на Лазурном Берегу и в Майами. Тот еще бабник, первый Пенелопин парень в школе.

– Что ему понадобилось в Нью-Йорке?

– Его заманила туда сама Пенелопа. У нее было тогда чувство, что Шон стал к ней безразличен.

– Лоренц знал, что жена ему изменяет?

Полин вздохнула.

– Вот уж не знаю! Это была парочка прямиком из «Песни старых влюбленных»^[28]: таким подавай конфликт и ожог, иначе отношения вянут. Я никогда не понимала, что их связывает. Кто главный, кто кем командует, кто кому подчиняется...

– Их не успокоило рождение ребенка?

– Ребенок редко примиряет супругов.

– А Шон изменял жене?

– Не знаю.

– Я имел в виду – с вами, – уточнил свой вопрос Гаспар.

Ответ Полин был безапелляционным:

– Шашни с няней своего ребенка? Что за второсортный порносюжет! – После недолгого молчания Полин позволила себе новую откровенность: – Вообще-то можно было попробовать. Но – нет.

Гаспар встал и с разрешения хозяйки налил себе еще кофе.

– Так что произошло в Нью-Йорке в тот роковой день?

– Под вечер, видя, что Пенелопа не возвращается и не дает о себе знать, Шон забеспокоился, но обращаться в полицию пока не стал. Дозвониться жене он не мог по понятной причине: она забыла свой мобильный в отеле. Шли часы, тревога стала невыносимой. В одиннадцать вечера он связался со службой безопасности отеля, те – с полицией. Там сразу отнеслись к сигналу со всей серьезностью – все-таки исчез ребенок, да и Шон был человеком известным. Всю ночь патрульные экипажи

работали по ориентировке, сотрудники полиции проверяли записи камер наблюдения в тех местах, где должна была побывать Пенелопа. Разумеется, они ничего не нашли. – Бледная до синевы, Полин затушила сигарету в кофейном блюде. – В семь утра курьер доставил в отель коробку с детским мизинцем и с окровавленной запиской, содержащей требование выкупа. Это было чудовищно! За дело взялось ФБР. Они расширили периметр розыска, разослали предупреждение о похищении, задействовали все современные средства и возможности... В конце концов была обнаружена запись камеры наблюдения на Амстердам-авеню со сценой похищения Пенелопы и ее сына. – Полин помассировала себе веки и вздохнула: – Я тоже видела эту запись. Это было уже не порно, а фильм ужасов: чудовище, форменный бык, запихивало Пенелопу и Джулиана в фургон-развалюху.

– Что еще за бык?

– Горбатый громила-апах, вот такие плечищи, вот такие ручищи!

Гаспар в знак сомнения выпятил нижнюю губу.

– Отпечатки с коробки пробили по полицейской базе. Они принадлежали Беатрис Муньос, судимой, известной также как LadyBird, подруге молодости Шона.

При упоминании LadyBird Гаспар вспомнил фотографии из книги о творчестве художника. На них молодые «Пиротехники» расписывали вагоны подземки в начале 1990-х: Шон в куртке на вырост, NightShift – паренек-латино с оттопыренными ушами, LadyBird – совершенно чуждая полету, несмотря на кличку, индианка с лентой а-ля Джеронимо^[29] в волосах цвета воронова крыла.

– У ФБР дело пошло споро. Уже к полудню агенты нашли сквот, куда привезла своих жертв Беатрис Муньос, – ангар на территории заброшенного завода в Куинсе. Немедленно начался штурм, но было поздно: Джулиан уже был мертв.

– Что означал этот выкуп? – спросила Маделин.

Бернар Бенедик прищурился.

– Вас удивляет сумма четыре миллиона двести девяносто тысяч долларов?

– Конечно.

– Это плата за мучения: количество дней, проведенных Беатрис

Муњос в тюрме, умноженное на тысячу. Одиннадцать лет и девять месяцев ада: четыре тысячи двести девяносто дней.

В таком контексте сумма могла показаться почти ничтожной.

– Полагаю, Лоренц попытался собрать эти деньги.

– А как же! Только Муњос хотела не денег.

– Чего же она хотела? Мести?

– Да, той самой «дикой справедливости», о которой говорил Фрэнсис Бэкон. Она решила изуродовать Шону жизнь, причинить ему такие же ужасные страдания, как те, что выпали ей самой.

– Но при этом она сохранила жизнь его жене?

– Та тоже чуть не погибла. Фэбээровцы нашли Пенелопу примотанной к стулу колючей проволокой. Она до сих пор вся в шрамах. Ужаснее всего то, что Беатрис убила Джулина кинжалом на глазах у его матери.

У Маделин застыла в жилах кровь. Она вспомнила слова своего друга Дэнни: «Путь тьмы, страдания и смерти». Куда бы она ни шла, что бы ни делала, все дороги приводили ее на один и тот же перекресток, к веренице трупов.

– Беатрис Муњос сидит в тюрме?

– Нет, ей удалось сбежать до начала штурма. Она бросилась под поезд на станции «Гарлем – 125-я стрит», на которой они с Шоном раньше разрисовывали вагоны. – Бенедик с безнадежным видом развел руками и горестно вздохнул.

Маделин достала из кармана таблетку от изжоги.

– Со вчерашнего дня мне не дает покоя один вопрос, – заговорила она, приняв таблетку. – Год назад Шон Лоренц опять прилетел в Нью-Йорк, где и скончался?

– Именно так – от сердечного приступа, посреди улицы.

– Зачем его туда понесло? Зачем было возвращаться в город, связанный со столькими тяжелыми воспоминаниями?

– В телефонном разговоре со мной он объяснил, что приехал на прием к кардиологу. У меня были весомые основания поверить этому объяснению.

– Какие?

Бенедик открыл кожаный портфель, лежавший на стуле рядом с ним.

– Я знал, что вы опять захотите со мной поговорить, поэтому принес вот это. – Он протянул Маделин светло-коричневую книжицу.

Она уставилась на еженедельник «Смитсон» в темном кожаном переплете.

– Я узнал о смерти Шона в Париже. Тут же сел в самолет и полетел в

Нью-Йорк, заниматься переправкой тела. Его вещи из гостиничного номера забирал тоже я. Их было немного: чемоданчик с вещами и этот еженедельник.

Маделин перелистнула страницы. Одно ей стало ясно уже сейчас: весь год, предшествовавший смерти, Шон Лоренц не вылезал от врачей. Вот и дата его кончины, 23 декабря 2015 года, была помечена его рукой: «Д-р Стокхаузен, 10.00».

– Чем он страдал?

– Один инфаркт за другим! Весь последний год Шону делали ангиопластику и аорто-коронарное шунтирование. Помните, как пел Ферре: «Когда сердце больше не бьется, нечего искать где-то еще...»^[30]

– Я могу оставить еженедельник себе?

Бенедик после паузы утвердительно кивнул.

– Как вы думаете, эти три последних полотна действительно существуют?

– Я твердо в этом уверен, – ответил галерист, сверля ее взглядом. – Как и в том, что вы их отыщете.

Маделин не забывала об осторожности.

– Для этого вы должны мне сказать, где искать. Кто те люди, с которыми мне придется говорить.

Бенедик взял паузу – размышлял.

– Первым делом – с Дианой Рафаэль. Она чрезвычайно опытный психиатр, и притом симпатичная. Одна из немногих, к кому Шон испытывал уважение. Они познакомились через несколько месяцев после его приезда во Францию, когда он обретался в бывшей больнице. Диана организовала тогда передвижную структуру помощи токсикоманам. Она увлекалась новыми формами искусства и стала одним из первых покупателей его картин – приобрела сразу две. Шон считал ее почти что своим ангелом-хранителем.

Маделин запоминала все, что слышала. Это имя уже звучало накануне вечером из уст Гаспара.

– С кем еще?

– Возможно, с Жан-Мишелем Файолем, продавцом красок. У него магазинчик на набережной. Шон часто с ним советовался, когда работал.

– А Пенелопа Лоренц? Она по-прежнему живет в Париже?

Бенедик покачал головой, не спеша с ответом.

– Можете продиктовать мне ее адрес?

Галерист вооружился ручкой и вырвал из еженедельника чистую страничку.

– Я запишу для вас ее координаты, но это ничего вам не даст. Встреча с Пенелопой была для Шона величайшей удачей и худшим несчастьем. Искрой, разжегшей его гений, а потом пожаром, пожравшим его жизнь.

Он сложил страничку вчетверо, отдал Маделин и, глядя в сторону, задал вслух вопрос самому себе:

– Что, в сущности, может быть печальнее, чем видеть, как самая близкая тебе душа превращается в твое проклятие?

6. Сумма распадов

*Картина была суммой слагаемых.
Моя картина – сумма распадов.*

Пабло Пикассо^[31]

1

Бульвар Сен-Жермен нежился под бледным солнцем. Ощипанные платаны, дома из тесаного камня, кафе – маленькие музеи, бутики – воплощение неброской роскоши.

Маделин обогнала электрический автомобильчик, включила сигнал поворота и повернула на улицу Сен-Гийом. Еще двадцать метров – и она поставила скутер перпендикулярно тротуару, между помятым «Смартом» и сверкающим внедорожником. По адресу, полученному Маделин у Бернара Бенедика, высился свойственный этой улице дом-красавец с недавно очищенным кокетливым фасадом. Рядом с монументальными лакированными воротами был прикреплен домофон.

– Да? – прошипел голос.

– Мадам Лоренц?

Ответа не последовало, но Маделин не пала духом.

– Добрый день, мадам, я из полиции, занимаюсь расследованием исчезновения последних полотен вашего бывшего мужа. Уделите мне несколько минут, чтобы...

– Проваливай, журналюга поганая!

Маделин отшатнулась. Такой злобы она не ожидала. Настаивать было бесполезно. Если Пенелопа Лоренц настроена так непримиримо, на результат можно не рассчитывать.

Она села на «Веспу», придумав другой вариант. Университетская, Бакалавров, бульвар Распай, Монпарнас. Там, на улице Одесса, Маделин нашла интернет-кафе, втиснувшееся между блинной и секс-шопом. Толкая дверь, она дала себе слово, что не уйдет отсюда, пока не добьется своего.

2

Гаспар пришел в ресторан раньше назначенного времени. «Гран-Кафе», заведение по соседству с рыбной лавкой с несколько устарелым декором, манило уютом: деревянная обшивка стен, гнутые стулья Baumann, маленькие, как в бистро, столики, большие зеркала, пол в клетку, как шахматная доска. Средиземноморский уклон подчеркивала фальшивая лоза на потолке, превращавшая зал в беседку.

В половине первого дня зал был еще наполовину пуст, но постепенно наполнялся. Гаспар попросил столик на двоих и, не сядя, вынул из кармана куртки уродовавший ее телефон, положил его на стол, повесил куртку на спинку стула. Потом подошел к стойке, заказал бокал кинси и попросил разрешения позвонить. Официант бросил на него удивленный, даже подозрительный взгляд и указал на телефон, оставленный на столе:

– Сломался?

Гаспар даже не обернулся.

– Нет, просто не умею пользоваться. Можно позвонить с вашего?

Официант кивнул и дал ему старомодную трубку. Гаспар нацепил очки, чтобы разглядеть записанный Полин номер.

Ему повезло: Диана Рафаэль ответила уже после третьего звонка и извинилась за неважную связь. Психиатр ехала на поезде в Марсель, в больницу Святой Маргариты, к своему пациенту. Гаспар представился и объяснил, что звонит по совету Полин Делатур. Диана Рафаэль, часто бывавшая в Нью-Йорке, сказала, что видела «Асилиум», одну из самых черных его пьес, критиковавшую девиации психоанализа. Этой работой Гаспар приобрел в сообществе психиатров не только друзей, но Диана не помышляла о реванше и заверила его, что на спектакле «много смеялась».

Гаспар, не умевший врать, сразу выложил карты на стол. Он объяснил, что арендует дом, где раньше жил Шон Лоренц, и помогает своей знакомой из полиции, затеявшей поиск трех последних картин художника.

– Если они существуют, я бы тоже охотно на них взглянула!

– По словам Полин, вы много консультировали Шона в последний год его жизни.

– Правильнее говорить о двух последних десятилетиях! Больше двадцати лет я была его другом, а не только психиатром.

– Я думал, одно с другим несовместимо.

– Я противница догм. Я изо всех сил старалась ему помочь, но приходится верить в преследующее гениев проклятие.

– Это в каком же смысле?

– Старый принцип «творческого распада». Такой творец, как Шон, не мог не губить самого себя и других.

Плохая связь не помешала Гаспару плениться голосом Дианы Рафаэль: мелодичным, низким, дружелюбным.

– По словам Полин, после гибели сына Лоренц так и не пришел в себя, и...

– Это не составляет тайны, – перебила его психиатр. – Шон почти что умер, когда не стало Джулиана. У него не осталось привязанностей, и он даже не притворялся, что живет. К тому же физически он превратился в развалину. В последние месяцы сложные операции следовали одна за другой. Несколько раз его вытаскивали с того света. Но он сносил муки как заслуженную кару.

– Не помогала даже живопись?

– Живопись бессильна перед смертью ребенка.

Гаспар прикрыл глаза, допил белое вино и жестом попросил официанта налить еще.

– Не все родители, потерявшие ребенка, кончают с собой, – заметил он.

– Вы правы, – согласилась Диана. – У каждого своя, индивидуальная реакция. Не стану пересказывать вам историю болезни Шона, но у него любой недуг принимал опасную для жизни форму. Его творчеству всегда мешал маниакально-депрессивный психоз.

– Биполярное аффективное расстройство?

– Скажем так: как многие художники, он на все реагировал преувеличенно, страдал резкими перепадами настроения. В период эйфории проявлял невероятную жажду жизни, в черные периоды проваливался в бездну.

Гаспар рванул пуговицу на рубашке. Что за жара в декабре месяце?

– Лоренц был токсикоманом?

Впервые Диана насторожилась:

– Слишком много вопросов, месье Кутанс.

– Согласен, излишне настырен.

На том конце линии зазвучало объявление: поезд прибывал на вокзал Сен-Шарль.

– Шону хотелось одного: унять боль и забыться, – снова заговорила психиатр. – Его не отпускала страшная боль, равная по силе любви к сыну, и он не желал ни спасения, ни вразумления. Здесь годились любые средства: снотворные, снимающие тревогу, и многое другое. Я выписывала ему рецепты, потому что знала, что так или иначе он все это раздобудет. Так я могла, по крайней мере, следить, что он принимает.

Связь слабела с каждой секундой. Гаспар успел задать последний

вопрос:

– Вы верите в спрятанные картины?

Увы, ответ психиатра был заглушен шумом прибывающего поезда.

Он повесил трубку и осушил бокал. Оглянувшись, он увидел, как в ресторан входит Маделин.

3

– Аперитив? – предложил официант, ставя рядом с их столиком большую грифельную доску с перечислением блюд дня.

Маделин заказала бутылку минеральной воды, Гаспар – третий бокал вина. Потом он с улыбкой пододвинул Маделин забытый ею дома телефон.

– Спасибо, вы меня спасли, – сказала она, забирая телефон.

Гаспар счел уместным произнести слова раскаяния:

– Простите меня за вчерашний вечер. Меня понесло.

– Ничего страшного, не будем об этом.

– Я не знал, что вы пытаетесь забеременеть.

Маделин вспыхнула:

– С чего вы взяли?

– Ну, это же... Вывод напрашивался сам собой... – забормотал он, поняв свою оплошность. – Утром пришло эсэмэс из мадридской клиники, что получены результаты ваших...

– Не суйтесь не в свое дело, черт вас подери! Неужели вы считаете это подходящей темой для застольной беседы?

– Мне очень жаль, я не мог не прочесть эсэмэс.

– Не могли не прочесть?! – сорвалась она на крик.

Они не разговаривали, даже не смотрели друг на друга, пока им не принесли напитки. Когда хозяин подошел принять заказ, Маделин, пользуясь его присутствием, достала полученный от Бенедика спичечный коробок с рекламой ресторана.

– Шон Лоренц был вашим постоянным клиентом, не так ли?

– Больше, чем клиентом, – другом! – ответил с гордостью ресторатор.

Это был словоохотливый человечек с бритым черепом, в костюме, который был ему велик на два размера, в белом галстуке в крупный черный горох. Выразительностью мимики он мог бы соперничать с самим Луи де Фюнесом.

– Месье Лоренц годами обедал у нас почти каждый день. – Живой взгляд хозяина вдруг затуманился. – Вот только после смерти сына он стал

не таким частым гостем. Как-то вечером, уже после закрытия, я увидел его мертвецки пьяным, завалившимся на скамейку. Я отвел его домой, на улицу Шерш-Миди. Как же я тогда огорчился! – Желая, видимо, прогнать невеселые воспоминания, рассказчик поцокал языком и продолжил: – В последние два-три месяца жизни ему как будто полегчало. Он много раз заходил сюда и...

– Полагаете, он снова стал рисовать? – перебил его Гаспар.

– Конечно! Опять за едой черкал в своем блокноте. Верный признак!

– Вы знаете, над чем он работал?

Де Фюнес обнадеживающе улыбнулся:

– Я человек любопытный: принесу заказ – обязательно загляну ему через плечо. Он чертил лабиринты.

– Лабиринты?

– Да, представьте! Кафкианские лабиринты без начала и конца. Бесконечно ветвящиеся, голова шла кругом!

Маделин и Гаспар с сомнением переглянулись, но в рукаве у их собеседника был припасен козырной туз.

– За несколько дней до кончины месье Лоренц преподнес нам за-ме-ча-тельный подарок: выложил одну нашу стену мозаикой.

– Прямо здесь?! – поразился Гаспар.

– Вот именно, – подтвердил гордый ресторатор. – В глубине второго зала. Это одна из немногих мозаик Шона Лоренца и уж точно из самых крупных. У нас здесь теперь центр паломничества знатоков искусства, без усталости щелкают объективами, особенно азиаты!

Ресторатора не пришлось упрашивать: он по собственной инициативе проводил их к разноцветной фреске на стене.

– Месье Лоренц иллюстрировал «Огромного крокодила», сказку Роальда Даля – любимую книжку своего сына. Мальчик всегда требовал ее перед сном. Вот она, наша память о художнике!

Панно было составлено из мерцающих квадратиков, немного похожих на крупные пиксели в видеоигре 80-х годов. Сузив глаза, Маделин узнала персонажей сказки своего детства посреди саванны: крокодила, обезьянку, слоненка, зебру.

Великолепная и одновременно забавная работа! Маделин попросила разрешения сфотографировать панно, потом они с Гаспаром вернулись за свой столик.

- Вижу, малышка Полин вам приглянулась.
- Как и накануне, они обменивались добытыми сведениями.
- Во всяком случае, у нее легкий характер и нет привычки противоречить.
- Это камень в мой огород?
- Гаспар отвел глаза:
- Сменим тему, если не возражаете.
- Маделин предложила распределить обязанности.
- Сегодня днем я намерена пристать с вопросами к Жан-Мишелю Файолу, продавцу красок, которого посещал Шон. А вы тем временем наведаетесь к Пенелопе Лоренц.
- Гаспар с сомнением почесал заросший подбородок.
- Зачем совать голову в львиную пасть? Вы же только что рассказали, как она дала вам от ворот поворот.
- Одно дело я, другое дело – вы.
- Откуда такая уверенность?
- Во-первых, вы мужчина. А во-вторых, у меня родилась гениальная идея. – Она с довольной улыбкой посвятила его в свой план, как пробиться к жене Шона.
- В интернет-кафе она завела на имя Гаспара адрес электронной почты и с него отправила Пенелопе просьбу одолжить, вернее, временно уступить картину мужа «Обнаженная», находившуюся в ее собственности.
- Что-то я не пойму, с какой стати мне одалживать у нее картину, – проворчал Гаспар. – Бессмыслица какая-то!
- Маделин отодвинула тарелку и развернула на столе фотокопию статьи из «Дейли телеграф» о тридцати спектаклях в Лондоне следующей весной по пьесе «Клятва Гиппократа» драматурга... Гаспара Кутанса.
- Вам пришла отличная мысль: использовать эту картину для декораций на премьере вашей пьесы.
- Чудеса!
- Маделин продолжила, не обращая внимания на его скепсис:
- В письме я предложила Пенелопе плату за аренду картины: двадцать тысяч евро. Бенедик уверяет, что она на мели, даже собиралась продать картину на аукционе. А тут ей предоставился шанс сначала сделать картине рекламу. Можете быть уверены, она не упустит эту возможность.
- Это никуда не годится. Узурпация личности! – прорычал Гаспар, сведя на переносице брови.
- Успокойтесь, это была ложь с благой целью.
- Пусть другие играют в принципиальность, да? Не выношу таких

людей, как вы!

– Что значит «таких, как я»?

– Уж я-то знаю, что имею в виду.

– Кроме вас, этого не знает никто.

Он пожал плечами, продолжая негодовать.

– Так или иначе, матушка Лоренц ни за что не поверит в такие глупости.

– Ошибаетесь! – возразила Маделин торжествующим тоном. – Вообразите, она уже ответила, что ждет вас у себя через полчаса для обстоятельного разговора.

Гаспар разинул рот, чтобы снова возмутиться, но ограничился покорным вздохом. Маделин поспешила развить достигнутое преимущество:

– После встречи с Файодем у меня назначена беседа со старой знакомой, она в Париже проездом. После посещения Пенелопы загляните в «Семафор», обсудим достигнутое.

– Что еще за «Семафор»?

– Маленькое кафе на углу Жакоб и де ла Сен.

Стояла такая теплынь, что в ресторане распахнули все окна. Маделин захотелось курить, и они ушли пить кофе на террасу. Маделин в безмолвной задумчивости сворачивала сигарету, Гаспар, тоже погруженный в свои мысли, цедил обжигающий арманьяк – комплимент от хозяина.

Оба отказывались произносить это вслух, но внутренне соглашались, что составили небывалый следственный дуэт.

Оба были отравлены магнетическим искусством Лоренца, оба оказались в его власти. Все, что хоть как-то относилось к художнику – ощущение от его картин, неясности в его жизни, – приобретало для них мистическую ауру, сулило надежду, что если они проникнут в неведомое, то тайны Лоренца станут их тайнами. Не желая в этом сознаваться, Маделин и Гаспар прониклись сумасшедшей верой, что эти тайны приоткроют им истину, ибо поиск исчезнувших картин был отчасти поиском самих себя.

7. Подоженные

Искусство – как пожар, оно рождается из того, что поджигает.

Жан-Люк Годар^[32]

1

Старый особняк, в котором жила Пенелопа Лоренц, выглядел вечным и отличался строгим изяществом, как многие постройки квартала вокруг церкви Святого Фомы Аквинского: светлый, без излишеств, фасад из тесаного камня, отполированный мрамор ступеней.

Впрочем, внутри жилища не было ничего от наружной аскезы. Напротив, это было царство нарочитой пышности: розовые кресла под покрывалами из искусственного меха, большой стол из плексигласа. Скрипучий паркет был выложен традиционным французским рисунком – уголком. От разнокалиберных безделушек и прихотливо изогнутых светильников рябило в глазах. И над всем этим, на высоченном потолке, распласталась гигантская люстра. Можно было подумать, что над здешним интерьером потрудился какой-то недоделанный Филипп Старк^[33], взявшийся создать образец дурновкусия.

Мужчина, с недоверием открывший Гаспару дверь, назвался не очень внятно Филиппом Карейей. Гаспар вспомнил, что Пенелопа говорила ему о нем, первом возлюбленном Пенелопы. Выходило, что они по-прежнему вместе. Подрядчик из Ниццы оказался маленьким толстяком, ничего общего с тем образом, что рисовал себе Гаспар: на макушке лысина, короткая круглая бородка, под глазами мешки, торчащая из расстегнутого ворота рубашки седая шерсть, в которой тонул акулий зуб на золотой цепочке. Трудно было представить, чем такой субъект мог приглянуться молодой красавице. Может быть, тогда он был другим? Или обладал иными достоинствами? Хотя притягательность людей друг для друга чаще всего не поддается рациональному объяснению.

Толстяк привел гостя в маленькую гостиную, выходившую окнами во внутренний дворик, усадил его и замер перед макбуком, на экране которого был открыт сайт агентства недвижимости. Гаспар минут десять поскучал,

прежде чем его удостоила вниманием хозяйка дома. При появлении бывшей манекенщицы ему трудно было скрыть удивление.

Пенелопу Лоренц невозможно было узнать. Изуродованная пластической хирургией, она превратилась в гротескную карикатуру на ту женщину, которой была когда-то. Лицо у нее было застывшее, гладкое, как готовый потечь воск. Раздутые губы наводили на мысль о воздушном шаре, который вот-вот лопнет. Из-за распухших век и высоко задранных скул глаза превратились в щелки. Лицо резко контрастировало с похожей на скелет фигурой, отягощенной накачанной гелием грудью.

– Здравствуйте, месье Кутанс, спасибо за визит, – приветствовала она его задышающим, гнусавым голосом и уселась напротив.

У нее был взгляд затравленного зверя, сознающего нелепость своего облика и впечатления, производимого на других.

Как можно до такого дойти? Как объяснить эту метаморфозу? Гаспар вспомнил топ-модель с журнальных обложек: надменную, стройную, спортивную, сияющую. Зачем было так злоупотреблять фейслифтингом и инъекциями ботокса? Где она откопала бесстыжего хирурга-любителя, замахнувшегося на ее красоту? Гаспар пытался отыскать в ней хоть что-то, хотя бы мельчайший намек на утраченное совершенство, и все-таки нашел – в ее глазах. Теперь он сосредоточился на их радужной оболочке цвета морской волны с золотистым отливом. Вот чем она завоевала сердце Шона летом 1992 года!

Гаспар поздоровался. Еще не открыв рот, он отказался от плана разговора, разработанного вместе с Маделин. Он признавал свое бессилие: само его естество отторгало ложь. Тому были эстетические причины, но главным было то, что он ни в грош не ставил свои актерские способности, понимая, что искажение истины ему совершенно не по плечу. Поэтому он сразу решил не ходить вокруг да около и выложить все начистоту.

– Буду с вами откровенен, мадам Лоренц. Я здесь по причине, отличной от объявленной. Я действительно Гаспар Кутанс, автор пьесы, которую будут ставить весной в Лондоне, но контракт об аренде принадлежащей вам картины – всего лишь уловка моей коллеги с целью добиться встречи с вами.

– Что еще за коллега?

– Та, которую вы спровадили сегодня утром.

Атмосфера сразу накалилась. Гаспар чувствовал, что Пенелопа готова позвать на помощь Карейю, и сделал жест, который должен был ее успокоить, не дать поднять крик.

– Уделите мне три минуты, я все объясню. Если после этого вы решите

не отвечать на мои вопросы, то я уйду, больше вас не обременяя, и никогда не стану вам досаждать. – Пенелопа сидела неподвижно, и Гаспар воодушевленно продолжил: – Мы занимаемся поиском трех картин Шона Лоренца, написанных им в недели, предшествовавшие кончине. Это...

Пенелопа остановила его:

– В последние годы жизни Шон не прикасался к кистям.

– Тем не менее у нас есть веские причины полагать, что эти полотна существуют.

Она пожала плечами:

– Если так, то они были написаны уже после нашего развода, и в этом случае у меня нет на них никаких прав. При чем тут я?

Понимая, что от этой женщины, замурованной в своей горечи, ничего не добьешься, Гаспар решился на импровизацию:

– Я здесь с целью предложить вам сделку.

– Что еще за сделка?

– Если вы ответите на мои вопросы и если благодаря вам мы отыщем эти картины, одна из них достанется вам.

– Шли бы вы куда подальше! Если вы воображаете, что я еще недостаточно пострадала от картин Шона, то... – Сначала Пенелопе было страшно, теперь страх сменила злость. Встав с дивана, она подошла к маленькому холодильнику, встроенному в книжный шкаф на манер гостиничного мини-бара, вынула две маленькие бутылочки водки и выпила одну прямо из горлышка.

Гаспар вспомнил фразу Чарльза Буковски: «Найди то, что любишь, и позволь этому тебя убить». Яд Пенелопы назывался «Грей Гуз». Содержимое второй бутылочки она перелила в хрустальный бокал, который поставила на круглый столик на одной ножке, рядом с собой.

– Если бы не я, никакого Шона Лоренца не существовало бы вовсе, вы в курсе? Это я выпустила на волю его творческие силы, я отвернула краны его таланта. До меня он был мелким гарлемским мазилой, бездельником с косяком в зубах. Больше десяти лет, пока он не мог продать ни одного холста, я подставляла ему плечо. Только благодаря моей красоте, моим фотографиям, моей рекламе, моим изображениям на обложках журналов он смог стать известным художником.

Слушая ее монолог, Гаспар вспоминал неудачливую актрису, сыгранную Глорией Свенсон в «Бульваре Сансет»: то же обожание себя прежней, те же жалкие оправдания.

– Год за годом я была тем огнем, на котором разогревалось его творчество, его «криптонитовой девушкой». Так называл меня он сам,

потому что был уверен, что не создаст ничего гениального, если рядом с ним не будет меня.

– Он был прав, – подхватил Гаспар. – Ваши портреты, написанные им, великолепны.

– Вы имеете в виду цикл «Двадцать одна Пенелопа»? Скажу вам честно: сначала эти картины мне льстили. А потом они стали меня подавлять.

– Почему?

– Из-за того, как на меня стали смотреть другие люди. В этом источник большинства наших бед. Я видела, как меня разглядывали, а главное, угадывала их мысли. «Хороша, – думали люди, – но до женщины с картины ей далеко». Знаете, в чем секрет работ Шона Лоренца, месье Кутанс?

– Нет. Откройте мне его!

2

– От работы с Шоном Лоренцом прибавлялись силы, он был виртуозом цвета.

Услышав от Бернара Бенедика про Жан-Мишеля Файоля, Маделин почему-то представила седовласого старичка в серой блузе, давно перешагнувшего пенсионный порог. Но человек, с которым она встретилась в магазине на набережной Вольтера, оказался чернокожим моложе ее самой, с телосложением платяного шкафа, прической растамана и серебряными кольцами на всех пальцах, составлявшими дьявольскую семейку: змея, паук, мексиканский череп, козлиная башка... На нем были стоптанные мокасины, узкие джинсы и облегающая футболка под пуховиком без рукавов. Файоль немедленно сразил ее своим гостеприимством и открытостью: предложил кофе с печеньем на заляпанном дубовом прилавке. Сам его магазин с низким сводчатым потолком смахивал на средневековую лавку. Впечатление усугубляли полированные деревянные этажерки от пола до потолка, плотно забитые тубиками с красками.

Причина прихода Маделин воодушевила Файоля, и он принялся отвечать на ее вопросы, даже не спросив, кто она такая.

– У меня куча знакомых художников, – начал он. – Большинство – себялюбцы с манией величия, мнящие себя воплощениями Пикассо или Баския^[34] по той простой причине, что тоже пачкают холсты и находят жадных галерейщиков, выставляющих их мазню, и снисходительную

публику, готовую рукоплескать чему угодно. – Он выудил из железной банки шоколадное печенье «Птит эколье». – Шон, несмотря на свой успех, был из другого теста. Он был скромник. Одержимость живописью не мешала ему проявлять интерес к окружающим. – Файоль откусил кусок печенья и долго жевал, как будто хотел поближе подобраться к источнику своих воспоминаний. – Вот вам пример. Я никак не мог набрать достаточно денег, чтобы заплатить за дом престарелых для своей мамы. Шон об этом узнал, выписал мне чек и никогда не просил вернуть ему деньги.

– Значит, он был вам скорее другом, чем обычным клиентом, – подытожила Маделин.

Файоль посмотрел на нее так, словно она заявила, что Земля плоская.

– У настоящих художников не бывает друзей, – изрек он. – Именно поэтому они и становятся художниками. Я помогал Шону как мог, старался находить для него нужные краски. Ну и оказывал ему кое-какие услуги. Занимался, к примеру, рамами для его полотен. Он был очень щепетильным по этой части: подавай ему только американские, из светлого ореха – редкость, которую можно найти только в Иране.

– Почему вы называете его мастером цвета?

– Потому что он им был! Непревзойденным мастером! Молодость он провел, прысая на заборы и вагоны из аэрозольных баллончиков, но в начале двухтысячных полностью переродился. Он хотел учиться и превратился в уникального специалиста по истории пигментов. Редкий был пурист! Покажите мне другого бывшего граффити-художника, отказавшегося от синтетических красок!

Маделин рискнула задать вопрос о разнице между синтетической краской и природным пигментом.

Новый косой взгляд растамана.

– Вы же понимаете разницу между трахом и любовным соитием, между звуками mp3-плеера и виниловой пластинки, между калифорнийским и бургундским вином... You got it?

– Вы хотите сказать, что природные пигменты более естественные?

– Они дают более глубокие, более насыщенные цвета, а главное, они уникальны, за ними часто кроется тысячелетняя история.

Файоль пружинисто вскочил с табурета и ринулся в глубину магазина.

– Эти пигменты принадлежат к редчайшим, самым ценным в мире. – Сверкая глазами, он указал на полки, полные стеклянных емкостей с разноцветными порошками.

Эти прозрачные емкости разных размеров и форм сливались во впечатляющую палитру красок, от светлых, пастельных до совсем темных.

Сначала Маделин не заметила их отличия от других банок, но не стала признаваться, что озадачена. Жан-Мишель Файоль схватил одну и сунул ей под нос.

– Взять хотя бы ляпис-лазурь, чаще называемую ультрамарином: легендарная голубая краска Фра Анджелико, Леонардо да Винчи и Микеланджело. Этот пигмент, добываемый из почв Афганистана, был такой редкостью, что в эпоху Возрождения стоил дороже золота.

Маделин вспомнила роман Трейси Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой»: там говорилось, что Вермеер использовал этот пигмент для тюрбана на своей прославленной картине.

Файоль поставил баночку на место и взял вместо нее другую, с ярко-фиолетовым порошком.

– Тирский пурпур, цвет тог римских императоров. Вообразите, чтобы собрать всего грамм, нужно было раздавить десять тысяч моллюсков мурексов. Представили эту бойню?.. Индийская охра добывалась из мочи коров, которых кормили исключительно листьями мангового дерева. Сегодня ее производство под запретом.

Тряхнув дредами, Файоль схватил следующий образец, ярко-красный.

– Кровь дракона, известна с древних времен. По легенде, этот цвет получают путем смешивания крови двух драконов после их смертельной схватки, стоившей обоим жизни.

Файоль был неистощим. Одержимый красками, он с наслаждением вещал внимательной новой ученице:

– Возможно, мой любимый цвет! – Он держал в руках емкость с пигментом охряного оттенка, близкого к коньячному. – В любом случае самый романтичный.

Маделин наклонилась и прочла этикетку: «mummy brown».

– Да, египетский коричневый. Получался методом измельчения мумий и сбора смолы из тканевых бинтов, использовавшихся при бальзамировании тел. Лучше не думать о том, сколько древних раскопок было испорчено, сколько ценных находок уничтожено ради этих дьявольских пигментов! И между прочим...

Маделин оборвала его, вернув к цели своего прихода:

– Какие краски искал Шон Лоренц, когда был у вас в последний раз?

– Каждый раз, рисуя человека, Шон похищал у него что-то и уже не

возвращал, – заявила Пенелопа, выпив еще водки.

Гаспар, сидевший напротив нее, благоразумно помалкивал.

– Он отнимал у того, кого рисовал, красоту, чтобы перенести ее на свои картины, – продолжила она. – Помните сюжет «Портрета Дориана Грея»?

– Там портрет старился вместо человека, с которого был написан, – заметил Гаспар.

– У Шона наоборот – его картины были каннибалами. Они питались вашей жизнью, вашим блеском. Они вас убивали ради того, чтобы существовать самим.

Пенелопа развивала свою мысль пространно и раздражительно. Гаспар перестал ее слушать. У него не выходила из головы знаменитая реплика Сержа Гинзбурга: «Уродство превосходит красоту тем, что не исчезает со временем». И еще вопрос: как эта женщина до такого докатилась? По словам Маделин, Шон встретил Пенелопу на Манхэттене в 1992 году, когда ей было всего 18 лет. Он быстро посчитал: ее нынешний возраст – 42 года, как и ему. В доме на улице Шерш-Миди было немного фотографий Пенелопы, но одна, датированная рождением Джулиана, хорошо запомнилась Гаспару. Глядя на нее, он не мог не восхищаться этой женщиной. Выходило, что она изуродовала себя пластической хирургией не так давно.

– Через несколько лет до Шона дошло, что его гений не зависит от моей скромной персоны. Я, конечно, испугалась, что потеряю его. Моя собственная карьера начинала чахнуть. Спасаясь от тоски, я стала налегать на спиртное и на наркотики: сначала травка, потом кокаин, потом колеса... Все, чтобы заставить Шона заняться мной. Раз десять он возил меня на дезинтоксикацию. Надо вам сказать, у него имелся серьезный изъян, недопустимая слабость: он был хорошим человеком.

– Я бы не назвал это слабостью.

– Слабость, слабость! Но я не об этом. Ему так и не хватило смелости меня бросить. Думал, видите ли, что он передо мной в вечном долгу. Шон был немного порченный. Вернее, у него была своя логика.

Гаспар перевел взгляд с лица Пенелопы на шрам в форме звездочки у нее на шее, справа. Потом обнаружил другой рубец, почти симметричный первому, под левым ухом. И третий, между ключицами. Он сразу смекнул, что это не следы хирургических вмешательств, а напоминания о похищении, когда Пенелопу обмотали колючей проволокой. За этим открытием последовало другое: порочный круг операций начался у нее после гибели сына. Сначала их целью было избавиться от следов

нападения, а потом они, без сомнения, превратились в наказание, которому она сознательно себя подвергала. Не один Шон прошел мучительный крестный путь: на пару с ним саморазрушением занималась жена. В ее случае страдал источник ее греха – красота.

– Рождение сына вас не сблизило?

– Этот ребенок был чудом, обещанием нового начала. Сначала мне хотелось в это верить, но это оказалось иллюзией.

– Почему?

– Именно потому, что для Шона все, кроме сына, перестало существовать. Не стало ни живописи, ни меня. Все затмил Джулиан...

При упоминании сына Пенелопа впала в гипнотическую летаргию. Гаспар попытался ее растормошить:

– Вы позволите задать последний вопрос?

– Задавайте.

– Всего один, мадам...

– Валяйте! – прикрикнула она, как при резком пробуждении.

– Когда вы в последний раз разговаривали с мужем?

Она вздохнула, и ее взор опять затуманился, она уставилась внутрь себя, в свои воспоминания.

– Последний раз это было... в день его смерти, всего за несколько минут до того, как все произошло. Шон прилетел в Нью-Йорк и позвонил мне из Верхнего Ист-Сайда, из телефонной будки. Бормотал что-то невнятное. Из-за разницы во времени он разбудил меня среди ночи.

– Зачем он вам звонил?

– Не помню... – Ее лицо исказила судорога, и она зарыдала.

– Прошу вас, постарайтесь вспомнить! Что он вам сказал?

– ОСТАВЬТЕ МЕНЯ!

После этого крика Пенелопа отключилась. Растянувшись на своем белом диване, она не шевелилась, но при этом смотрела угрожающе.

Осознав ситуацию, Гаспар устыдился. Что он тут делает? Зачем мучает эту женщину, зачем лезет не в свое дело? Каков смысл его поисков?

Он молча ретировался.

В лифте он сказал себе, что прав был Годар: «Искусство – как пожар, оно рождается из того, что поджигает». Трагическая история Пенелопы, Шона и их сына была полна трупами, призраками, живыми мертвецами. Подкошенными, спаленными, обугленными пламенем страсти и творчества судьбами.

Искусство – как пожар, оно рождается из *тех*, кого сжигает.

Жан-Мишелю Файолю не пришлось долго рыться в памяти.

– Шон долго отсутствовал, но в последние два месяца жизни опять стал часто ко мне заглядывать. Это было год с небольшим назад, в ноябре – декабре две тысячи пятнадцатого. Вот это была охота!

– Что за охота?

– За красками, конечно!

– Считаете, он опять взялся за кисти?

Файоль широко улыбнулся.

– Без всякого сомнения! Дорого бы я дал, чтобы узнать, что он замышлял.

– Почему?

– Во-первых, потому, что он был одержим белизной.

– Белым цветом?

Растаман закивал, впав в лирическое настроение.

– Да, цветом привидений и призраков. Светом шока и ослепления. Снежной, невинной, девственной чистотой. Всепоглощающим, тотальным цветом, символизирующим и жизнь, и смерть.

– Объясните толком, какую такую белизну он искал.

– В том-то и дело, что сначала он слепо шарил, его требования были противоречивыми: то матовую, то блестящую, то гладкую, то неровную. То близкую к мелу, то со стальными блестками. Я совсем с ним запутался. – Файоль прищурился и продолжил: – Он находился в состоянии экзальтации. Или, если хотите, потрясения.

Они вернулись к прилавку. По окну забарабанили редкие капли дождя.

– Шон твердил про белые минеральные пигменты, но у них есть коренной недостаток: при смешивании с вяжущим материалом они чахнут, становятся прозрачными. Я был очень расстроен тем, что никак не мог ему помочь. В конце концов я предложил ему «гофун сираюки».

– Японские белила? – попробовала угадать Маделин.

– Да, бело-перламутровый пигмент цвета жемчуга, его делают из панцирей устриц. Шон его попробовал, но немного погодя вернул со словами, что это не то, что он искал. Что такой краской ему не «воспроизвести» того, что он задумал. Я сильно удивился.

– Почему?

– Потому что такие художники, как Шон, не пытаются воспроизводить, они предъявляют, не причесывают, а расчесывают,

говоря словами Сулажа^[35]. У меня было впечатление, что у Шона очень четкая задумка, вот только задуманного им вообще не существует в природе!

– Он ничего не уточнял?

Файоль скривился и махнул рукой.

– В итоге вы нашли для него подходящую краску?

– А как же! – Он расплылся в улыбке. – Я смешал ему пигмент на основе нетипичного гипса, который есть в одном-единственном месте.

– Где?

Файоль с высокомерным видом загадочно закатил глаза:

– White Sands^[36], слышали?

Маделин покопалась в памяти и вспомнила раскинувшиеся, насколько хватает взгляда, белые, искрящиеся, посеребренные дюны, один из красивейших национальных парков Америки.

– Пустыня в Нью-Мексико?

Файоль утвердительно кивнул.

– Там расположена военная база, где испытывают секретное оружие и технологии. А еще там есть карьер, где добывают редчайший гипс. Минерал с измененными свойствами, из которого можно извлечь довольно стойкий пигмент: бело-серый с розоватым отливом.

– Там же военная база, как вы его раздобыли?

– Это мой маленький секрет.

– У вас есть образец?

Файоль схватил с полки пузатую склянку. Маделин уставилась на ее содержимое в восхищении, но оно быстро сменилось разочарованием. Пигмент смахивал на вульгарную меловую стружку.

– Чтобы это стало краской, нужно добавить масла?

– Масло или любой другой связывающий материал.

Маделин, не зная, что еще сказать, забрала с прилавка свой мотоциклетный шлем и поблагодарила Файоля за помощь.

Открыв ей дверь, он остановился, что-то припомнив.

– Еще Шон просил найти для него флуоресцирующие пигменты высокого качества. Я удивился: это уже как-то несерьезно.

– Что это такое? Пигменты, накапливающие свет?

– Да, поэтому они светятся в темноте. Раньше для производства таких красок использовали радий. Ими покрывали, например, приборные доски самолетов.

– Здравствуй, радиоактивность!

Файоль кивнул.

– Потом перешли на сульфид цинка, но тогда упали эффективность и стойкость.

– А что сегодня?

– В наши дни применяют кристаллы алюмината стронция, они нерадиоактивны и нетоксичны.

– Это то, что искал Лоренц!

– Если бы! Он снова все мне вернул. Я не понимал, что он ищет. Связал его со швейцарским предприятием, делающим светящуюся пасту, применяемую при изготовлении водонепроницаемых часов для ныряльщиков. Там изъявили готовность помочь, но я не знаю, обращался ли Шон к ним.

Маделин на всякий случай записала название швейцарской фирмы и еще раз поблагодарила колориста.

Она покидала набережную Вольтера в вечерних сумерках. Начался нешуточный дождь, над вздувшейся Сеной и над Лувром нависли плотные тучи, похожие на густой черный дым или на клубы пыли, поднятые всадниками грозной вражеской армии.

«Веспа» понесла ее к мосту Руаяль, по которому она переехала через Сену, в Сен-Жермен, где ей предстояла встреча с подругой. Удар грома заставил ее вздрогнуть: гроза в декабре?! Среди молний ей привиделся Шон Лоренц с ангельскими крылышками, с насупленным лицом святого, источавшим белое сияние.

Гаспар

Сен-Жермен-де-Пре

Цинковое небо. Почерневшие, цвета графита дома. Силуэты платанов, похожие на доисторические ископаемые. Ощущение хождения в пустоте. Движение заглатывает, сплющивает, грязь и глухой шум бульвара отравляют.

Перед глазами стоит Пенелопа Лоренц: ее разрушенная красота, заржавленный голос, память об утраченной свежести возвращают к моей собственной дряблости, скуке, ничтожности.

Мне подавай чистый воздух, ясное небо, воскрешающее дуновение ветра, солнце моего греческого острова или ледяную незапятнанность заснеженных вершин Монтаны. За неимением горного воздуха я ныряю в первое попавшееся быстро на углу Сен-Жермен и Сен-Пэр.

Здесь пестуют затхлость и обветшалость, высоко ценимые гостями столицы, но на самом деле давно канувшие в Лету: обитые чертовой кожей сиденья, неоновые светильники, пластиковые столики, пепельницы Ricard, музыкальный автомат 60-х годов. Туристы и учащиеся близлежащих школ доедают свои сэндвичи – кто холодные с колбасой, кто горячие с сыром и ветчиной. Я тороплюсь к стойке и, не соблюдая никаких приличий, заказываю два крепких коктейля «олд фешен», опрокидываю стаканы один за другим и ухожу, вернее, сбегая.

Выпитое за обедом подействовало, и я знаю, что виски усугубит мое состояние, что и требуется: мне надо еще. В следующем заведении, на этот раз шикарном, я выпиваю еще две порции скотча. Потом возвращаюсь в Сен-Жермен.

Дождь, вокруг меня все плывет. С пейзажа слиняли все краски, остались только серые мазки, только их я и различаю через забрызганные дождем стекла очков. Я тащусь на улицу Бонапарт. Мне с трудом дается каждый шаг, словно я цирковой слон, которого заставляют удерживать равновесие на натянутом канате. В уши мне врывается многократно усиленный, вызывающий боль городской шум.

Ускоренное сердцебиение, дрожь в членах, острое желание помочиться. Судорожно вздымается грудь, походка шаткая, я дрожу от озноба и при этом распарен. Дождь течет мне за воротник и смешивается с потом. Все тело чешется, особенно руки, я готов драть себя до крови. Не желаю даже задумываться о причинах своего состояния. Тайные пружины

мне знакомы. Знаю, внутри у меня свили гнездо демоны, и их спячка не бывает долгой. Потребность в выпивке делается вдруг небывало острой.

На улице Аббэ я высматриваю очередное бistro. Обложенный фаянсом фасад, занавесочки в красную клетку. Мокрый, как собака, я, качаясь, захожу внутрь. Дневное обслуживание завершено, идет уборка зала, столы накрывают для ужина. С меня течет, но мне все равно: я прошу мне налить, но меня оглядывают с головы до ног и отвечают отказом. Я бормочу ругательства и комкаю купюры, словно за деньги можно купить что угодно. Меня оценивают по достоинству и выставляют вон.

Снаружи уже не просто дождь, а форменный потоп. Я обнаруживаю, что притащился на улицу Фюрстенберг, еще одно клише «вечного Парижа»: маленькая площадь, гигантские адамовы деревья, фонарный столб с пятью светильниками.

Это место мне, конечно, знакомо, но я не бывал здесь с незапамятных времен. Выпитое дает о себе знать: пейзаж изгибается, размывается, а сам я раздуваюсь, потом раздваиваюсь. Какой-то резкий звук терзает мне слух, и я зажимаю руками уши. Тишина. А потом голос:

– Папа?

Я оборачиваюсь. Кто меня зовет?

– Мне страшно, папа.

Никто меня не зовет, это мой собственный голос. Мне снова шесть лет. Я сижу здесь, на площади, со своим отцом. Немудрено, что площадь мне знакома: она, можно сказать, «наша». На моем отце та же одежда, что на фотографии, не покидающей мой бумажник: светлые брюки, белая рубашка, легкая рабочая куртка, лаковые туфли. В кармане у меня машинка Majorette^[37] и четырехцветная ручка, на спине ранец Tann's с пластиковой карточкой, на которой от руки нацарапано мое имя.

Я посещаю подготовительный класс начальной школы на улице Сен-Бенуа. Раз в два дня меня забирает оттуда отец. Сейчас среда, вторая половина дня. Мы вышли из кино на улице Кристин, где посмотрели «Короля и птицу»^[38]. Мне грустно, но не из-за фильма. Я уже не могу сдержаться и реву. Отец достает из кармана большой носовой платок – у него всегда при себе такие платки, – вытирает мне глаза, нос, убеждает, что все будет хорошо, что он найдет выход. Он всегда сдерживает свои обещания, но в этот раз я смутно догадываюсь, что ситуация сложнее обычного...

Ливень возвращает меня к действительности. Очки совсем залило. Я уже ничего не могу разглядеть, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Не

желаю больше об этом думать! Зачем я совершил эту ошибку, зачем сюда вернулся? Как умудрился совершить такую грубую оплошность? Рассеянность? Крайняя усталость? Подсознательная тяга к очной ставке? Но с кем?

С самим собой, дубина!

– Мне страшно, папа! – скулю я.

Перестань, ты большой мальчик. Мы не расстанемся надолго, обещаю.

Я и тогда уже не верил этой клятве. Будущее подтвердило мою правоту.

Я плачу и сейчас, как слезливая размазня. Такими же слезами, как в детстве.

Я шатаюсь, хочется присесть, но прежние скамейки куда-то подевались. Такие нынче времена: наплевать им на нашу усталость, наши раны не вызывают у них сочувствия, и они не готовы нас приютить. Я закрываю глаза, у меня такое чувство, что они больше не откроются. Кажется, сейчас я потеряю сознание, но я сохраняю равновесие и стою неподвижно под хлещущим дождем. Время останавливается.

Сколько минут проходит, прежде чем я снова размыкаю веки? Пять, десять, полчаса? Когда я прихожу в себя, дождя уже нет. Я продрог до костей. Протираю очки, и на мгновение мне кажется, что кризис миновал, что вода с небес очистила меня. Полный решимости забыть этот эпизод, я ухожу с площади, шагаю по улице Жакоб, потом по улице де ла Сен.

Внезапно я окаменеваю. В витрине галереи скульптуры я вижу свое отражение и замираю как громом пораженный. Нет, дальше так жить нельзя, это очевидно. Дело даже не в том, что я никуда не двигаюсь. Вся штука в том, что единственное место, куда меня влечет, – «не важно куда, лишь бы подальше от этого мира»^[39].

Отвратительное собственное отражение в стекле. Невыносимо! Я потрясен, меня обуревают желание все это прекратить. Немедленно.

Я сжимаю кулаки. Взрыв! На стекло витрины обрушиваются безумные удары – в лоб, сбоку, апперкот. Я даю выход дурной энергии. Испуганные прохожие избегают на меня смотреть. Еще прямой, сбоку, апперкот. Осколки стекла. Кулаки в крови. На душе легко, осанка юноши. Я колочу себя без остановки, пока не теряю равновесие и не шлепаюсь на тротуар.

Надо мной склоняется лицо в окаймлении белокурых локонов.

Это Маделин.

8. Ложь и правда

Искусство – ложь, заставляющая нас понять правду.

Пабло Пикассо

1

– Хотелось бы услышать объяснения.

– Ничего я вам не скажу.

Уже стемнело. Маделин и Гаспар ждали перед больницей имени Помпиду заказанное такси. Две темные нервные фигуры на фоне стеклянного кораблика на приколе у пристани. У Гаспара был недовольный вид: тяжесть в голове, одна рука забинтована, другая в лубке.

– Учтите, если бы не я, хозяин галереи подал бы на вас в суд! – уже не в первый раз напомнила ему Маделин.

– Разве дело не в чеке на огромную сумму, который я выписал?

– Послушайте, что на вас нашло, чего ради вы принялись крушить это стекло? Чем оно вам не угодило?

Но на Гаспара не действовали шутки.

Такси, белый «Мерседес», мигая аварийкой, затормозило рядом с ними. Видя, что один из пассажиров ранен, водитель вышел и открыл для них дверцу.

Машина тронулась, проехала по улице Гренель и пересекла по улице Конвансьон 15-й округ. Пока они ждали на светофоре, Гаспар разговорился. Прижавшись носом к стеклу, он сделал странное признание:

– Между прочим, я родился в трех улицах отсюда. В роддоме Сент-Фелисите, в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году.

Маделин не смогла скрыть удивления:

– Я всегда принимала вас за американца!

– Американкой была моя мать, – ответил он, когда «Мерседес» снова тронулся. – После окончания Йельского университета она получила работу в Париже, в «Коулман энд Векслер» – большой нью-йоркской адвокатской фирме, только что открывшей здесь свое отделение.

– А ваш отец?

– Его звали Жак Кутанс, он был из Кальвадоса. Он выучился на каменщика и подался в Париж, работал здесь прорабом на предприятии общественных работ.

– Странная пара!

– Это еще мягко сказано. У моих родителей не было совершенно ничего общего. Откровенно говоря, мне даже трудно представить, как меня умудрились зачать. Мать, без сомнения, опасалась и сторонилась людей из народа. Короче говоря, их отношения были мимолетными, как метеорит: всего несколько дней летом тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

– Вас вырастила мать?

– С самого моего рождения она старалась отодвинуть отца в сторону, даже предлагала ему деньги, чтобы он меня не признавал, но он не соглашался. Впоследствии она придумывала различные хитрости, не чуралась вранья, лишь бы свести к минимуму его право на посещения. В итоге я мог видеться с ним всего два часа в неделю, днем в субботу.

– Какая низость!

– Можно сказать и так. К счастью, мне повезло с няней, алжиркой Джамиллой, которую трогало несчастье отца.

Таксист резко вильнул в сторону и грубо обругал двоих туристов-велосипедистов, явно заблудившихся и выехавших на середину улицы.

– Мать редко бывала дома, – продолжил Гаспар, – и Джамила позволяла отцу тайком видеться со мной вечером после школы и днем в среду. Это были наши с ним заветные часы. Мы играли в парке в футбол, ходили в кино. Он даже проверял мои домашние задания в кафе или на лавочке на площади Фюрстенберг.

– Как вышло, что ваша мать была не в курсе этих встреч?

– Отец и Джамила были очень осторожны. Я был мал, но тоже не выдавал тайну до тех пор, пока... – Голос Кутанса стал неуверенным.

Их такси сбавило скорость по требованию полицейского, регулировавшего движение перед комиссариатом полиции 15-го округа, где стояли в два ряда, с работающими моторами и вращающимися мигалками, машины с полицейской раскраской.

– Дело было в воскресенье, сразу после моего дня рождения – мне исполнилось шесть лет, – продолжил Гаспар. – Мать всегда была со мной строга, а тут вдруг сменила гнев на милость и уступила моей просьбе трехнедельной давности: сходить на «Империя контратакует» в «Гран Рекс». А я возьми и скажи: «Я уже видел это с папой!» Такой вот крик души. Я тут же прикусил язык, но было уже поздно. За три секунды я подписал своему отцу смертный приговор.

– То есть как – смертный приговор?

– Мать провела расследование, пристала к Джамиле и вырвала у нее признание. Узнав правду, она страшно рассердилась, рассчитала няню и подала на отца в суд за похищение ребенка. Судья запретила ему ко мне приближаться, вообще как-либо контактировать. Он не смог вынести такую несправедливость и по наивности явился к этой судье домой, умолять о снисхождении.

– Неудачная идея, – пробормотала Маделин.

– Отец почему-то верил в правосудие. Но судья осталась непреклонной. Она не только отказалась его выслушать, но и вызвала полицию, заявив, что ей угрожают и она не чувствует себя в безопасности. Отца задержали и посадили под арест. Той же ночью он повесился в камере.

Маделин устала на Гаспара, лишившись дара речи. Он без всякой жалости к себе продолжил:

– От меня это, ясное дело, скрыли. Правду я узнал только по прошествии многих лет. Мне было уже тринадцать, я жил в пансионе в Бостоне. С того дня я перестал разговаривать со своей матерью.

Ему самому было удивительно снисходительное на него спокойствие. Он испытывал чуть ли не облегчение. Вывалил обрывки своей истории на ближнего – и полегчало. Откровенность с чужим человеком обладала несомненными достоинствами: давала возможность не стесняться, говорить свободно, забыв обо всех барьерах, никого не осуждая и не боясь чужого суда.

– Значит, вы лупили кулаками не по витрине?

Он кисло улыбнулся:

– При чем тут витрина? Захотелось врезать себе самому.

На углу бульвара Монпарнас и улицы Шер-Миди Гаспар заметил рекламу аптеки, электризовавшую ночь своим миганием цвета мяты, и потребовал, чтобы таксист высадил его там: захотел купить прописанные ему в больнице болеутоляющие.

Маделин вышла вместе с ним. Стоя в очереди, она решила разрядить обстановку шуткой:

– Как неудачно вы поранились! Больше не сможете готовить.

Он уставился на нее, не зная, чего ждать дальше.

– Очень жаль, я ужасно проголодалась, – продолжила Маделин. – Сейчас ваше ризотто пришлось бы очень кстати.

– Если хотите, я приглашаю вас в ресторан. Признаю, я перед вами в долгу.

- Согласна.
- Куда предпочитаете?
- Предлагаю вернуться в «Гран-Кафе».

В этот раз ужин вышел не только неожиданным, но и приятным. Хозяин на радостях позволил им самим выбрать столик. Они, разумеется, решили расположиться в глубине заведения, перед мозаичной фреской Шона Лоренца.

Гаспар был уже не так бледен. Он в подробностях рассказал о тягостном визите к Пенелопе Лоренц и о позорном приступе, произошедшем с ним потом. Маделин в ответ живописала свою захватывающую встречу с Жан-Мишелем Файолем и его рассказ о маниакальном поиске Шоном красок, которые отвечали бы его фантазиям. Шону вздумалось написать «нечто, чего на самом деле не существует». Эти слова продавца красок особенно ей запомнились, потому что разожгли ее любопытство. Чем вдохновлялся художник, когда писал свои последние картины? Чем-то, что видел? Или своими снами, игрой воображения?

«Луи де Фюнес» явился к ним в зал, в этот раз еще сильнее смахивая на господина Септима.

– Голубятина с тысячелистником! – провозгласил он, ставя перед ними две горячие тарелки.

Так как руки у Гаспара были забинтованы, Маделин подсела к нему, чтобы нарезать мясо. Он не стал ей мешать, и она оценила его способность не изображать ежеминутно сильного мужчину. Как и следовало ожидать, большую часть времени они любовались фреской Лоренца. Маделин выложила на столик рядом со своим стаканом с водой ресторанный коробок спичек с цитатой из Аполлинера – наследство, оставленное Лоренцом Бернару Бенедикту. Слова «опять пора зажечь на небе звезды» выглядели насмешкой. Как понять это послание художника другу? Не заключен ли его смысл в мозаике? Обоим хотелось в это верить, но чем больше они на нее смотрели, тем меньше понимали. По мнению Маделин, она походила на некоторые пейзажи «таможенника» Анри Руссо^[40]. Что до Гаспара, он отлично помнил книжку Роальда Даля с иллюстрациями Квентина Блейка, которую читала ему, малышу, Джамила. У Маделин тоже сохранились воспоминания об «Огромном крокодиле». Отдавая должное ностальгии, они принялись наперебой вспоминать имена действующих

лиц. Обезьянку звали Хитрец Жожо, Птицу – Толстяк-Перышко, Бегемота – Толстозадый. Смешные имена всплыли сами собой.

– А Слона...

– Это проще всего: Трубач! – подхватил Гаспар. – А вот Зебру?..

– Просто Зебра?

– Нет, мимо. Не помню даже ее роли в сюжете.

После недолгого спора Маделин схватила телефон, чтоб разобраться при помощи Интернета с неуловимой Зеброй. Пока она водила пальцем по экрану, Гаспар вдруг встал и уверенно заявил:

– Успокойтесь, в «Огромном крокодиле» нет никакой зебры.

От волнения Маделин тоже привстала. Зачем в таком случае Лоренц, отлично знавший эту сказку, потому что каждый вечер читал ее сыну, ее изобразил? Воскликать «эврика!» было еще рано, но они нащупали верный путь. Они передвинули свой столик и оба стула, чтобы как следует разглядеть зебру.

Из всех животных на фреске она получилась наименее убедительно. В ней не было ни капли грации. Она вообще плохо угадывалась в скоплении черных и белых квадратиков со стороны в два сантиметра. Гаспар пересчитал квадратики и стал думать о различных способах шифрования: азбука Морзе, музыкальные ноты, решетка для чтения шифра, как у скаутов...

– Бросьте! – отмахнулась Маделин. – Вы что, начитались «Кода да Винчи»?

Устав ломать голову, она вышла на улицу перекурить. Он тоже вышел и остался под ресторанным козырьком. Зарядивший снова дождь усиливался с каждой минутой. Его сопровождали свирепые порывы ветра.

Гаспар загородил Маделин от ветра, чтобы она смогла прикурить.

– Как прошла ваша встреча с подругой? Надеюсь, вам не пришлось ее свернуть из-за меня?

– Вообразите, только мы встретились, гляжу – вы крушите кулаками несчастную витрину!

Гаспар пристыженно повесил голову.

– Остались бы с ней...

– У Жюль была в Париже совсем короткая остановка. Она летит дальше, в Марракеш, встречать Рождество с бойфрендом. Везет же некоторым!

– Мне очень жаль, поверьте.

Маделин не стала читать ему нотаций.

– Не переживайте, партия всего лишь отложена. Жюль – моя самая

давняя и, честно говоря, единственная подруга. Она уже два раза спасала мне жизнь.

Маделин с блуждающим взглядом выпустила густую струю дыма, немного помялась и продолжила:

– Последний раз это произошло восемь месяцев назад. Со мной случилось тогда в каком-то смысле то же, что с вами сегодня.

Гаспар вытаращил глаза, не понимая, что она имеет в виду.

– Дело было субботним утром, – приступила она к рассказу. – Я бродила по торговому центру в Лондоне. Вдруг вижу улыбающегося мальчонку. Прямо ангелочек, очаровательный блондинчик, в таких круглых цветных очочках. Его улыбка показалась мне знакомой. Знаете это странное ощущение, будто человек вам знаком?

– Угу.

– Потом он кинулся на шею своему папаше, и я догадалась о причине этого своего ощущения. Это оказался сынишка мужчины, которого я любила несколькими годами раньше. Тот мужчина оставил меня, чтобы вернуться к жене и соорудить с ней еще одного ребенка.

– Гад ползучий?

– В том-то и дело, что нет, хороший человек, вот что самое обескураживающее! Это были серьезные отношения, я очень в них верила. Его звали Джонатан Лемперер. Это имя вам, возможно, знакомо: он один из известных на весь мир французских шеф-поваров.

Гаспар пробормотал что-то невразумительное.

– Я так и не поняла, почему он от меня ушел, – продолжала Маделин. – Не знаю, что со мной не так. Непонятно, что я плохо делаю... Короче, тем утром я пришла в такое отчаяние, что хлопнулась в обморок. Потом притащилась домой в совершенно растрепанных чувствах, вот только лупить кулаком по стеклам не стала – полоснула себя в ванной по венам, так вернее. Сами видите, по сравнению со мной вы дилетант!

– Вас нашла подруга?

Она кивнула, делая последнюю затяжку.

– Мы договаривались встретиться. Я не пришла и не отвечала на звонки, она сочла это плохим признаком и решила ко мне навестись. Если бы у моей спасительницы не оказалось ключей, меня бы здесь с вами не было. Еще бы немного – и поминай как звали. Я неделю провалялась в больнице, потом провела два месяца в симпатичном заведении, где приводят в чувство самоубийц. Там мне вправляли мозги, заново учили жить и понимать, что важно, а что нет. Дальнейшее вы знаете...

У Гаспара оставался еще один вопрос, но Маделин не дала ему

времени его задать.

– Теперь угостите меня десертом, – попросила она. – Я высмотрела у них шикарный яблочный пирог, явно объедение, «убойная вещь», как здесь любят говорить.

3

Гаспар снова нырнул в шумное, но уютное чрево «Гран-Кафе». Маделин последовала за ним, раздавив носком сапога окурок. За последние два часа она слышала два звуковых уведомления, поэтому сейчас проверила телефон. Испанская клиника прислала ей эсэмэс:

«Здравствуйте, Маделин,
отличный результат проверки фолликул! Скорее в
клинику! Ждем вас в Мадриде завтра.
Хорошего вечера,

София».

Медсестра добавила к сообщению рецепт антибиотика и гормона для стимулирования выхода яйцеклеток.

Маделин понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что это значит.

Догнав Гаспара, она после недолгого колебания поделилась с ним своей новостью.

– Очень рад за вас!

– Извините, но мне надо срочно взять билет на самолет. – Она достала кредитную карту и нашла на смартфоне сайт «Эр де Франс».

– Конечно.

При любом движении правой рукой он морщился от боли, которая становилась с каждой минутой все сильнее. Он достал из кармана обезболивающие и проглотил сразу три таблетки. После этого, опомнившись, принялся разглядывать рекомендации на упаковке.

– Что это за абракадабра? – крикнул он.

Маделин оторвалась от экрана и взглянула на то, что вызвало такое недоумение у Гаспара: штрих-код на коробочке.

– Зебра – это двухмерный матричный код! – осенило ее.

Перейдя в смартфоне в магазин приложений, она нашла программу бесплатного считывания кодов.

– Не понимаю, что еще за код, – проворчал Гаспар, которому были абсолютно чужды все технологические достижения последнего времени.

– Вы наверняка уже сами догадались: мы сканируем эти черные и белые квадратики и переходим на какой-нибудь сайт или получаем географические координаты.

Гаспар покачал головой. Получалось, что Лоренц надумал передать мозаикой такой код и вставить его в изображение зебры. Занятно!

– Знаю, вы человек не от мира сего, – поддела его Маделин. – Сегодня эти коды встречаются сплошь и рядом: на упаковках, в музеях, на картах, на проездных билетах...

Скачав приложение, она открыла его и подошла к фреске, чтобы сканировать зебру при помощи фотокамеры в телефоне. На экране сразу высветился текст: «We are all in the gutter but some of us are looking at the stars»^[41]. Сначала знаменитая цитата их обоих разочаровала. Они рассчитывали на что-нибудь поточнее: координаты GPS, видео...

– Не больно-то мы продвинулись, – пробормотал Гаспар.

Маделин молчала. Послание необходимо было поместить в контекст. Оно наверняка было адресовано Бернару Бенедикту в дополнение к цитате из Аполлинера: «Пора опять зажечь на небе звезды». Общее в обеих цитатах бросалось в глаза, причем нарочито: упоминание звезд.

– Звезда – самый туманный символ из всех возможных, – заговорил Гаспар. – Он присутствует в большинстве религий и эзотерических верований. У него может быть уйма значений: космический порядок, небесный свет, ориентир, помогающий не потеряться...

Маделин не спорила. Встававшие перед ними вопросы требовали обращения за помощью к Бенедикту. Тот, невзирая на поздний час, почти сразу ответил на звонок. Не распространяясь о своем открытии, Маделин спросила, имели ли для Шона какой-то особенный смысл звезды.

– Ничего об этом не знаю, а что? Вы что-то нашли?

– Лоренц писал звезды?

– Кажется, нет. Во всяком случае, последние десять лет. Для него звезда была бы символом, перенасыщенным смыслом.

– Спасибо.

Маделин поспешила закончить разговор, чтобы Гаспар не успел начать задавать вопросы. От недавней эйфории не осталось следа. Две минуты они с Гаспаром думали каждый о своем. На третьей минуте мобильник Маделин снова завибрировал. Звонил Бенедикт. Сначала она не хотела отвечать, но потом ответила, включив громкий звук.

– Мне пришла одна мысль, – начал галерист. – Возможно, это не

важно, но Джулиан, сын Шона, учился в школе «Звезды» на Монпарнасе.

Гаспар сразу сделал стойку: откинувшись на стуле, он стал жестами показывать Маделин, что разговор необходимо прервать. Когда она послушалась, он рассказал о двух фотографиях в доме, на которых запечатлен Лоренц, рисующий с детьми, и напомнил слова Полин: даже после гибели Джулиана Шон продолжал преподавать в кружке живописи в начальной школе, где учился его сын.

Маделин не выпускала из рук телефон: навигатор, карта Гугл. Школа «Звезды» оказалась частным заведением с новаторским подходом к педагогике, куда брали детей от двух с половиной лет. Это была альтернативная структура, внедрявшая принципы Марии Монтессори и Селестена Френе^[42], каких во Франции 2016 года становилось все больше.

Маделин изучила карту. До школы было недалеко. Логично: Лоренцы нашли для своего чада заведение неподалеку от дома.

– Скорее туда! – крикнула она, хватая куртку и кидая на столик три купюры.

Выбегая из ресторана следом за Маделин, Гаспар чуть не сбил с ног господина Септима, спешившего подать им яблочный пирог.

9. Способ победить смерть

По-моему, искусство – это способ победить смерть.

1

Шел дождь.

Вернее, это был ливень – упрямый, сильный, угрюмо хлеставший в темноте. Гаспар едва поспевал за Маделин, которая чрезвычайно взбодрилась: у нее было чувство, что цель близка. До школы и впрямь оказалось два шага. Они пробежали по улице Гюгенс и оказались на бульваре напротив кладбища Монпарнас. Вокруг было безлюдно, если не считать горстки бездомных в палатках из подручных материалов. Перед школой были выставлены заграждения, не позволявшие парковаться, но других преград не было. Вход в школу представлял собой ворота в бетонной стене высотой метра в три.

– Подсадите меня, Кутанс.

– Каким образом? Вы забыли о моих ранах? – Он показал ей свои забинтованные руки.

– Тогда подставляйте спину!

Гаспар неуклюже опустился на корточки.

Первой ступенькой ей послужило его колено, второй – плечо. Движения Маделин были быстрыми и хорошо рассчитанными: она нашла опору для рук, подтянулась, оказалась наверху и спрыгнула с другой стороны.

– Все в порядке? Вы целы?

Ответа не последовало. Гаспар провел в волнении и неизвестности целых пять минут, после чего створка ворот с лязгом приоткрылась.

– Скорее! – позвала она.

– Где вы пропадали?

– Хватит ворчать! Чтобы отпереть замок даже изнутри, нужен ключ.

Радуйтесь, что я его так быстро нашла.

– Где, хотелось бы знать?

– В чулане с мусорными баками, в силовом шкафу.

Он попытался закрыть за собой створку ворот с минимумом шума, но

скрежет все равно разодрал ночную тишину. Учебный городок тонул в темноте. Мощеный дворик был окружен постройками разной высоты. Маделин включила в смартфоне фонарик. Нужно было все здесь осмотреть. К историческому павильону – теперь в нем, судя по табличкам, располагались дирекция и компьютерный класс – были пристроены сборные модули классов, удерживаемые разноцветной металлической арматурой. Они миновали внутренний двор и столовую и поднялись по наружной лестнице на второй этаж, где тоже находились классные комнаты.

2

Когда Маделин бралась за дело, трудно было ею не любоваться. Четкая, стремительная, она умела инстинктивно принимать верные решения. Десять лет в полиции, на передней линии огня, не прошли даром: рефлексy сразу возвращались, когда оказывались нужны.

Открытый коридор утыкался в тонкую дверь, за которой находились классные комнаты. Маделин без малейшего колебания закатала рукав джинсовой куртки и коротким резким ударом локтя высадила ближайшее к дверной ручке стекло. Сигнализация в школе, вероятно, имелась, но дешевая и защищавшая только нижний этаж, где находились компьютеры – интерес для грабителей могли представлять лишь они.

Гаспар не просто удивился – он был близок к панике. Отшатнувшись, он пролепетал:

– Вы считаете, что без этого никак?..

– Лучше помалкивайте, Кутанс, – порекомендовала она ему интимным шепотом и запустила руку в оскалившееся острыми кусками стекла окно, чтобы открыть дверь.

Сориентироваться в первом по счету классе им помог ее импровизированный фонарик. Вопреки прогрессивной репутации этой школы класс СМ1-СМ2 в стиле «черных гусар» оказался вполне традиционным: грубые деревянные парты, рельефная карта Франции, оформление на тему «наши предки галлы».

Дверь в глубине класса вела в коридор, откуда можно было попасть в классы других секций: СЕ1-СЕ2, СР. Дальний класс, самый просторный, был отведен под детский сад. Это сюда, по всей вероятности, водили малыша Джулиана.

Лучик света, пронзив темноту, упал на выключатель. Маделин

решительно щелкнула им, пренебрегая осторожностью.

– Непростительная опрометчивость! – пробубнил Гаспар с порога.

Маделин указала пальцем на три картины на стене.

На первый взгляд это были стандартные детские художества: человечки в стиле «палка-палка-огуречик», плоские замки, непропорциональные принцы с принцессами в кричащих интерьерах – казалось, все это намалевано так густо, что никогда не высохнет. Зато Маделин сразу узнала американские рамки из древесины ореха, о которых слышала от Файоля.

Они с Гаспаром переглянулись, поняв, что нашли то, за чем сюда проникли. Маделин сразу подумала о приеме «пентименто» – закрашивании фрагментов, увидеть которые можно было бы только в инфракрасном свете. Где-то она читала, что многие картины Ван Гога скрывают под слоем пигмента другие произведения, написанные им раньше. Гаспару пришло в голову «Сотворение мира» – знаменитое полотно Курбе^[43], которое художник, не желавший шокировать обывателей, на многие десятилетия спрятал под деревянную панель с банальным зимним пейзажем.

В железном ящике под столом воспитательницы нашелся нож. Гаспар с замиранием сердца подцепил им край одной из картин и увидел под ней толстый слой целлофана – чехол, защищавший другое, настоящее полотно.

Маделин добилась того же, осторожно орудуя ножницами.

Минут за десять они «расчехлили» спрятанные картины, потом отошли на несколько шагов, присели на скошенную крышку парты и восторженно уставились на открывшееся их взору чудо.

3

Три последние картины Шона Лоренца были еще прекраснее, еще удивительнее, еще сильнее сбивали с толку, чем все, что Маделин и Гаспар могли вообразить.

И не беда, что класс освещала единственная желтая лампочка: казалось, картины сами источают свет.

На первой вился на антрацитовом фоне черный лабиринт. Это напоминало некоторые работы Сулажа. Мрачность цветового решения не мешала картине сочиться светом. Тут не обошлось без загадочной алхимии: черная поверхность отражала бледный свет помещения и превращала его в серебряные отсветы, завораживающие вспышки.

На второй картине чернота уступала место более отрадным оттенкам: свинцовой белизне с серо-розовыми отблесками, по мере приближения к центру приобретающими насыщенность и яркость. Игра света рождала не то проход, не то туннель, не то сияющий поток, пронизывавший лес белых теней.

Третья картина была самой красивой, самой необычной, самой неожиданной. Это был совершенно голый холст, казавшийся то ли жидким, то ли опущенным в ртуть. Он ставил в тупик своей почти однородной белизной и подталкивал к бесконечным вариантам интерпретации. Гаспар увидел на нем лучи большого зимнего солнца, отражающиеся от уходящих за горизонт снегов. То был само беспримесное, вечное, не загрязненное человеком естество, где небо и земля избавились от границ.

Для Маделин это была могучая белая спираль, головокружительное поле света, оно захватывало, впитывало в себя, проникало в потаенные уголки твоего существа.

Оба несколько минут не могли шелохнуться, как два кролика в свете фар, – столь велико было потрясение. Волнующий свет действовал как гипноз; казалось, сейчас он все вокруг проглотит.

Вопль полицейской сирены на улице вывел их из транса.

Испуганный, Гаспар первым делом выключил электричество, потом опасливо выглянул в окно. Мимо пронесся полицейский автомобиль. Свернув на бульвар Распай, он скрылся из виду.

– Ложная тревога, – с облегчением сообщил он Маделин.

Она не шевелилась, не сводя глаз с третьей картины, мерцавшей в темноте. Им обоим теперь открылось, зачем Лоренцу понадобились фосфоресцирующие пигменты, о которых так увлеченно рассказывал Файоль. В темноте картина обретала совершенно иной масштаб и исполнялась смысла. То, что раньше казалось однородной белизной, оказывалось тщательнейшей каллиграфией, оборачивалось сотнями светящихся букв. Маделин шагнула к картине. Гаспар сделал то же самое и понял, что буквы образуют бесконечно повторяющееся послание.

ДЖУЛИАН ЖИВ ДЖУЛИАН ЖИВ ДЖУЛИАН ЖИВ ДЖУЛИАН
ЖИВ ДЖУЛИАН ЖИВ

ДЖУЛИАН ЖИВ ДЖУЛИАН ЖИВ...

Зов света

Четверг, 22 декабря

10. В тени

У черноты нет цвета.

Жорж Клемансо^[44]

1

«Еду. Буду через 10 минут.
Диана Рафаэль».

Маделин прочла эсэмэс бывшего психиатра Лоренца, стоя между колокольнями базилики Святой Клотильды. Было 8.30 утра. По сравнению со вчерашним днем было прохладнее и суше. Так и не забрав скутер с улицы де ла Сен, она прибежала на улицу Шерш-Миди, решив, что пробежка в одиночестве благоприятно скажется на организме.

Уснула она поздно, в три часа ночи, а в шесть утра уже проснулась. Последние часы оставили Маделин почти без сил. Физически тоже пришлось нелегко: надо было незаметно отнести картины из школы домой. Но умственное и эмоциональное истощение было еще сильнее. Ей не давал покоя вопрос, ответа на который она никак не могла нащупать: откуда у Лоренца за несколько дней до смерти взялась такая уверенность, что его сын жив?

Упершись ладонями в колени, Маделин восстановила дыхание. Гаспар тоже занимал ее мысли – он совсем потерял покой после того, как они наткнулись на послание Лоренца, начертанное светящимися буквами. Полный профан в Интернете, он полночи лазил по главным американским новостным сайтам. То, что он там нашел, привело его в еще большую растерянность: во многих статьях, написанных по следам драмы художника, действительно говорилось, что на складе, где удерживали Пенелопу, так и не нашли тело малыша Джулиана.

Восстанавливая действия Беатрис Муньос, следователи пришли к выводу, что она сбросила труп ребенка в устье реки Ньютаун-Крик на юге Куинса. На берегу полицейские нашли ворсинки с кровью бедняжки. Водолазы обследовали дно, но это было одно из самых грязных мест во

всем Нью-Йорке, доступ туда был затруднен, к тому же при таком сильном течении маленькое тело наверняка давно унесло.

Тем не менее версия Пенелопы Лоренц, упорно твердившей, что сына зарезали у нее на глазах, не подвергалась сомнению. У Маделин тоже не было оснований в ней усомниться. Судя по статьям, которые она прочла, все факты наводили на мысль, что Муньос действовала одна, без сообщников. Гибель мальчика считалась несомненным фактом. Его кровь нашли в нескольких местах: в фургончике, куда его засунули при похищении, на складе в Куинсе, на берегу Ньютаун-Крик.

Маделин решила подождать психиатра на обогреваемой террасе кафе с видом на сад при базилике. Час назад она попросила Диану Рафаэль о встрече, отправив ей несколько эсэмэс с фотографиями картин Шона Лоренца. Расположившись под источающим тепло «грибом», она заказала двойной эспresso. «Эр де Франс» прислала ей сообщение с напоминанием – пора было зарегистрироваться на мадридский рейс, вылетающий из аэропорта Шарль де Голль в 11.30 и прибывавший в испанскую столицу двумя часами позже. Она зарегистрировалась, мгновенно выпила принесенный кофе и заказала еще, чтобы на этот раз не торопиться, вспоминая за кофе ночное приключение.

В отличие от Гаспара, Маделин больше всего взволновало не послание фосфоресцирующими буквами – его она сочла причудой, – а... все остальное. В особенности духовные скитания, описанные в триптихе Лоренца. Такие переживания были ей хорошо знакомы, она сама прошла через это несколько месяцев назад.

Тогда, вскрыв себе в ванне вены, Маделин бредила, прежде чем потерять сознание. Из нее, одуревшей от обжигающего пара, медленно выходила кровь. В полузабытии она слепо плыла в тумане. Теперь она была уверена, что такой же опыт пытался отобразить на своих последних полотнах Шон Лоренц.

Во-первых, *чернота*. Щелчок выключателя – и ты отсоединен от мира, ты в плену собственных мучений. В лабиринте своего отчаяния. В застенке своего никчемного прозябания.

Потом – длинный темный туннель, выводящий тебя на теплый, нежный, рассеянный свет. Восхитительное ощущение, что плывешь в перламутровом желе. Пересекаешь ватную «ничейную землю». Паришь в зефире летней ночи, проплываешь мимо тысяч ночников, изливающих жемчужный свет.

То, что происходило дальше, было и вовсе невообразимо. Маделин отделялась от собственного тела и смотрела сверху вниз на тех, кто

пытался ее спасти, склонившись над ней, оживил ее, а потом погрузил в «Скорую». По пути в больницу она провела короткое мгновение вместе с ними и с Жюль.

К ней вернулся свет. Огненная спираль, проглотившая ее и отправившая в бурный опаловый поток, где она наблюдала головокружительный панорамный фильм своей собственной жизни. Видела силуэт и лицо отца, сестры Сары, дяди Эндрю. Она была бы не прочь задержаться, поболтать с ними, но поток, уносивший ее, было не остановить.

Теплый, обволакивающий, нежный поток. С его силой ничто не могло сравниться. Она слышала нежный шепот, похожий на пение с небес и лишавший всякого желания возвращаться назад.

Но конца туннеля Маделин не достигла. Она почти дотронулась до рубежа – почти. То был рубеж, который можно пересечь только в одну сторону. Преодолеть его ей помешал чей-то оклик. То был голос интуиции, подсказывавший, что история ее жизни заслуживает иного эпилога.

Глаза она открыла в больничной палате, вся в трубках, капельницах, бинтах.

Маделин отлично знала, что в пережитом ею не было ничего необыкновенного. Десятки тысяч людей рассказывали то же самое. «Опыт неминуемой смерти» был одним из излюбленных тем поп-культуры, ее эксплуатировали то и дело в несчетных романах и кинофильмах. Естественно, после этого «заплыва» Маделин стала другим человеком – не то что она поверила в загробную жизнь, но ее обуревало желание прожить отпущенное время как можно ярче, освободиться от всего малозначительного. Наполнить жизнь новым смыслом. То есть родить и вырастить ребенка.

Эпизод с «Опытом неминуемой смерти» прочно засел у нее в памяти. Казалось, это случилось только вчера. Ничто не затушевалось, не стерлось. Наоборот, чувства обострились, образы стали контрастнее. Безмятежность «заплыва», одуряющий свет. Этот свет удалось отобразить Лоренцу – во всех нюансах, со всей силой. Непостижимый свет, необъяснимым образом не угасавший, как обманчивое солнце воспламеняющей любви.

– Вы Маделин Грин?

Оклик вернул Маделин к действительности. Перед ней стояла улыбающаяся женщина в бежевом кожаном полупальто и в солнечных очках цвета меда.

– Я Диана Рафаэль, – представилась она, протягивая руку.

В этот раз Кутансу не пришлось уламывать Пенелопу, добиваясь приема. Он явился в дом на улице Сен-Гийом чуть свет, с тяжелой картиной под мышкой. Стоило ему назвать себя в домофон, как бывшая жена Лоренца впустила его, даже не спросив о цели визита.

Гаспар, пыхтя, вышел из лифта. Филипп Карейя на сей раз его не встретил – как видно, еще не удосужился встать. Дверь была отперта. Гаспар вошел, двигая по паркету ореховую раму, завернутую в одеяло.

Пенелопа ждала его, сидя на диване в гостиной, в холодном свете утра. Синюшное естественное освещение было кстати: оно не позволяло рассмотреть безвкусный интерьер, а от вдовы Лоренц оставлял только силуэт, и то неяркий, что шло ей гораздо больше.

– Сказано – сделано! – провозгласил Гаспар, водружая на диван из ребристой кожи картину, все еще спрятанную под грубым шерстяным одеялом.

– Кофе? – предложила она, указывая ему на оттоманку.

В своих серых вареных джинсах и в старой футболке Пенелопа выглядела застрявшей в 1990-х годах. Теперь, в их вторую встречу, Гаспар не назвал бы ее облик чудовищным. Лицо – изделие пластического хирурга – было в этот раз не таким застывшим, распаханный рот уже не пугал тем, что при следующем же слове порвется.

«Человек ко всему привыкает», – подумал он, потянувшись к чашечке с кофе на столике.

– Итак, вы нашли то, что искали, – молвила она, указывая на картину в одеяле.

Ее голос остался прежним: глухим, погасшим, скрипучим, как урчание целой стаи кошек.

– Мы обнаружили картины, и на одну из них вы просто обязаны взглянуть.

Она вздохнула:

– Надеюсь, это не портрет Джулина?

– Не совсем.

– Этого я бы не вынесла.

Гаспар встал и, не соблазнившись шансом прикинуться фокусником, попросту стянул с рамы одеяло, предъявив Пенелопе последнюю картину ее бывшего мужа.

Здесь, между двумя высокими окнами, картина обрела все задуманное

ее творцом великолепия. Гаспару даже показалось, что он видит ее впервые. Перед полотном затаивался исторгнутый им колдовской свет.

– Бывает, что художники продолжают жить в своих картинах, – проговорила Пенелопа.

Гаспар медленно задернул все шторы, погрузив комнату в темноту.

– Что вы делаете? – испугалась она.

В следующее мгновение она увидела светящиеся буквы, складывавшиеся в загадочное утверждение:

ДЖУЛИАН ЖИВ.

– Довольно! Раздвиньте шторы! – приказала она.

Она рассвирепела, ее лицо побагровело и исказилось злобой, брови взлетели слишком высоко, нос стал еще тоньше, щеки по-хозячьи надулись.

– Почему Шон был убежден, что ваш сын выжил? – безжалостно спросил Гаспар.

– Вот уж не знаю! – крикнула Пенелопа, спрыгнув с дивана и отвернувшись от картины.

Прошла минута, прежде чем она немного успокоилась и опять взглянула на гостя.

– Когда вы расспрашивали меня вчера, я притворилась, что не помню, что сказал мне Шон, когда позвонил из Нью-Йорка за несколько минут до смерти.

– Почему?

– Не хотела произносить этих слов, но...

– Я вас слушаю.

– Именно это он тогда и сказал: «Наш сын жив, Пенелопа!»

– Как вы на это отреагировали?

– Обругала его и бросила трубку. Смерть ребенка – не игрушка!

– Вы не пытались узнать, что он имел в...

– Что тут узнавать? Я видела, как моему сыну наносили удары ножом. Видела, как его убивал сам дьявол во плоти, понимаете? Видела, видела, ВИДЕЛА!

Гаспар понял по ее взгляду, что она говорит правду.

Пенелопа всхлипнула, но рыдать у него на глазах не стала. Смахнув слезы, она проговорила:

– Мои отношения с Шоном были непрекращающимся кошмаром. Он не переставал винить меня в гибели Джулиана.

– Это из-за того, наверное, что вы солгали ему о том, где были в день похищения сына?

Она утвердительно кивнула.

– Если бы копы начали поиск с того сектора, то, возможно, успели бы его спасти. Шон, по крайней мере, считал именно так, и я долго жила под грузом этого обвинения. Но если рассуждать логически, то первый виновный – сам Шон.

Гаспар смекнул, что Пенелопа снова играет роль, которую в эти два года мысленно репетировала тысячи раз.

– Если бы он не подбил Муньос участвовать в грабежах, ее не охватило бы это преступное озлобление.

– Он с этим не соглашался?

– Нет! Он утверждал, что делал это РАДИ МЕНЯ. Чтобы набрать денег для перелета в Париж, ко мне. Говорю вам, этому кошмару не было конца. Он во всем винил меня.

Гаспар почувствовал странную грусть. Он встал, готовый попрощаться с Пенелопой.

– Я сразу угадала в вас честного человека, месье Кутанс.

– Каким образом?

– Вы не носите маску. – И она продолжила без видимой логики: – Люди делятся на хороших и на всех остальных. Разделительная линия хорошо видна. Вы – хороший человек. Как Шон.

Воспользовавшись тем, что она умолкла, Гаспар шарахнулся к двери. Он уже взялся за дверную ручку, но вдруг передумал и снова шагнул к Пенелопе.

– Знаю, как больно вам об этом говорить, но мне надо знать, что на самом деле произошло в день похищения Джулиана.

Она устало вздохнула.

– Об этом наперебой кричали все газеты.

– Знаю, но хотелось бы услышать об этом от вас.

3

Кабинет Дианы Рафаэль представлял собой длинную комнату, из окон которой открывались редкой красоты виды: с одной стороны базилика Святой Клотильды, с другой церковь Сен-Сюпис, купол Пантеона и Монмартрский холм.

– Здесь я как в «вороньем гнезде» на мачте пиратского судна: такой вид, что заранее замечаешь приближение бурь, ливней и атмосферных депрессий. Для психиатра это чрезвычайно практично. – Диана улыбнулась

собственной шутке, как будто только сейчас ее придумала. Как раньше у Файоля, Маделин убедилась, что ошиблась в своих ожиданиях. Она представляла себе старушку в очках и с седым узлом на затылке, Диана же Рафаэль оказалась маленькой женщиной с живым взглядом и короткой стрижкой, с манерой встряхивать прядями. Судя по кожаному полупальто Perfecto, джинсам в обтяжку и изящным туфелькам Gazelle, она по-прежнему воображала себя богемной студенткой.

Около двери она оставила чемоданчик на колесиках в чехле ртутного оттенка.

– Уезжаете в отпуск? – предположила Маделин.

– В Нью-Йорк, – услышала она в ответ. – Я провожу там половину жизни.

Диана указала на увешанную фотографиями стену. Большинство были сняты с воздуха, на них красовалось здание из стекла между лесом и океаном.

– Детский центр Лоренца, клиника для детей, которую я основала благодаря Шону. Это в Ларчмонте, на севере штата Нью-Йорк, в графстве Уэстчестер.

– Лоренц напрямую финансировал клинику?

– И напрямую, и косвенно, – уточнила Диана. – Средства отчасти появились благодаря продаже двух больших полотен, которые я приобрела за бесценок в тысяча девятьсот девяносто третьем году, а потом, когда он вошел в моду, сбыла. Потом, прослышав о моем проекте, Шон отдал мне еще три картины, позволив выставить их на аукционе. Он очень гордился, что его живопись приносит осязаемую пользу: лечит детей из неимущих семей.

Психиатр уселась за свой рабочий стол, а Маделин дала себе слово не забыть то, что сейчас услышала. Диана сменила тему:

– Значит, вы нашли три последние картины Шона? Поздравляю! И благодарю за фотографии. Великолепные картины! Лоренц во всей красе! – С этими словами она усадила Маделин перед собой в кресло Wassily^[45].

Кабинет был обставлен в стиле «Баухаус»^[46]: стулья из гнутых железных трубок, кресло Cube, низкое сиденье у камина, обитая кушетка, хромированный столик из слоистой древесины.

– Вы знаете, что изображено на этих картинах? – спросила Маделин, опускаясь в кресло. – Живопись Шона требует особой терминологии, она не...

– Знаю, он не изображает, а *предъявляет*, меня уже научили этой

формулировке. Какие еще особенные слова к ней применимы?

Диана услышала в этом вопросе насмешку. Сначала ей стало обидно, потом весело, и она сдалась:

– Своими картинами Шон отчитывался о своих двух случаях опыта неминуемой смерти.

– Выходит, вы были в курсе?

– Об этих картинах я не знала, но все равно не удивлена. Шон был моим пациентом на протяжении двадцати лет! Я уже говорила месье Кутансу, что в две тысячи пятнадцатом году Шон пережил с интервалом в несколько месяцев два очень серьезных инфаркта. После обоих он лежал в коме, и оба раза его возвращали к жизни. Вторая остановка сердца сопровождалась септическим шоком...

– Сепсис?

– Да, острая бактериальная инфекция, чуть не отправившая его на тот свет. Его даже признали клинически мертвым, но потом он чудесным образом ожил.

– И после этих двух случаев он стал писать то, что пережил?

– Думаю, да. Этот опыт чрезвычайно его воодушевил. Переход из темного небытия назад, в свет, оставил на нем неизгладимый отпечаток. Он интерпретировал случившееся как цикл «обморок – возрождение». Отсюда его потребность вернуть то ощущение посредством живописи.

– Вас это удивило?

Диана пожала плечами:

– Я проработала в лечебнице пятнадцать лет. Пациенты, возвращенные к жизни, дружно утверждают, что после комы двигались по световому туннелю, это уже банальность. Явление «Опыта неминуемой смерти» известно с древних времен.

– Эти операции подействовали на состояние здоровья Шона?

– Безусловно: возникли проблемы с памятью, сильная утомляемость, нарушение координации движений и...

Диана запнулась, не договорив. В ее глазах искрились хитрость и ум.

– Вы не все мне сказали, верно?

Маделин глазом не повела – ждала продолжения.

– Раз вы так настаивали на встрече со мной, то, наверное, нашли что-то еще... Другую картину?

Маделин достала телефон и показала Диане фотографию последней картины, сделанную в темноте, с горящими буквами, настойчивым повтором: ДЖУЛИАН ЖИВ.

– Вот оно что...

– Как я погляжу, вас и это не удивляет.

Диана уперлась в стол локтями и сцепила пальцы, как будто собралась помолиться.

– Знаете, почему Шона так потрясли эти два путешествия к рубежу небытия? Во-первых, потому, что в пресловутом туннеле света он увидел всех важных в его жизни людей, которые уже умерли: мать, гарлемских дружков, убивших себя в девяностые передозировкой или погибших в бандитских войнах. Он даже увидел там Беатрис Муньос.

– Опять классика «Опыта неминуемой смерти», – бросила Маделин. – Вы видите свою жизнь и всех умерших, сыгравших в ней важную роль.

– Глядите-ка, вы рассуждаете со знанием дела!

– Вернемся к Лоренцу, если не возражаете. Я не ваш пациент.

Диана не стала настаивать.

– Но кое-кого Шон в туннеле не увидел... – тихо проговорила она.

Теперь Маделин все поняла, и у нее кровь застыла в жилах.

– Своего сына!

Диана кивнула.

– Дальнейшее понятно. Шон стал развивать бредовую теорию: дескать, раз он не встретил Джулиана *там*, значит, тот остался в живых.

– Вы в это не верите?

– Я верю в рациональные объяснения явления. Кислородное голодание мозга, приводящее к нарушениям в участках коры, ответственных за зрение, действие медикаментов, изменяющее сознание. В случае Шона последнее было налицо: борясь с сепсисом, ему ввели большие дозы допамина, вещества, вызывающего галлюцинации.

– Вы не пытались его вразумить?

Диана обреченно махнула рукой:

– Самый безнадежный глухой – тот, кто не желает слышать. У Шона была *потребность* верить, что его сын жив. Вы бессильны против того, кто не расположен вас слушать.

– К каким же последствиям это привело?

– По-моему, он собирался возобновить расследование похищения Джулиана, но помешала смерть.

– Вы категорически исключаете, что мальчик мог выжить?

– Увы, Джулиана нет в живых. Я не испытываю никакой симпатии к Пенелопе, но у нее нет причин говорить неправду. Все остальное – бредни моего друга, сломленного горем и оупевшего от медикаментов.

Объявляется посадка на рейс «Эр-Франс» 118, вылетающий в Мадрид, выход 14. Первыми проходят семьи с малолетними детьми и пассажиры с билетами в ряды с 20-го по 34-й.

Маделин проверила номер своего места на только что напечатанном билете. До Рождества оставалось два дня, было не меньше десятка задержанных рейсов, терминал Е аэропорта Шарль де Голль кишел людьми.

– Спасибо, что проводили, Гаспар. Знаю, вы не выносите аэропорты...

Он пропустил издевку мимо ушей.

– Прямо так и улетите?

Маделин уставилась на него в недоумении: куда он клонит?

– А как еще мне поступить?

– Решили, что дело сделано, раз картины найдены?

– Совершенно верно.

– Как же продолжение расследования?

– Какого расследования?

– Гибели Джулиана.

Она покачала головой:

– Мы с вами не полицейские, Кутанс. Дело давно закрыто.

Она направилась было в сектор посадки, но он преградил ей путь.

– Не говорите со мной как с умственно отсталым.

– Да бросьте вы!

– Сколько еще всего непознанного!

– Вы это о чем?

– Есть одна мелкая подробность, – сказал Гаспар насмешливо. – Тело ребенка так и не нашли.

– Ясное дело, его унесло в Ист-Ривер. Скажите честно, у вас есть малейшие сомнения, что он мертв?

Он не отвечал, и Маделин поднажала:

– Думаете, Пенелопа Лоренц вам соврала?

– Не думаю, – отозвался он.

– Ну и хватит в этом ковыряться, пожалейте свою голову. Мальчика уже два года нет в живых. Страшная драма, но нас она не касается. Возвращайтесь к вашим пьесам, это будет лучше всего.

Гаспар молча довел ее до зоны досмотра. Маделин сняла и положила на поддон ремень, куртку, опустила туда телефон.

– Всего хорошего, Гаспар. В вашем распоряжении весь дом. Больше никто не будет вас отвлекать, можете спокойно творить!

Ему в голову пришло греческое слово «кайрос», означающее «счастливый момент». Уметь ловить этот момент – великое искусство. Мало кто умеет не упускать удачу, шанс кардинально развернуть жизнь в ту или иную сторону. Ему эти жизненные виражи никогда не давались. Сейчас он попросту искал слова, способные убедить Маделин не улетать. Не найдя правильных слов, он опустил руки. По какому, собственно, праву? Да и зачем? У нее своя жизнь, своя заветная цель, к которой она долго шла. Он устыдился, что хотел ее удержать, и пожелал ей удачи.

– Выше голову, Маделин. Будете держать меня в курсе событий?

– Каким образом, Гаспар? У вас же нет телефона.

Он хотел ответить, что люди веками поддерживали связь без всяких телефонов, но сдержался.

– Оставьте мне ваш номер, я сам вам позвоню.

Он понимал, что ей это не очень важно, но она не возразила, и он, как мальчишка, подставил ей свое забинтованное запястье, чтобы она написала на бинте номер телефона.

После проверки она прощально помахала ему рукой и ушла, не обернувшись. Он долго провожал ее взглядом. Странно было вот так с ней расставаться. Странно признавать, что все кончено, что больше он ее не увидит. Они провели вместе всего два дня, но у него было ощущение, что они знакомы гораздо дольше.

Она исчезла из виду, а он еще долго стоял неподвижно, как оглушенный. Как теперь поступить? Воспользоваться удобным случаем и купить билет до Афин? Несколько секунд он забавлялся с идеей удрать из парижского ада, от этой ненавистой, вызывавшей у него омерзение цивилизации, не обращавшей на него никакого внимания. Если вылететь сегодня, то уже вечером он окажется на своем греческом острове и проведет одинокую жизнь вдали от всего, что его ранит: от женщин, мужчин, технологий, загрязнения всего и вся, чувств и надежд. Но после долгих колебаний он отверг этот вариант. Что-то – он не знал, что именно, – удерживало его в Париже.

Он покинул терминал и встал в очередь на такси. Ждать пришлось меньше, чем он думал. Он попросил отвезти его в 6-й округ и вдруг произнес неожиданную для самого себя фразу:

– Можете высадить меня перед отделением «Оранж»? Мне надо купить мобильный телефон.

Всю дорогу он провел в противоречивых раздумьях и с тяжелым

сердцем восстанавливал в памяти страшную историю, услышанную от Пенелопы Лоренц.

Эта история была усеяна трупами, пропитана слезами и кровью.

Пенелопа

1

– Джулиан! Скорее, очень тебя прошу!

Манхэттен. Верхний Вест-Сайд. 12 декабря 2014 года. Десять утра.

Меня зовут Пенелопа, девичья фамилия Курковски, по мужу Лоренц. Если вы женщина, то, без сомнения, видели меня несколько лет назад на обложках «Вог», «Эль» и «Харперс Базар». Видели – и ненавидели. Я же была выше, стройнее, моложе вас. Я была классной, у меня было больше денег, я выглядела лучше, чем вы. Если вы мужчина, то, встретив меня на улице, вы бы на меня оглянулись. Независимо от вашей образованности и от уважения, которое вы теоретически испытываете к женщинам, тайный мерзавец, который в вас наверняка сидит, подумал бы при виде меня: «Уж больно хороша!» или «Чертовка, вот бы такую трахнуть!».

– Идем, Джулиан!

Такси высадило нас на углу Сентрал Парк-Вест и 71-й стрит. Отсюда меньше двухсот метров до отеля, где меня ждет Филипп, но мой обычно непоседливый сын почему-то замер на месте.

Я оглядываюсь. Джулиан, закутанный в куртку, сидит на ступеньке красавца дома «браунстоун» из красного песчаника и с мечтательным видом следит, как тает в холодном воздухе выдыхаемый им пар. На лице у него блаженная улыбка, все молочные зубки наружу, на коленях старая плюшевая собачонка, которая того и гляди распадется на части от ветхости.

– Хватит, я тебя жду!

Я возвращаюсь к нему и тяну его за руку, заставляя встать. Как только я к нему прикасаюсь, он ударяется в рев. Вечно один и тот же цирк, одни и те же капризы.

– Прекрати!

Я с ума от него сойду! Все остальные от него в восторге, никто не подозревает, каково приходится его матери. То он ленив и мечтателен, то агрессивен и плаксив. Эгоист, каких мало! Не знает, что такое благодарность, что бы для него ни сделали.

Я уже готова пригрозить, что сейчас отниму у него дрянную плюшевую собачонку, как вдруг белый фургончик наезжает колесами на бордюр и тормозит в метре за моей спиной. Водитель выпрыгивает наружу, а дальше все происходит так стремительно, что у меня не хватает ни времени, ни самообладания оказать сопротивление. Меня накрывает тень, я получаю удар кулаком в лицо, в живот и в бок, меня швыряют в фургон. Я задыхаюсь, корчусь, поджав колени к животу, от боли не могу даже кричать. Едва приподнимаю голову – и на меня падает сын, его тоже зашвырнули в фургон. Затылком он разбивает мне переносицу, кровь заливает мне лицо. Резь в глазах, веки падают.

2

Я прихожу в сознание в полутемном чулане, за ржавыми решетками. Здесь впору держать зверей: тесно, грязно, мерзко. Джулиан навалился на меня, хнычет и размазывает кровь. Я прижимаю его к себе и понимаю, что кровь у него на лице – моя. Я пытаюсь его согреть, уверяю, что все обойдется, что папа придет и спасет нас. И без конца осыпаю его поцелуями. Как мне стыдно, что я часто выливаю на него литры желчи! Не иначе, происходящее сейчас с нами – следствие моего распутства.

Я щурюсь и пытаюсь что-то разглядеть в темноте. Две лампы под потолком, свисающие с железных балок, дают скудный свет, но его хватает, чтобы догадаться, что нас заперли в сарае, где хранится инвентарь то ли зверинца, то ли цирка. Я различаю другие клетки, рулоны заградительной сетки, груды железных стульев, муляжи камней, какие-то гнилые доски, пластмассовые кустики.

– Мама, я хочу пи-пи, – плачет Джулиан.

– Ничего, милый, потерпи.

Я стою рядом с ним на коленях, на ледяном и колючем бетонном полу. Пахнет плесенью, тухлым и прогорклым запахом страха. Я подбираю с пола плюшевую собачку и пытаюсь развлечь сына.

– Смотри, песик хочет целоваться!

Несколько минут я с ним играю, пытаюсь создать кокон нежности, который оградит его от этого безумия. На часах нет еще и половины двенадцатого. Нас везли недолго, значит, мы недалеко от Манхэттена: в Нью-Джерси, в Бронксе, в Куинсе... Я уверена, что похититель выбрал нас не случайно, нападение в центре города – рискованная вещь. Понятно, что ему были нужны именно мы. Мы, Лоренцы. Но зачем? Ради выкупа?

Я цепляюсь за эту мысль, она вселяет бодрость. Шон не поскупится, чтобы нас выволить. Не меня, так сына – уж это точно. Сколько бы ни потребовали, он заплатит. У него собственный печатный станок, называется мольберт: три мазка кистью по холсту – и целое стадо баранов послушно вываливает миллионы. Спекулянты, биржевые трейдеры, мультимиллионеры, основатели хэдж-фондов, русские олигархи, китайские нувориши – всем подавай Лоренца для коллекции. Лоренц! Лоренц! Картина Лоренца предпочтительнее золота, тысячи дорожек кокаина, частного реактивного самолета, виллы на Багамах.

– Ах ты, шлюха!

От неожиданности я вскрикиваю, Джулиан плачет от испуга.

К клетке незаметно приблизилась женщина – жирная, сгорбленная, хромая. Я догадываюсь, что она состарилась раньше времени: длинные прямые волосы, только начинающие седеть, слишком горбатый нос, налитые злобой глаза. Страшное морщинистое лицо в татуировках: зигзаги, кресты, треугольники, круги, молнии, как у американских индейцев.

– Вы кто?

– Заткнись, шлюха! Не смей разевать пасть!

– Зачем вы нас...

– ЗАТКНИСЬ! – вопит она и хватает меня за горло.

С бычьей силой она швыряет меня вперед и несколько раз бьет головой о решетку. Мой сын надрывается от крика. У меня из носа опять течет кровь. Я безропотно сношу удары, понимая, что передо мной существо невероятной физической силы.

Наконец она разжимает хватку. Я валюсь на пол с окровавленным лицом. Джулиан кидается мне на шею, индианка тем временем роется в старом ржавом ящике с инструментами.

– Сюда! – орет она мне.

Я утираю кровь, заливающую мне глаза, и жестом приказываю Джулиану отползти в глубь клетки.

Только не перечить ей!

Индианка продолжает копаться в ящике, вынимая то разводной ключ, то рубанок, то струбцину, то клещи.

– Держи! – кричит она, протягивая мне кусачки.

Я не шевелюсь. Она с угрожающим ворчанием достает из ножен у себя на поясе зазубренный охотничий нож длиной сантиметров тридцать.

Схватив меня за руку, она точным ударом перерубает браслет моих часов, сует их мне под нос, тычет в секундную стрелку.

– Вынь вату из ушей, шлюха! У тебя есть ровно минута, чтобы

принести мне палец сына. Если заартачишься, я сама войду в клетку и зарежу сначала его, потом тебя.

Я вне себя от ужаса. Мой мозг отказывается понимать услышанное.

– Вы же не...

– Шевелись! – гаркает она, швыряя мне в лицо кусачки.

Я близка к обмороку.

– У ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ СОРОК СЕКУНД. НЕ ВЕРИШЬ? СМОТРИ!

Она заходит в клетку, хватает Джулиана, икающего от страха, тащит его за собой, ее нож приставлен к горлу моего сына.

– ДВАДЦАТЬ СЕКУНД.

У меня чувство, что нож всадили мне в живот.

– Я никогда такого не сделаю, – вырывается у меня.

– ПРИДЕТСЯ!

Я понимаю, что она грозит не зря, что у меня нет выхода.

Тогда я подбираю кусачки и приближаюсь к ней, к Джулиану, он в ужасе визжит:

– Нет, мама! Мамочка, не надо! НЕ НАДО!

Подступая к сыну со страшным оружием в руке, я понимаю две вещи.

Ад – это здесь.

Аду нет конца.

3

Ад оказался хуже самого жуткого кошмара.

Заставив меня совершить ужасное, невыносимое, чудовище уволокло моего сына. Перед этим, чтобы унять мою сумасшедшую ярость, индианка врезала мне так, что я рухнула, как сноп. Посыпались удары: в живот, в горло, в грудь. Когда я очухалась, она посадила меня на железный стул и накрепко примотала к нему колючей проволокой.

Прошли часы. Не знаю, сколько времени я так провела. Я напрягаю слух, но не слышу голоса Джулиана. Каждый вздох причиняет мне режущую боль.

Железные колючки рвут мне кожу.

Я теряю сознание, потом прихожу в себя, представление о времени полностью утрачено. Я истекаю кровью, измазана своим дерьмом, промокла от своей мочи, от своих слез, от нестерпимого страха.

– Любуйся, шлюха!

Забвение снимает как рукой, и я вздрагиваю всем телом.

Передо мной индианка, одной рукой она тащит Джулиана, в другой сжимает свой охотничий нож. Я не успеваю даже вскрикнуть. Воздетое лезвие злобно сверкает и вонзается в моего сына. Раз, два, десять раз. Брызжет кровь. Я икаю от ужаса, издаю вопль. Железные крючья терзают мою плоть. Я захлебываюсь, задыхаюсь, я хочу умереть.

– ПРОКЛЯТАЯ ШЛЮХА!

11. Cursum Perficio

Мое «я» не хозяин в своем собственном доме.

Зигмунд Фрейд

1

Вернувшись в дом на улице Шерш-Миди, Гаспар столкнулся нос к носу с Шоном Лоренцом.

Большой черно-белый портрет художника – работа английского фотографа Джейн Браун – придавал обстановке суровость, погружал гостиную в каменную тишину. Было такое впечатление, что художник не сводит с вас укоризненного взгляда.

Сначала Гаспар решил его игнорировать и спрятался в кухне, где включил кофеварку, купленную после выхода из салона связи. Чтобы подхлестнуть себя, он приготовил итальянский ристретто и буквально опрокинул его одним глотком. Потом наступил черед лунго, продлившего удовольствие.

Он вернулся в гостиную с чашкой в руке и снова почувствовал на себе взгляд художника. В первый раз Шон как будто говорил ему «проваливай», но теперь его пронзительные глаза смотрели иначе, словно взывая о помощи.

Немного постояв, Гаспар раздраженно проговорил:

– Как тебе помочь? Твой сын мертв, сам знаешь.

Он понимал, что говорить с фотографией – глупость, но потребность оправдаться пересиливала логику. Оправдаться – а еще собраться с мыслями и подвести промежуточные итоги.

– Согласен, тело не нашли, – продолжил он, – но из этого не следует, что он выжил. Согласись, твоя история с «опытом неминуемой смерти» не вызывает доверия.

Шон продолжал молча сверлить его взглядом. Гаспар изобрел за безмолвного собеседника реплику: «Думаешь, если бы ты лишился сына, ты бы не...»

– У меня нет сына, – возразил он портрету.

«Помоги мне!»

– Не надоедай.

Ему вспомнились слова Лоренца в интервью Жаку Шанселю. Под конец журналист спросил его о высшей цели любого художника. «Бессмертие», – не задумываясь, ответил Шон. Это можно было бы счесть преувеличением гордеца с манией величия, если бы Лоренц не развил свою мысль: «Бессмертие позволяет бесконечно заботиться о дорогих вам людях».

Спор с портретом вызвал у Гаспара головокружение, потом галлюцинацию: на лице на портрете проступили черты его отца, и отцовский голос взмолился о помощи. Драматург заморгал, прогоняя наваждение, и оно послушно исчезло.

Избавившись от двух укоряющих мертвецов, он уполз к себе в берлогу на втором этаже, разделся, размотал бинты и встал под душ. Он редко принимал душ в разгар дня, но события минувшей ночи и связанное с ними лихорадочное волнение лишили его сна. Он вернулся домой смертельно уставшим, поэтому ему понадобилось взбодриться под холодными струями. Потом, тщательно вытираясь, он посмотрел на себя в усеянное черными точками зеркало и пришел в уныние: многовато щетины, волос, шерсти и жира.

В одном из шкафчиков в ванной Гаспар нашел кисточку, опасную бритву и пену для бритья. Неуклюже действуя забинтованными руками, он первым делом отстриг себе ножницами бороду, потом тщательно побрился, потом избавился от лишних клочьев волос. После этих процедур ему стало легче дышать. Желания наряжаться в рубашку лесоруба и в бархатные штаны лесника больше не было.

В майке и трусах он наведалься в гардеробную при главной спальне дома. Шон Лоренц оказался приверженцем капсульного гардероба – неизменного набора одежды, – чем походил на Стива Джобса и на Марка Цукерберга. В гардеробе Лоренца осталась дюжина пиджаков Smalto в цветовой гамме от черных до светло-серых и белые хлопчатобумажные рубашки с английскими воротничками и перламутровыми пуговицами. Телосложением Гаспар мало чем отличался от художника, разве что был подороднее. Она надел рубашку и костюм и сразу почувствовал себя так, словно во всем этом родился и словно уже сбросил несколько лишних

килограммов.

В одном из ящиков, рядом со смотанными кожаными ремнями, лежали флаконы с туалетной водой – пять немного пожелтевших упаковок Pour un Homme фирмы Сагон, некоторые еще в целлофане. Он вспомнил рассказ Полин, хорошо иллюстрировавший фанатичность Лоренца. Эти духи были первым подарком Пенелопы будущему мужу на заре их отношений. С тех пор Шон не прекращал ими пользоваться, но, убежденный, что производитель не может не менять со временем состав продукта, искал на интернет-аукционе и систематически приобретал флаконы, изготовленные в 1992 году.

Гаспар откупорил одну упаковку, принялся и побрызгался. Ему понравился аромат без возраста – смесь лаванды и ванили. Выходя из гардеробной, он посмотрел на свое отражение в высоком зеркале и остался доволен: совсем другой человек! Второй Лоренц, только покруглее и поспокойнее. Для усугубления эффекта он спрятал в ящик с туалетной водой свои очки. Разумеется, ему пришел на ум его любимый фильм «Головокружение» и Джеймс Стюарт в роли Скотти. Герой пытался переделать свою невесту, чтобы она стала похожей на его утраченную любовь. Пытаться занять место умершего бывает очень опасно, предупреждал Хичкок развязкой своего фильма. Но в тот момент Гаспару было не до этой драмы. Одернув полы пиджака и пожав плечами, он вышел из комнаты.

2

С первого дня Гаспара удивляло одно обстоятельство: почему Бернар Бенедик, наследник и душеприказчик Шона, решил сдавать дом, оставив на месте столько личных вещей художника? В бывшей спальне Лоренца и Пенелопы он опять об этом задумался. Впечатление было двойственное. Приятно попасть в семейное гнездышко, далеко не так приятно оказаться не по своей воле непрошеным гостем, обуреваемым нездоровым любопытством. Гаспар решил отбросить угрызения совести и воспользоваться – с благими целями, оправдывался он, – своим статусом нарушителя семейного уединения. Он от души порылся в комнате, открывая все шкафы, ящики, простукивая стены, даже проверяя паркетины, пускай неуклюже из-за пораненных рук. Улов был довольно скудный: всего-то ящик на колесиках под палисандровым бюро, битком набитый бумагами и конвертами.

Тщательно во всем этом покопавшись, он нашел распечатки статей с сайтов крупных газет, в большей или меньшей степени относившихся ко времени гибели Джулиана. Это были те же материалы «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк Дейли Ньюс», «Нью-Йорк Пост» и «Виллидж Войс», которые Гаспар читал накануне на компьютере Маделин. Ничего нового, кроме подтверждения того, что перед смертью Лоренц опять занялся выяснением обстоятельств гибели сына. Удивительно было то, что в ящике лежали также письма, продолжавшие приходить художнику после его смерти: традиционные счета за электричество и мобильную связь, горы рекламы и послания налоговой службы, преследующие человека *ad vitam aeternam*^[47] ...

Рядом с родительской комнатой находилась комната Джулиана. На ее пороге Гаспар немного постоял, собираясь с духом.

ПОМОГИ МНЕ.

Попытавшись подавить лишние эмоции, он вошел в детскую – веселую квадратную комнату на первом этаже, светлую, с узорчатым паркетом и обстановкой в пастельных тонах. Теперь она напоминала безмолвием храм, в окна лились солнечные лучи, озаряя детскую кроватку под бежевым покрывалом, высвечивая пыль над блестящей поверхностью книжного шкафа, набитого книжками с картинками и малюсенькими автомобильчиками. Все вместе просилось на картину Норманна Рокуэлла^[48].

Гаспар ничего не надеялся здесь найти. Он долго стоял неподвижно, как паломник, достигший цели своего путешествия. Ничто в этой детской не навело тоску. Наоборот, казалось, она ждала возвращения своего обитателя. Скоро он вернется домой из школы, откроет шкафы, вытащит конструктор «лего», волшебную доску, фигурки динозавров... Гаспар представлял себе все это – и вдруг увидел на подушке забрызганную кровью плюшевую собачку.

Он окаменел. Неужели это та самая игрушка, вместе с которой был похищен Джулиан? Если да, то каким образом эта улика попала сюда?

Он взял собачку забинтованными руками. Мордочка у нее была веселая и добродушная, ее даже не портила полоска засохшей крови. Гаспар поднес игрушку к глазам и убедился, что никакая это не кровь, а скорее всего шоколад. Родители мальчика прибегли к классической хитрости: завели сыну сменную игрушку. От собачки совершенно не пахло страхом, только сладким теплым детством. Этот запах Лоренц, наверное, и хранил, как драгоценную реликвию, вместе с ароматом пирожных только

что из духовки, с памятью о детской книжке, со ржаным колоском, с коричневым каштаном, листком платана, принесенным теплым ветром... Эти мысли, пронесшиеся в голове Гаспара, оставили его с твердой уверенностью: перед ним открывалась дорога, и он пройдет по ней до конца, невзирая на последствия.

«Девять месяцев зимы, три месяца ада». Старая кастильская поговорка почти никогда не подтверждалась: дождь в Мадриде шел не больше десяти дней в году. Но Маделин не повезло: 22 декабря 2016 года оказалось как раз таким дождливым днем, и она, оказавшись в испанской столице, с сожалением вспомнила парижскую погоду.

После тяжелого перелета – самолет уже был готов взлететь, но потерял свое «окно вылета» из-за больного пассажира, которого пришлось выгружать в связи с приступом, – Маделин приземлилась в аэропорту Барахас с двухчасовым опозданием и погрузилась в веселье, непременно сопровождающее такого рода путешествия. Это были те самые осложнения, что выводили из себя Гаспара: переполненный аэропорт, измученные пассажиры, унижительное чувство, что тебя низводят до статуса скотины. Опоздавшему самолету не полагалось «рукава», и пассажиры набились в автобус. Потом Маделин досталось такси-развалюха, провонявший табаком и потом, душный драндулет, в котором она протомилась битый час из-за пробок, вызванных недель пред Рождественского шопинга, под надоедливые звуки испанской эстрады, лившиеся из радиоприемника, настроенного на местный поп-канал. К пятидесяти здешним исполнителям хитов относились Mecano, Los Elegantes, Alaska, Dinarama...

«Кутанс меня заразил!» – мысленно ахнула она, оказавшись на улице Фуэнкарраль, в эпицентре Чуэки, оплота мадридского гей-сообщества. Опасность была нешуточной: лишь бы не пасть жертвой пессимистического взгляда на мир. Если смотреть на жизнь через черную призму Гаспара Кутанса, то результатом может стать пуля в висок.

Нет, только оптимизм, и побольше! Таксиста она успела возненавидеть, тем не менее не поскупилась на чаевые. В отеле никто не помог ей поднести багаж, но она сказала себе, что это лишнее. Номер, заказанный в спешке, навевал тоску видом из окна на стройку и на ржавый башенный кран, но она и в этом отыскала своеобразное очарование. Кроме

того, после операции ей нужен будет отдых, и она попыбует найти себе местечко поживописнее.

Не унывать. Не падать духом. Забыть про хаос, каким была ее прежняя жизнь, про Шона Лоренца, про несчастье с его сыном, про свои старания опередить Кутанса. Сосредоточиться на созидании будущего, которое она себе выбрала.

4

В четыре дня Гаспар пообедал в кухне, стоя, баночкой сардин и бескорковым хлебом. Хорошо, что хоть не всухомятку – съеденное он смысл, даваясь, лимонной перье.

Позже он по уже установившейся привычке поставил на проигрыватель старую джазовую пластинку из коллекции Шона Лоренца и, переместив в гостиную ящик на колесиках с корреспонденцией художника, приступил к разбору этого необычного архива.

Просидев по-турецки на полу целый час, Гаспар вытянул из ящика так и оставшийся в целлофане номер журнала «Искусство в Америке» и разорвал обертку. Судя по визитной карточке, этот номер за январь 2015 года прислал Шону сам главный редактор, снабдив его словами благодарности и соболезнования.

Дюжина страниц журнала была посвящена вечернему приему в честь открытия выставки «Шон Лоренц. Жизнь в живописи», прошедшего в Музее современного искусства 13 декабря 2014 года, за несколько дней до похищения Джулиана. Листая журнал, Гаспар понял, что вернисаж был скорее светским раутом, чем событием в мире искусства, спонсируемой люксовой маркой тусовкой, привлекей толпу носителей громких имен. На фотографиях он узнал бывшего мэра Нью-Йорка Майкла Блумберга и действующего губернатора штата Эндрю Куомо. В кадр попали также торговцы живописью Чарльз Саатчи и Ларри Гагосьян. Рискованно декольтированная Пенелопа Лоренц, еще в самом цвету, увлеченно беседовала с Сарой Джессикой Паркер^[49] и с Джулианом Шнабелем^[50]. Судя по подписям под фотографиями, там же толклись многочисленные модели и молодые светские тусовщики, чьи имена не говорили Гаспару ровным счетом ничего.

У Шона Лоренца на всех фотографиях репортажа был отсутствующий, а то и смущенный вид. Гаспар догадывался, что этот парад тщеславия и пышности был ему не по душе. Аскетизм и чистота его последних картин

шли вразрез с приемами такого рода, где целью участников было показать себя. На его лице была маска тоски, как будто он предчувствовал, что за этим зенитом его карьеры очень скоро последует крах. Как будто различал за Капитолием тень Тарпейской скалы^[51]. Как будто сладкий декаданс, которым тянуло от этого вернисажа, уже был отмечен скорой гибелью Джулиана.

Честно говоря, один раз фотограф все-таки поймал улыбку Шона. На этой фотографии фигурировал также некто в форме нью-йоркской полиции: темно-синий мундир, фуражка с острым козырьком. Адриано Сотомайор, друг детства Шона Лоренца, с которым тот не виделся целых 22 года. Приглядевшись, Гаспар узнал в бравом служаке паренька-латино с юношеских фотографий из монографии. Он снова вооружился тяжелым фолиантом. Сомнений быть не могло: Сотомайор был когда-то третьим участником граффити-группы «Пиротехники», подписывавшимся Nightshift. За годы он пополнил лицом, былая дерзость взгляда сменилась добродушием, но рубленые черты по-прежнему сообщали ему сходство с актером Бенисио дель Торо.

Гаспар в задумчивости закрыл журнал. Он встал сварить себе еще кофе и вдруг почувствовал острую потребность в алкоголе, от которой был избавлен вот уже сутки. Опыт подсказывал, что надо поторопиться, только так можно было обмануть притаившихся демонов. Он поспешно вылил в раковину все три оставшиеся бутылки отличного вина и все сохранившееся в доме виски. Уже подступили судороги, но он геройски терпел. На лбу выступила испарина, однако опасный момент миновал, он сумел потушить пожар, не позволив ему разгореться. В качестве награды Гаспар вытянул из пакетика со светлым табаком, забытого Маделин на кухонном столе, уже свернутую сигаретку. Клин клином, пресловутый «коэффициент враждебности вещей» Сартра^[52], настолько исполненный соблазна, что требуются «годы терпения для достижения самого ничтожного эффекта». Каждый одерживает победы себе под стать.

Зажав в зубах сигарету, Гаспар перевернул пластинку. На обороте был записан неподражаемый старый Джо Муни^[53]. Теперь можно было продолжить работу: прочесть кое-какие статейки в новом смартфоне, а потом заняться остальной нескрытой почтой.

Среди счетов его внимание привлекли данные о телефонных звонках. Лоренц звонил мало, поэтому эти счета оказались золотой жилой: они позволяли понять, чем занимался художник в последние дни перед смертью. Некоторые номера были французскими, некоторые

американскими. Гаспар принялся обзванивать его абонентов в хронологическом порядке. Отделение кардиологии больницы Биша, кабинет доктора Фитуси, кардиолог 7-го округа, аптека на бульваре Распай... Среди заокеанских номеров внимание Гаспара привлек один: по нему Лоренц звонил два раза, оба безуспешно. На следующий день он набрал его опять, на сей раз не зря. Позвонив по этому номеру, он услышал автоответчик некоего Клиффа Истмена – хриплый, но веселый голос, свидетельствовавший о пристрастии к курению или к виски (скорее, к тому и другому: порокам свойственна парность).

На всякий случай он оставил сообщение с просьбой перезвонить, а потом продолжил разбирать архив Шона и изучать его библиотеку: открывал книгу за книгой, вырезал из монографии некоторые статьи и фотографии, чтобы вклеить их в большой пружинный блокнот – тот самый, в котором собирался писать новую пьесу. Между альбомом Себастьяна Салгаду^[54] и комиксом «Маус»^[55] обнаружилась старая карта Нью-Йорка, по которой удобно было прикидывать расстояния. Гаспар ставил на ней разноцветные крестики в точках, связанных с расследованием: вот здесь Джулиана похитили, здесь его и мать держали в клетке, с этого моста Беатрис Муньос предположительно сбросила ребенка в реку, на этой станции она покончила с собой...

Гаспар так увлекся, что перестал следить за временем. Когда он опомнился, уже стемнело. Голос Джо Муни давно смолк. Гаспар посмотрел на часы и вспомнил, что у него назначена встреча.

12. Черная дыра

Свобода возможна только в одиночестве.

Артур Шопенгауэр^[56]

Агентство Карен Либерман находилось на улице Кутейри, в 1-м округе, недалеко от ратуши и Центра Помпиду.

Гаспар побывал здесь только однажды, двенадцать лет назад, когда только начал сотрудничать с Карен. Потом на встречи стала ездить она сама. Гаспар пожалел, что в этот раз нарушил правило: дорога от улицы

Шерш-Миди через депрессивно-серый Париж привела его в агрессивно-мрачное настроение. Нервы напряглись, как канаты, ему казалось, что он ступает по вражеской территории.

Все здесь осталось в прежнем, памятном ему состоянии: обветшалый вход, увешанный табличками юристов, врачей и так далее, безликий дворик, в нем еще один дом, далеко не такой зажиточный, как тот, что выходил на улицу, в нем тесный, как саркофаг, лифт, сводивший с ума своей неторопливостью. Главное, это чудо техники, судя по виду, могло в любой момент испустить дух. Поколебавшись, Гаспар решил подняться на шестой этаж пешком.

Там он, задыхаясь, позвонил, дождался щелчка звонка, оказался в мансарде и удовлетворенно убедился, что других посетителей нет: все стулья для ожидающих своей очереди клиентов пустовали. Среди клиентов Карен было десятка два прозаиков, драматургов и сценаристов, и Гаспар опасался встречи с псевдоколлегами, чреватой потери пяти минут на ритуал вежливости и бессмысленную болтовню. «У одиночества два достоинства: во-первых, человек наслаждается собственным обществом, во-вторых, избавлен от чужого...» Что-то вроде этого изрек однажды Шопенгауэр, думал Гаспар, направляясь в кабинет ассистента Карен.

Этот молодой субъект мнил себя стильным: хипстерская борода, татуировки лжебунтаря, стрижка undercut, ботинки Chukka и сумасшедшая джинсовая рубашечка, притом что он был всего-навсего клоном всех тех, кто пытался воспроизвести Уильямсбург и Кройцберг^[57] на парижском канале Сен-Мартен. Имелось и отягощающее обстоятельство: прежде чем спросить Гаспара, как его представить, клон бросил на него полный недоверия взгляд. Знал бы он, что этот подозрительный посетитель обеспечивает агентству три четверти его доходов!

– Это я плачу тебе зарплату, бездарь! – вспыхнул он, властно берясь за ручку двери Карен на глазах у оцепеневшего ассистента.

– Гаспар?! – радостно воскликнула Карен.

Голоса в приемной заставили ее обойти стол и подойти к двери. Карен Либерман, гибкая коротковолосая блондинка, готовившаяся отметить весной свое 45-летие, не меняла стиля со времен учебы в Жансон-де-Сайи: джинсы 501, белая блузка, пуловер с V-образным воротом, мокасины цвета бордосского вина. Карен была не только литературным агентом Гаспара, но и его адвокатом, бухгалтером, помощницей, пресс-секретарем, консультантом по налогам и риелтором. За 20 % его доходов она обеспечивала ему связь с внешним миром, служила ему щитом, позволявшим жить по-своему и поплевывать на род людской. Что он с

наслаждением и делал.

– Как поживает самый дикий из моих авторов?

Он сухо поставил ее на место:

– Я не *твой* автор. Ты – *моя сотрудница*, это совершенно разные вещи.

– Гаспар Кутанс во всей своей красе! – констатировала Карен. – Исполненный подозрений грубиян и ворчун! – Она указала ему на кресло. – Почему не в ресторане? Мы же договаривались...

– Мне нужно, чтобы ты распечатала для меня важные документы, – сказал он, доставая из кармана смартфон. – Я нашел в Интернете статьи...

– Сбрось их Флорану, он...

– Говорю тебе, это важно! Я хочу, чтобы этим занялась ты сама, а не твой жиголо.

– Как скажешь. Между прочим, мне звонил Бернар Бенедик. Он заверил меня, что с домом все решено. Женщина, похоже, съехала. Дом полностью в твоём распоряжении.

Гаспар покачал головой:

– Как будто я не знаю! Все равно я не собираюсь в нем задерживаться.

– Конечно, мы же бежим от простых решений! – Карен вздохнула. – Виски?

– Нет, благодарю. Я решил притормозить с выпивкой.

Она округлила глаза:

– Все в порядке, Гаспар?

– В этом году я не стану сочинять пьесу, – отчеканил он.

Он угадывал мысли Карен о лавине последствий этого решения: аннулирование договоров, штрафы за простой театральных площадок, отмена турне... Тем не менее, сделав все эти выводы всего за пару секунд, Карен сумела придать своему голосу безразличие.

– Неужели? Почему?

Гаспар пожал плечами и выпятил нижнюю губу.

– Одной пьесой Кутанса больше, одной меньше... Не думаю, что это сильно повлияет на историю театрального искусства.

Карен молчала, и он загнал гвоздь глубже:

– Если честно, я не вполне ответил на твой вопрос. Ты не считаешь, что в последние годы я стал повторяться?

На это она все же отреагировала:

– На тему «мир – дрянь, людишки и того хуже» – может быть. Но ты можешь попробовать написать о другом.

Гаспар скорчил рожу:

– Как-то не вижу других тем.

Он выудил из пачки на столе сигарету и вышел подымить на балкон.

– Влюбился, что ли? – крикнула Карен, выбегая туда следом за ним.

– Нет, с чего ты взяла?

– Так и знала, что это рано или поздно произойдет, – сказала она с сожалением.

– Из моего нежелания писать, – стал защищаться он, – ты заключаешь, что я в кого-то втюрился? Не вижу логики.

– Ты купил мобильный телефон – *ты!* Бросил пить, побрился, снял очки, напялил костюм, воняешь лавандой! Уверена, это любовь.

Гаспар затянулся с отсутствующим видом. Теплая влажная темнота была пропитана ненавязчивым городским шумом. Навалившись на перила, он уставился на башню Сен-Жак, одинокую, усеченную, сиявшую в двух шагах от Сены.

– Зачем ты затолкала меня в эту дыру? – спросил он внезапно.

– В какую дыру?

– В ту, в которой я столько лет прозябаю.

Она тоже закурила.

– По-моему, ты сам избрал затворничество и одиночество, Гаспар. Ты тщательно выстроил свою жизнь так, чтобы не высовывать оттуда носа.

– Да знаю я, но мы же друзья, ты должна была...

– Ты – драматург, Гаспар, у тебя нет друзей, кроме героев твоих пьес.

Он упрямо гнул свое:

– Надо было пытаться, пробовать разные варианты...

Она немного подумала и тихо ответила:

– Хочешь правду? Я оставила тебя в этой дыре, потому что это было место, где ты писал свои лучшие пьесы. В одиночестве, неудовлетворенности, тоске.

– Не вижу связи.

– Брось, все ты видишь. Поверь моему опыту: счастье приятно для жизни, но для творчества оно порой противопоказано. Ты встречал радостных художников?

Теперь, увлекшись, Карен со страстью развивала свою мысль, опершись о косяк:

– Как только кто-то из моих авторов заявляет, что счастлив, я начинаю беспокоиться. Вспомни, что все время повторял Трюффо: «Искусство важнее жизни». Это очень верно. До сих пор ты мало что любил в жизни, Гаспар. Ты не любишь людей, каждого в отдельности и все человечество скопом, не любишь детей, не любишь...

Гаспар уже собрался поднять руку, чтобы ее остановить, но тут зазвонил его телефон. Он посмотрел на экран: звонили из Соединенных Штатов.

– Извини.

2

Мадрид. Пять часов вечера, почти полностью стемнело.

Перед выходом из отеля Маделин попросила зонт, но ей вежливо отказали. Ну и пусть. Она вышла под дождь, твердо решив игнорировать мелкие препятствия вроде ненастья. В ближайшей аптеке она предъявила рецепт: антибиотики для защиты от инфекции во время операции и новая дозировка гормонов для стимулирования выхода овоцитов. Она разрешила попробовать на ней новаторскую методику, позволявшую сократить до суток обычный временной разрыв между инъекцией гормонов и взятием овоцитов. Сейчас ей не повезло: только наведавшись в три аптеки, она набрала все необходимое. В шесть вечера она попробовала побыть туристкой и послоняться между Чуэкой и Маласаньей. Теоретически это был креативный, полный жизни квартал. В конце лета Маделин понравилось бродить по здешним пестрым улочкам, заглядывать в лавочки старьевщиков, отдыхать в кафе с праздничной атмосферой. Но в этот раз все было по-другому. Мадрид, залитый водой, жил, казалось, последние часы перед апокалипсисом. Начавшийся днем адский ливень с порывами ураганного ветра не пощадил ни одного потайного уголка, он сеял хаос, приводил к затоплениям и к непробиваемым автомобильным пробкам.

Маделин мучил голод. Она решила непременно попасть в ресторанчик, где обедала в прошлый раз, но никак не могла найти туда дорогу. Небо было таким низким, что грозило рухнуть на барабанные купола царственного города. В темноте, под дождем, все улицы и проспекты были на одно лицо, захваченная из отеля карта намокла и расползалась в руках. Орталеса, Мехиа Лекерика, Аргенсола – названия улиц сливались в одну бесконечную строку. Совершенно обессилив, она ввалилась в какое-то обветшалое заведение. Заказанный тартар из дорадо подали утопленным в майонезе, яблочный пирог – только наполовину размороженным.

Мощная молния, за которой последовал оглушительный раскат грома, на короткое мгновение высветила на заливаемом дождем окне ее силуэт. При виде собственного отражения Маделин сделалось тоскливо.

Одиночество и растерянность взяли ее за горло. Она стала думать о Кутансе, о его энергии, юморе, бойком уме. Этот мизантроп был странным двуликим Янусом, не помещался ни в одной привычной категории, был привлекательным и противоречивым. Пленник одной затверженной умственной схемы, он, при всем своем пессимизме, обладал спокойной, уверенной силой. Сейчас ей очень пригодилось бы его одобрение, его тепло, даже его непорядочность. Вдвоем они бы выгребли на своей галере из любого водоворота.

Маделин запила антибиотики плохим кофе без кофеина и вернулась в отель. Инъекция гормонов, горячая ванна, полбутылки риокси из минибара – и немедленный приступ головной боли.

Не было еще десяти вечера, а она уже улеглась и забилась под одеяло.

Завтра предстоял переломный день в ее жизни. Возможно, начнется новый период, существование по новым правилам. Чтобы уснуть с позитивными мыслями, она попыталась представить свое будущее, такое желанное дитя. Но у нее ничего не получилось, как будто ее проект был неосуществим, обречен остаться химерой. Она вступила в борьбу с волной безнадежности, чтобы провалиться в сон от изнеможения, как вдруг перед ее мысленным взором возник четкий образ – прелестное личико Джулиана Лоренца: смеющиеся глазенки, вздернутый носик, светлые локоны, подкупающая детская улыбка.

Снаружи не прекращался потоп.

3

Гаспар тут же узнал хриплый голос с другого материка: Клифф Истмен, тот, кому Шон трижды звонил за несколько дней до смерти.

– Здравствуйте, мистер Истмен, огромное спасибо, что перезвонили.

Через несколько фраз Гаспар понял, что собеседник – бывший библиотекарь, обычно живущий тихой пенсионной жизнью в агломерации Майами, но сейчас, за три дня до Рождества, застрявший у невестки в штате Вашингтон.

– Восемьдесят сантиметров снега! – не то восторгался, но не жаловался тот. – Движение парализовано, дороги завалены, даже Интернет не пашет. В итоге я скучаю, как дохлая крыса.

– Почитайте хорошую книжку, – машинально посоветовал Гаспар.

– Ничего нет под рукой, а невестка читает всякий мусор: про постель да про постель, сколько можно! Слушайте, я не очень понял, вы кто? Из

пенсионного фонда, что ли?

– Не совсем, – ответил драматург. – Знаете такого Шона Лоренца?

– Первый раз слышу. Кто такой?

Старик сопровождал буквально каждое слово громким причмокиванием.

– Знаменитый художник. Примерно год назад он пытался до вас дозвониться.

– Может быть, в моем возрасте с памятью не очень-то... Что от меня хотел ваш Пикассо?

– Как раз это я и хочу выяснить.

Новый приступ чмоканья.

– Может статься, он звонил вовсе не мне.

– Как это?

– После того как я получил этот номер, мне несколько раз звонили разные люди, хотевшие поговорить с его прежним владельцем.

Гаспара охватил радостный озноб. Уже теплее!

– Неужели? Как его звали?

Ему показалось, что он слышит, как Истмен чешет в затылке на том конце беспроводной линии длиной в несколько тысяч километров.

– Прямо так не скажу, дело давнее. Кажется, его звали так же, как одного спортсмена.

– Спортсмена? Этого недостаточно.

Ниточка старческой памяти натянулась до предела. Была опасность ее оборвать.

– Постарайтесь, очень вас прошу.

– Так и вертится на языке... Это легкоатлет. Точно, прыгун, победитель Олимпиады.

Гаспар попытался порыться в своих собственных воспоминаниях. Он не очень увлекался спортом. Когда он последний раз смотрел по телевизору Олимпийские игры, президентами еще были Миттеран и Рейган, Платини забивал штрафные в «Ювентусе», а фильм «Фрэнки едет в Голливуд» возглавлял список из пятидесяти самых популярных. Он для порядка вбросил пару имен:

– Сергей Бубка, Тьерри Винерон...

– Нет, не с шестом, в высоту.

– Дик Фосбери?

Собеседник включился в игру:

– Нет, фамилия латиноамериканская. Вспомнил, прыгун был с Кубы.

Эврика!

- Хавьер Сотомайор?
- Он самый, Сотомайор.

Адриано Сотомайор. За несколько дней до смерти, уверенный, что его сын жив, Шон просил о помощи старого товарища по «Пиротехникам», ставшего полицейским.

Значит, в Нью-Йорке был человек, способный ему помочь. Человек, который, возможно, возобновил расследование гибели Джулиана. Владелец никому не известных сведений.

Пока Гаспар говорил по телефону, Карен Либерман наблюдала за ним через окно кабинета. Увидев торчащую у него из кармана голову игрушечной плюшевой собачки, она поняла, что того Гаспара Кутанса, которого она знала раньше, больше нет.

23 декабря, пятница

13. Мадрид

День и ночь за мной следует дьявол, боящийся одиночества.

Фрэнсис Пикабия^[58]

1

Мадрид. Восемь утра

Маделин разбудил запрограммированный звонок будильника в телефоне. Ей потребовалось немалое усилие, чтобы встать. Ну и ночка! Еще одна в череде таких же... Она не смыкала глаз до пяти утра, а потом неодолимая волна утянула ее в необозримые глубины, всплыть откуда было ой как нелегко.

Она раздвинула занавески и с облегчением убедилась, что гроза унялась. От глотка свежего воздуха на балконе ей немного полегчало. Небо оставалось серым, но при свете дня Чуэка заметно повеселела. Маделин протерла глаза, подавила зевок. Сейчас она продала бы душу за двойной эспresso, но фолликулярная пункция делалась натошак. Долго моясь под душем антисептическим мылом, она старалась думать о чем угодно, только не о предстоящей анестезии. Оделась просто: матовые колготки, джинсовая блузка «бойфренд», узкое шерстяное платье, лаковые сапожки. Инструкция была четче некуда: ни духов, ни косметики, явиться в клинику репродукции строго в назначенное время.

Спускаясь по лестнице в гостиничный холл, она надела наушники и нашла подходящую к случаю музыку: «Венгерскую мелодию» Шуберта, концерт для флейты и арфы Моцарта, Сонату для фортепьяно № 28 Бетховена. Умиротворяющая и при этом захватывающая подборка, превращавшая пешехода в птицу, готовую взлететь. От отеля до клиники было недалеко, маршрут был составлен: после площади Алонсо-Мартинес – километр по улице Фернандо-эль-Санто, затем через скверик «Кастельяна» на перпендикулярную улицу, где и стояло небольшое современное здание, накрытое стеклянными панелями песочного цвета, –

клиника репродуктивной медицины.

На ходу Маделин отправила Луизе эсмэс: «Сейчас буду». Молодая медсестра встретила ее в вестибюле. Объятия, обмен новостями, ободряющие слова. Луиза познакомила ее с анестезиологом, потом с врачом, подробно объяснившим ей, в чем состоит деликатная процедура взятия овоцитов. Для этого использовалась длинная, достающая до яичников игла.

– Это совершенно безболезненно, – пообещал врач. – Вы будете спать и ничего не почувствуете.

Немного успокоившись, Маделин прошла в палату с медицинской кроватью на колесиках – на ней пациентов доставляли в операционную. После ухода медсестры Маделин убрала сумочку и телефон в специальный сейф с кодовым замком и переоделась во все больничное: халат, шапочка, тапочки. Под халатом она была совсем голая, и из-за этого ей стало тревожно, состояние было близким к панике.

Скорее бы все произошло!

Наконец дверь приоткрылась, и показалась голова – но не Луизы, не врача. Черт принес несносного Гаспара Кутанса!

– Что вам здесь надо? Как вы умудрились сюда просочиться?

Он ответил по-испански:

– Porque tengo buena cara. Y he dicho que yo era su marido^[59].

– Я думала, вы не умеете врать...

– Чего только не нахватаешься в вашем обществе.

– Немедленно убирайтесь! – Она села на койку. – Иначе я сама вас выставлю.

– Успокойтесь. У меня есть новости, и для того, чтобы обсудить их с вами, я прилетел первым утренним рейсом.

– Какие еще новости?

– Сами знаете какие.

– Вон отсюда!

Делая вид, что эти гневные слова к нему не относятся, он плюхнулся в кресло рядом с койкой, снял со столика на колесиках бутылки с водой и по-хозяйски разложил на нем свои вещи.

– Помните Стокхаузена? – начал он.

– Нет. Вон! Не желаю с вами разговаривать. Что за вонь? Лаванда? Куда вы дели очки?

– Плевать на очки. Стокхаузен – фамилия кардиолога, якобы наблюдавшего Шона. Его имя указано в еженедельнике, который вам отдал Бенедик.

Маделин понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем он толкует.

– Врач, встреча с которым у Шона была в день его смерти?

– Он самый, – подтвердил Гаспар. – Так вот, такого не существует в природе. Вернее, в Нью-Йорке нет кардиолога с фамилией Стокхаузен. – В подтверждение своих слов он достал из рюкзака пачку распечаток с сайта американских «Желтых страниц». – Я расширил поиск на весь штат: ничего. С медицинской точки зрения тоже выходит ерунда: Лоренца лечили в больнице «Биша» лучшие кардиологи Европы. С какой стати ему было консультироваться с нью-йоркским врачом?

– А с какой стати вы притащились за мной сюда?

Он примирительно поднял руку.

– Пожалуйста, Маделин, выслушай меня.

– Мы уже перешли на «ты»?

– Я перерыл весь дом. В кабинете Шона я нашел кучу распечатанных им статей. Главным образом о расследовании гибели его сына. А еще там было вот это.

Он протянул ей несколько скрепленных страниц. Это было пространное досье «Нью-Йорк Таймс Магазин» о прославленных нерасследованных делах: смерть Натали Вуд, «пятеро из Сентрал-парка», «дело Чандры Леви», «заточенные в Кливленде» и прочее. С одной из страниц на Маделин смотрела... она сама. Она протерла глаза. Она почти забыла про эту статью о деле Элис Диксон – девочки, которую она нашла при невероятных обстоятельствах через три года после ее исчезновения. Среди ее дел это было наиболее сложным, болезненным, чуть было не ставшим ее позором, но завершилось оно успешно. То был один из счастливейших моментов ее жизни. Каким далеким он казался теперь!

– Лоренц хранил эту статью?

– Как видишь. Кое-что в ней даже подчеркнул.

Она прочла про себя строчки, выделенные фломастером:

«...но Маделин Грин, упорная сотрудница уголовного розыска Манчестера, никогда не разжимает хватку... Ее усилия в итоге принесли плоды... Ныне молодая англичанка трудится в районе Верхнего Ист-Сайда и Гарлема, около больницы «Маунт Синай», в отделе нераскрытых дел полиции Нью-Йорка».

То, что Лоренц обратил внимание на эту статью, удивило Маделин, но она вернула ее Гаспару, не сказав ни слова.

– Без комментариев? – в свою очередь удивился он.

– А чего вы ждали?

– Как ты не понимаешь? Лоренц подался в Нью-Йорк не к врачу, он примчался на Манхэттен для встречи с *тобой*!

Это ее рассердило.

– Нашли у него старую статейку с упоминанием моего имени – и уже выстроили теорию? Вы слишком торопитесь, Кутанс. Хватит, дайте сосредоточиться на моей собственной жизни.

Но Гаспар слишком увлекся. Она развернул на столике карту Манхэттена, над которой корпел накануне, и ткнул кончиком ручки в один из цветных крестиков.

– Шон Лоренц умер вот здесь, посреди улицы, на углу 103-й стрит и Мэдисон-авеню.

– И что?

– Где находилась твоя тогдашняя работа?

Она молча указала точку на карте.

– Вот видишь! В двух шагах! Это не могло быть совпадением.

Маделин, прищурившись, смотрела на карту и молчала. Одновременно с появлением в палате фельдшера Кутанс выложил свой главный козырь:

– Мадемуазель Грин?

– Вот последний телефонный счет Шона, – сказал Гаспар, потрясая двумя скрепленными листочками и не обращая внимания на фельдшера. – Здесь расшифровка номеров. Хочешь знать, какой последний номер он набрал перед отъездом из Франции?

– Мадемуазель Грин, ваша очередь, – сказал фельдшер, готовясь увезти кровать с пациенткой.

Маделин кивнула, демонстративно игнорируя Кутанса.

– 212-452-0660. Этот номер ничего тебе не говорит, Маделин? Тогда я освежу тебе память! – крикнул он, идя вслед за фельдшером, увозящим Маделин. – Это телефон отдела нераскрытых дел полиции Нью-Йорка. Твой тогдашний рабочий телефон!

Пациентку уже выкатили из палаты, но Гаспар не унимался:

– Нравится тебе это или нет, но за час до смерти Шон находился в Нью-Йорке и собирался что-то тебе рассказать. Тебе! Тебе!

Маделин воткнули в вену иглу, и в организм стал поступать

анестезирующий раствор. Пациентке, растянувшейся на операционном столе, показалось, что ее подхватывает обжигающе холодная волна. Неприятное ощущение длилось всего секунду, потом у нее отяжелели веки, голос врача стал неразборчивым. Она глубоко вздохнула и послушно отключилась. В мир сна без сновидений ее провожал некто озабоченный, с усталыми глазами. Она узнала Шона Лоренца и успела прочесть в его взгляде мольбу: «Помоги!»

3

Одиннадцать часов. Тапас-бар только что открылся. Гаспар сел у стойки, положил рюкзак на соседний табурет и попросил капучино. Первым делом принять две таблетки анальгетика, чтобы унять боль в пальцах. Потом отправить эсэмэс Маделин с просьбой встретиться после операции.

– Ваш кофе, сеньор.

– Спасибо.

Хозяин бара был человеком устрашающих габаритов, настоящим медведем с бритым черепом и густой бородой. Его пивное брюхо было туго обтянуто цветастой футболкой в виде афиши старого фильма Альмодовара «Свяжи меня!» с Антонио Бандерасом и Викторией Абриль. Программа, а не человек!

– Можно попросить вас о помощи?

– Чем могу быть вам полезен? – спросил «медведь».

Гаспар, немного смущаясь, вынул телефон и объяснил, что мало смыслит в современных технологиях.

– Вот приехал в Испанию и никак не могу подключиться к Интернету.

Медведь поскреб шерсть у себя под футболкой и разразился длинной тирадой. Гаспар улавливал только некоторые слова: «предоплата», «оператор», «абонентская плата», «международный роуминг». Он кивал, ничего не понимая, но «медведь» проявил сочувствие и предложил подключить телефон к сети wi-fi бара. Гаспар облегченно отдал ему телефон и спустя полминуты получил его обратно.

Открыв на стойке свой блокнот и достав бумаги, он перечитал то, что записал в самолете. Судя по заметке в журнале «Искусство в Америке», Адриано Сотомайор служил в 25-м полицейском участке на севере Гарлема. Гаспар нашел через Гугл телефон участка. В Нью-Йорке было еще только пять утра, рановато для звонка. С другой стороны, полицейские

участки работают круглосуточно. Он решил рискнуть, долго слушал ненужную болтовню, потом оператор попробовала от него избавиться, предложив перезвонить днем. Но он проявил такую настойчивость, что она перевела его на другой номер.

– Мне надо узнать, дежурит ли сейчас ваш сотрудник Сотомайор.

– Мы не сообщаем такие сведения по телефону, – ответили ему тоном, каким учитель отчитывает ученика.

Гаспар мигом сочинил историю: он живет в Европе, в Нью-Йорке всего на несколько дней и хочет обмолвиться словечком со своим школьным другом Сотомайором.

– Это полицейский участок, сэр, а не общество бывших учеников Брэдли-скул.

– Понимаю, но...

Гаспар выругался: на том конце швырнули трубку. Он перезвонил, та же ненужная информация, та же телефонистка, то же обращение к начальству, тот же собеседник. Началось с потока брани, за которой последовала угроза привлечения к ответственности за препятствование исполнению служебных обязанностей. Но Гаспар проявил цепкость, и тогда, лишь бы от него избавиться, собеседник прорычал, что полицейский Сотомайор действительно служит в 25-м участке и дежурит на этой неделе.

Гаспар с улыбкой разъединился и заказал еще один капучино, чтобы отпраздновать эту маленькую победу.

4

Когда Маделин открыла глаза, оказалось, что прошло только полчаса. У нее было ощущение, что она провела в забытии целое столетие.

– Готово, – сообщил голос.

Постепенно она приходила в себя, краски приобретали живость, формы заострялись, лица переставали быть размытыми пятнами.

– Все прекрасно! – заверила ее Луиза.

Врач уже удалился, но Маделин хватало улыбки медсестры.

– Нам удалось взять около восемнадцати овоцитов, – сообщила та, вытирая ей лоб.

– А дальше что? – спросила Маделин, пытаясь встать.

– Лежать! – скомандовала Луиза.

Вместе с коллегой она вывезла каталку с пациенткой из операционной и направилась в палату.

– Дальнейшее вам известно: мы проверяем овоциты и осеменяем самые зрелые. Через три дня пересадим вам два презембриона. Сейчас вам придется лежать здесь до полудня.

– А потом?

– До пересадки спокойно лежите у себя в гостинице с хорошей книжкой. Можете смотреть последний сезон «Игры престолов». И чтобы никаких чипсов из мини-бара, понятно?

– Это как?

– Крайняя осторожность с едой: ни соленого, ни жирного. Все вкусное под запретом. Но главное – отдых!

Маделин засопела, как непослушный подросток. Луиза привезла ее в палату, где остались ее вещи.

– Сильно болит, – пожаловалась она, показывая на живот.

Луиза сочувственно улыбнулась.

– Знаю, моя красавица, так и должно быть. Сейчас подействует обезболивающее.

– Мне можно одеться?

– Конечно. Помните код от сейфа?

Медсестра принесла ее одежду, положила на стул рядом с кроватью ее сумочку и телефон. Видя, как Маделин снимает шапочку и халат, Луиза еще раз напомнила ей о необходимости отдыха.

– Я принесу вам завтрак. Лучше пока подремите.

Когда через полчаса молодая испанка вернулась с полным подносом, пациентки след простыл.

5

– Какой же вы неугомонный, Кутанс! Прямо как кролик из рекламы батареек «Дюраселл»: лупите в свой барабан, как глухой, не замечая, что портите жизнь другим.

Бледная как смерть, Маделин только что нашла его в тапас-баре на улице Айала.

– Как прошла ваша операция? – учтиво осведомился Гаспар, на всякий случай возвращаясь к церемонному «вы».

– Все было бы хорошо, если бы не вы. Примчались в Мадрид, влезли, куда вас не звали, изводите меня...

Она только начала произносить заготовленную возмущенную тираду, но осеклась, почувствовав, что лоб заливают пот, а ноги подкашиваются.

Необходимо было хоть что-то проглотить, иначе ей грозил обморок.

Взгромоздиться на табурет и то не хватило сил. Она заказала чай и уползла в глубину бара, где плюхнулась в кресло перед окном.

Гаспар настиг ее и там. В руках у него была лакированная коробочка «бенто» с набором тапас и соусом по-иберийски: тортилья эспаньола, маринованный осьминог, хамон «пата негра», крокеты, кальмары, анчоусы в уксусе...

– У вас неважный вид, не обессудьте. Вам надо поесть.

– Не желаю вашей еды!

Он проглотил обиду и сел напротив нее.

– Как хотите, но я рад, что вы передумали насчет Лоренца.

– Я нисколько не передумала, – сухо ответила Маделин. – Не вижу ничего нового во всем том, что вы мне рассказываете.

– Вы шутите?

Она стала разбирать услышанное по пунктам:

– Лоренц навел обо мне справки, и что с того? Ясное дело, он хотел, чтобы я помогла ему найти сына, дальше-то что? Сам прилетел в Нью-Йорк, чтобы со мной увидеться? Допустим. Ну и что?

– Да, что? – раздосадованно переспросил Гаспар.

– Мой вопрос: что это меняет в принципе? Лоренц был болен, раздавлен горем, сидел на антидепрессантах. Он был готов уцепиться за первое, что взбредет ему в голову, после этой его бессвязной истории с клинической смертью. Вы сами это отлично понимаете, Кутанс!

– Вы это бросьте! Хватит изображать из Лоренца того, кем он не был. Он не был ни наркоманом, ни ясновидцем – просто умный человек любил своего сына и...

Она смотрела на него пренебрежительно.

– Мой бедный друг, вы сами не замечаете, как делаете перенос, подменяете Лоренца собой. Вы уже одеваетесь как он, пользуетесь тем же парфюмом. Говорите и то как он.

– Никогда еще меня не называли бедным другом!

– Все когда-нибудь происходит в первый раз. В общем, вам пора признать, что вы сходите с ума.

С этим Кутанс не мог согласиться.

– Я просто намерен возобновить его поиски и найти его сына.

Маделин чуть было не набросилась на него с кулаками.

– Его сын мертв, поймите, наконец! Его убили на глазах у матери. Пенелопа сама вам в этом поклялась.

– Было дело, – уступил он. – Но то была ее правда.

– Ее правда, правда вообще – в чем разница?

Он снова достал из рюкзака блокнот, свои записи и «архив».

– В номере «Вэнити Фэр» за апрель две тысячи пятнадцатого года была подробная статья о расследовании похищения Джулиана.

Он дал Маделин фотокопию статьи. В ней подчеркивалось сходство между двумя похищениями: сына Шона и сына Чарльза Линдберга в 1934 году.

– Хватит меня мучить обзорами прессы, Кутанс.

– Если вы потрудитесь прочесть статью, то увидите, что в конце перечислены предметы, найденные следователями в логове Беатрис Муньос.

Маделин неохотно покосилась на подчеркнутый абзац: ящик с инструментами, два охотничьих ножа, моток изоляционной ленты, колючая проволока, голова куклы фирмы Harzell...

– Что вас возбудило? Детская игрушка?

– Она самая. Это не игрушка Джулиана. Пенелопа рассказывала про плюшевую собачку вроде вот этой. – И он как будто ненароком вытащил из рюкзака собачонку с измазанной шоколадом мордочкой.

Маделин отодвинулась от него так далеко, как позволяла теснота в углу бара.

– У мальчишки могли быть две игрушки.

– Обычно родители не позволяют детям брать на прогулку сразу две игрушки.

– Допустим. Что это меняет?

– Я провел исследование, – сообщил он, демонстрируя цветную распечатку выписки из каталога игрушек.

– Для человека, еще недавно вообще не знавшего, что такое Интернет, вы делаете поразительные успехи.

– У кукол этой марки интересная особенность: некоторые очень велики и очень похожи на живых детей.

Маделин сочла кукол из каталога вредными, даже опасными: резиновые изделия поражали ростом и совершенно человеческими лицами. Ничего общего с целлулоидными куклами ее детства!

– Зачем вы мне это подсовываете? Что еще вы нафантазировали?

– Беатрис Муньос била ножом не Джулиана, а куклу в его одежде.

Маделин была поражена услышанным.

– Вы бредите, Кутанс.

Но он был спокоен и уверен в себе.

– Муньос не собиралась убивать Джулиана, – гнул он свое. – Она покушалась на чету Лоренцов. Ее ненависть обманутой влюбленной женщины была направлена против Шона и Пенелопы, а не против невинного ребенка. Она изуродовала Пенелопу, отомстив за ее наглую красоту. Похитила Джулиана, чтобы запугать Шона, искалечила его, чтобы ужаснуть Пенелопу, но я почти уверен, что она его не убила.

– По-вашему, ей хватило этой страшной инсценировки: продырявить ножом куклу на глазах у несчастной матери?

– Да, ее оружие – жестокость, но не смертоубийство.

– Ерунда! Пенелопа не приняла бы куклу за своего сына.

– Не обязательно. Вспомните, ей здорово досталось, она подверглась страшным побоям. На лице не было живого места, сломанные ребра и нос, растоптанная грудь... Глаза залиты кровью и слезами. Много так разглядишь? Какая зоркость после нескольких часов в рвущих тело железных путах? Сохранится у вас рассудок, когда вы залиты собственной мочой и кровью, измазаны калом? Хуже того, вас заставили отрубить палец вашему ребенку!

Чтобы он не задерживался на этой невыносимой сцене, Маделин сделала вид, что не возражает.

– Допустим на десять секунд, что у Пенелопы помутился рассудок, что она приняла за реальность свой худший страх и поверила в чудовищный розыгрыш. Но почему полиция, штурмовавшая логово чилийки, не нашла там мальчишку? А главное, почему на берегу Ньютон-Крик нашли плюшевую игрушку, испачканную кровью мальчика?

– Насчет крови ответить нетрудно. Помните, ему отрезали палец? А остальное...

Гаспар опять схватил статью с упоминанием полицейских рапортов.

– Если верить написанному здесь, Муньос попала в объектив камеры наблюдения на станции «Гарлем – 125-я стрит» в 15.26, перед тем как бросилась под прибывающий поезд. Между 12.30 – тогда Пенелопа в последний раз видела сына живым – и 15.26 Муньос успела бы сделать с ребенком все, что угодно. Запереть его совсем в другом месте, кому-то передать... Вот направление для поиска!

Маделин молча смотрела на Кутанса. Он измучил ее своими экстравагантными версиями. Помассировав себе веки, она зацепила вилкой крокет.

Гаспар без всякого смущения продолжил развивать свою мысль:

– Вы – не единственный полицейский, с которым собирался встретиться Лоренц. Незадолго до того он отыскал своего давнего друга Адриано Сотомайора. – Гаспар полистал блокнот и нашел фотографию мужчины латиноамериканской внешности в форме нью-йоркского полицейского, вырезанную из «Америкэн Арт» и приклеенную рядом с юношеской фотографией третьего «пиротехника».

У Маделин кончилось терпение.

– Что вы вбили себе в голову? – насмешливо спросила она. – Думаете, это похоже на полицейское расследование? Почитываешь себе журнальчики, делаешь вырезки и коллажи – и раскрываешь преступление? Не тетрадь, а какой-то дневник школьницы!

Вместо того чтобы обидеться, Гаспар поймал ее на слове.

– Верно, я не коп и не умею вести расследования. Потому и прошу о помощи вас.

– Все, что вы на меня вывалили, – не более чем фантазии!

– Нет, Маделин, вы не правы, сами знаете. Взгляните на все это непредвзято. Пусть Лоренц страдал от душевной и физической боли, но безумцем он не был. Раз он решил отыскать в Нью-Йорке вас, значит, напал на новый след, во всяком случае, обнаружил что-то конкретное.

Молчание. Потом – тяжкий вздох.

– Зачем я с вами познакомилась, Кутанс? Почему вы не оставляете меня в покое, зачем притащились сюда? Худшего момента нельзя было выбрать, черт бы вас побрал!

– Полетим вместе в Нью-Йорк. Все ответы там! Попросим о помощи Сотомайора, поищем там, на месте. Я хочу выяснить, что обнаружил Шон Лоренц. Хочу узнать, зачем ему понадобились вы.

Она не собиралась уступать.

– Летите сами, я вам ни к чему.

– Две минуты назад вы утверждали противоположное! Вы – бывалый коп, знаете город, наверняка у вас остались знакомые в полиции Нью-Йорка и в ФБР.

Поднеся к губам чашку с чаем, Маделин заметила, что так и осталась в пластмассовом браслете, который на нее надели в больнице. Сняв его, она помахала им перед носом Кутанса, чтобы его вразумить.

– Видите, Гаспар? В моей жизни произошел резкий поворот. Только что была операция, скоро будет следующая, я готовлюсь завести семью...

Драматург положил на стол свой телефон. На экране было сообщение Карен Либерман о приобретении двух билетов на ближайший рейс

«Иберии». Вылет из Мадрида в 12.45, прибытие в аэропорт им. Дж. Ф.Кеннеди в 15.45.

– Если поторопиться, можно успеть. Вы вернетесь до двадцать шестого декабря, как раз ко второй операции.

Маделин отрицательно покачала головой. Гаспар не отступал.

– Ничто не мешает вам полететь со мной. Вам так и так надо убить два дня. Даже в Мадриде не оперируют в Рождество.

– Мне нужен покой.

– Проклятье, вы думаете только о себе!

Это стало последней каплей: Маделин запустила в него коробочкой с тапас. Гаспар успел увернуться, и «бенито» разбилась об обложенную плиткой стену у него за спиной.

– Для вас все это игра! – взорвалась она. – Расследование горячит вам кровь, вносит разнообразие в вашу жалкую жизнь, вы воображаете себя героем кинофильма. Я занималась такими делами десять лет. Они составляли всю мою жизнь. И вот что я вам скажу: это люк в бездну. Каждое расследование забирает часть вашего здоровья, умения радоваться жизни, беззаботности. В конце концов от вас ничего не остается. Вы меня слышите? Ничего! Однажды утром вы просыпаетесь развалиной. Я уже через это проходила и не хочу повторения.

Гаспар дал ей выговориться и собрал свои вещи.

– Что ж, ваша позиция ясна. Не стану больше вам докучать.

«Медведь» с грозным ворчанием покинул свою берлогу. Гаспар сунул ему две купюры, чтобы не выпустил когти, и направился к двери. Маделин проводила его взглядом. Она знала: еще десять секунд – и ее мучениям наступит конец. И все же крикнула ему вдогонку, сама себя удивив:

– Зачем вам это, дуралей вы этакий? Вам же на все плевать, вы же не любите людей, саму жизнь, зачем вам совать нос в эту историю?

Кутанс вернулся и положил на столик фотографию: Джулиан на санках зимним утром на площади Миссьон Этранжер. Ребенок, замотанный шарфом, с горящим и одновременно мечтательным взглядом, с улыбкой до ушей, прекрасный, как само солнце, свободный, как ветер.

Маделин быстро отвела от фотографии взгляд.

– Думали вызвать у меня чувство вины? Грубая ловушка!

Но по ее щеке уже катилась слеза. Дело было в недосыпе, в утомлении, в нервном перенапряжении.

Гаспар нежно взял ее за руку и заговорил. Это было и призывом, и мольбой.

– Я знаю, что вы думаете. Знаю, вы уверены, что Джулиан мертв.

Просто помогите и мне в этом убедиться. Прошу вас посвятить расследованию два дня, ни мгновения больше. Клянусь, вы возвратитесь в Мадрид ко времени вашей второй операции.

Маделин вытерла щеки и уставилась в окно. Опять собрались тучи, пошел дождь. Снова все было отравлено тоской: небо, сердце, мысли. Ей совсем не хотелось коротать в гордом одиночестве сочельник и само Рождество, будь оно неладно, когда надо веселиться, лопаться от любви, обнимать членов своей семьи. У Кутанса было неоспоримое достоинство: он был для нее не только чумой, но и спасением.

– Так и быть, Кутанс, я полечу с вами в Нью-Йорк, но учтите: чем бы все это ни кончилось, по прошествии этих двух дней вы навсегда уберетесь с моих глаз!

– Даю слово, – ответил он, выдавив улыбку.

14. Нуэва-Йорк

Я выхожу из такси и попадаю в единственный, наверное, город, который наяву лучше, чем на открытках.

Милош Форман

1

Гаспар опять задышал.

Нью-Йорк, скованный полярным холодом, сверкал под мерцающим небом. Парижская тоска и мадридская серость остались далеко-далеко. Как только такси проехало по мосту Трайборо – огромной железной скрепке, соединяющей Куинс, Бронкс и Манхэттен, – у Гаспара появилось чувство, что он попал в знакомые места. Он, любитель леса и гор, заклятый враг агломераций, всегда почему-то чувствовал себя здесь как дома. Городские джунгли, лес небоскребов, каньоны из стекла и стали – все эти метафоры отражали действительность. Нью-Йорк представлял собой целостную экосистему. Здесь были свои холмы, озера, прерии, сотни тысяч деревьев. Здесь – достаточно пристально всмотреться – парили в небесах белоголовые орлы и соколы-сапсаны, скользили по воде белоснежные лебеди, выхаживали благородные олени. Здесь громоздились недостижимые вершины, рыскали стаи опасные хищников, необозримые пространства

были утыканы ульями, вокруг которых вились плотные рои, увлеченно наводили марафет еноты-полоскуны. Зимой здешние реки сковывал лед, а осенью глаза слепила горящая огнем листва. Здесь чувствовалась близость дикости под тонким слоем цивилизации. Нью-Йорк...

Резким контрастом радости Гаспара было дурное настроение Маделин. Весь полет она провела в тревожной, изнуряющей дремоте и после приземления отвечала на все попытки спутника ее разговорить бурчанием. С недовольным выражением лица, со стиснутыми челюстями и злым взглядом, она, казалось, вынашивала что-то недоброе, а на самом деле просто удивлялась, как умудрилась пойти у него на поводу.

Благодаря волшебству часовых поясов было еще только около 16.30. Вырвавшись из транспортной мешанины на Трайборо-плаза, желтое такси свернуло на Лексингтон-авеню и примерно через полкилометра подъехало к полицейскому управлению Восточного Гарлема – маленькому старому бункеру из грязно-желтого кирпича на 119-й стрит, рядом с надземной станцией метро и с открытой стоянкой. Гаспар и Маделин, попросившие отвезти их сюда прямо из аэропорта, вылезли из машины, нагруженные своим багажом.

Внутри 25-й участок производил такое же неуютное впечатление, как и снаружи: бездушное, мрачное помещение. Ощущение подавленности усугублялось отсутствием окон. После телефонного разговора на повышенных тонах накануне Гаспар был теперь готов к худшему: к нескончаемому ожиданию и к административным препонам на пути к Адриано Сотомайору. Но сказала близость Рождества: в участке было почти пусто, как будто преступники решили отсидеться дома из-за сковавшего город холода. Посетителями занимался коп в форме за черной железной конторкой – настоящая гора жира, бдительный часовой в образе слизняка: крохотные ручки, жабя голова, огромное лицо-треугольник, большой рот, жирная бугристая кожа. Не исключалось, что его поставили здесь намеренно – отпугивать детей, чтобы не пошли кривой дорожкой.

– Здравствуйте, – рискнул обратиться к нему Гаспар. – Нам нужен полицейский Сотомайор.

Амфибия медленно протянула им бланк запроса и что-то проквакала – похоже, потребовала документы.

Маделин привыкла к полицейским участкам. Не желая зря терять время, она оттолкнула Гаспара и взяла инициативу на себя.

– Я – капитан Грин! – представилась она, протягивая паспорт. – Служила в отделе нераскрытых дел полиции Нью-Йорка на 103-й стрит. Просто хочу повидать коллегу. Бумаги здесь ни к чему.

Часовой молча уставился на них. Он еще ни разу не открыл рот. Казалось, это существо дышит посредством своей мокрой трепещущей кожи.

Движением головы он указал посетителям на ряд деревянных скамеек у входа. Маделин и Гаспар послушно сели и сразу заерзали от хлорной вони и сквозняка. Маделин спряталась за кофейным автоматом. Ей хотелось кофе, но не было долларов: она не успела обменять евро в аэропорту. От досады она уже занесла кулак, чтобы по старой привычке добыть живительную влагу бесплатно, но Гаспар поймал ее руку.

– Что вы себе позволяете? Придите в себя и...

– Хэлло, что я могу для вас сделать?

2

Оба дружно повернулись на голос. При тусклом освещении участка молодая полицейская-латиноамериканка с черными как смоль волосами приветствовала их радушной улыбкой. Ее молодость, тонкие черты лица, неброская косметика и, главное, улыбка казались воплощением изящества, нарочитым контрастом со стражем за конторкой, торжеством равновесия: уродство компенсировалось совершенством.

Представившись, Маделин повторила, что они пришли к сотруднику по фамилии Сотомайор.

– Значит, вы ко мне. Я – Люсия Сотомайор.

Гаспар заморгал. Видя его недоумение, Люсия сообразила, в чем дело.

– А-а, вам, наверное, нужен Адриано?

– Он самый.

– Мы однофамильцы. Путаница возникает сплошь и рядом. Когда он здесь работал, его, бывало, принимали за моего старшего брата или кузена.

Маделин негодуя глянула на Кутанса. «Трудно было уточнить?!» – говорил ее взгляд. Он беспомощно развел руками. По телефону он говорил по-английски и даже не поинтересовался, мужчина или женщина носит фамилию Сотомайор. Винить было некого, кроме себя самого.

– Где работает Адриано сейчас? – попытался он исправить свой промах.

Полицейская поспешно перекрестилась.

– К сожалению, нигде. Он умер.

Гаспар и Маделин снова переглянулись, недоверчиво расширили глаза, потом горестно вздохнули.

– Когда это случилось?

– Скоро два года как. Я запомнила дату: День святого Валентина.

Люсия посмотрела на часы, опустила в автомат две монетки по 25 центов и нажала на кнопку «чай».

– Чем вас угостить?

Она была не только хороша собой, но и предупредительна. Маделин попросила кофе.

– Смерть Адриано была настоящим шоком, – заговорила она, протягивая бывшей коллеге кофе. – Он был здесь всеобщим любимцем. Человека с таким послужным списком департамент не мог не ставить в пример всем остальным.

– То есть? – подал голос Гаспар.

Люсия подула на чай.

– Он через многое прошел. В детстве кочевал по приемным семьям, в юности мог прибиться к бандитам, но оказался умнее и поступил в полицию.

– Он погиб при исполнении? – спросила Маделин.

– Не совсем. Получил смертельный удар рядом со своим домом, когда разнимал двоих драчунов перед винным магазином.

– Где он жил?

Она указала на дверь:

– Здесь, недалеко, на Билберри-стрит.

– Убийцу арестовали?

– Нет. Все у нас были возмущены. Руки опускаются, когда знаешь, что человек, перерезавший горло полицейскому, гуляет на свободе.

– Известно хотя бы, кто это был?

– Насколько я знаю, это так и лежит пятном на департаменте. Он погиб у нас под самым носом! Сам Браттон рвал и метал^[60]. Этот случай – полный анахронизм, потому что наша часть Гарлема совершенно безопасна.

Люсия опрокинула остаток чая как водку – залпом.

– Мне пора, служба зовет. Жаль, что я сообщила вам такое грустное известие. – Она бросила стаканчик в урну и добавила: – Забыла спросить, зачем вам понадобился Адриано.

– В связи с одним старым делом, – ответила Маделин. – Похищение и убийство сына художника Шона Лоренца. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Нет, но мы с ним работали в разных отделах, так что это неудивительно. – Люсия повернулась к Маделин: – Как вам известно, делами о похищении детей часто занимается ФБР.

От мороза и ледяного ветра застывали руки и ноги, щипало лицо, каждому незащищенному сантиметру кожи грозило обморожение. Остановившись на тротуаре перед полицейским участком, Маделин наглухо застегнула «молнию» на теплой куртке, купленной в последнюю минуту в мадридском аэропорту, намазала руки кремом, губы – гигиенической помадой, обмотала шею шарфом. Настроение было такое паршивое, что она без предупреждения накинулась на виновника всех неприятностей:

– Какой же вы разиня, Кутанс!

Гаспар, засунувший руки глубоко в карманы, ответил со вздохом:

– А вы – сама любезность.

Она натянула на голову капюшон с меховой оторочкой.

– Столько мучиться, чтобы остаться с пустыми руками!

Он попытался оспорить очевидное:

– А вот и нет!

– Похоже, мы с вами смотрим разное кино.

У него уже возникла новая версия:

– Что, если Сотомайора убили за излишний интерес к похищению Джулиана?

Маделин вытаращила на него глаза, хотя веки уже готовы были смерзнуться на холоде.

– Хватит с меня ваших глупостей. Все, еду в отель.

– Уже?

– Как же вы меня достали! – сказала она со вздохом. – До чертиков надоели ваши притянутые за уши версии. Мне надо лечь. Дайте тридцать долларов!

Она подошла к краю тротуара, чтобы остановить такси. Гаспар выудил из бумажника две бумажки.

– Почему бы вам не попробовать порыться в этом углу?

– Каким же это образом?

– Бросьте, у вас наверняка остались полезные контакты.

Она уставилась на него со смесью злости и крайнего утомления.

– Сколько вам объяснять, Кутанс: дела я вела в Англии. В Нью-Йорке я не занималась текущими расследованиями. Здесь я была кабинетной крысой.

У нее лязгали зубы, холод пробирал ее до костей, приходилось

переминаясь с ноги на ногу, чтобы хоть как-то согреться. Гаспара холод бодрил, а для нее был худшей пыткой.

Рядом с ними затормозил остробокий «Форд Эскейп». Маделин нырнула в такси, не глядя на спутника, и скороговоркой назвала водителю адрес отеля. В машине она съежилась, обхватив себе руками плечи, но уже через несколько метров заорала на водителя, индуса, ехавшего, невзирая на мороз, с опущенным стеклом. Тот оказался твердым орешком: крыл пассажирку последними словами минут пять, прежде чем согласился поднять стекло. Маделин закрыла глаза. Она была совершенно обессилена и не могла шелохнуться. Главное, ее опять мучили боли в животе, все нутро распирало, судороги следовали одна за другой, поднималась тошнота, несмотря на лютый холод, ее бросало в жар.

Когда она открыла глаза, такси катило по Вест-Сайд-хайвей, широкой магистрали, идущей вдоль Гудзона до юга Манхэттена. Она нашарила в кармане куртки телефон и нашла номер, по которому давно не звонила.

Работая в Нью-Йорке, она поддерживала связь с сотрудником ФБР Домиником Ву, который ведал сотрудничеством между своей организацией и тем отделом нью-йоркской полиции, где трудилась Маделин. Она прозвала его «мистер Нет»: на все ее просьбы он давал отрицательный ответ. Причиной чаще всего была нехватка средств, но случалось, что целью было не допустить вмешательство муниципальной полиции в дела Бюро.

Маделин не держала на Доминика Ву зла. Это был карьерист, почти недостижимый на рабочем месте, но при этом способный на неожиданные решения. Его личная жизнь тоже была нестандартной: адвокат мэрии родила ему двоих детей, а потом он вдруг перестал скрывать свои гомосексуальные пристрастия. Когда Маделин пересеклась с ним в прошлый раз, он жил с журналистом «Виллидж Войс», специализировавшимся на культурной тематике.

– Привет, Доминик, это Маделин Грин.

– О, Маделин, какой сюрприз! Ты вернулась в лоно семьи?

– Нет, заскочила на минуточку. Ты-то как?

– В отпуске. Остался на праздники в Нью-Йорке, с дочерьми.

Она помассировала себе веки. Каждое слово давалось ей с огромным трудом.

– Ты меня знаешь, Доминик, мне никогда не давались светские вступления...

На том конце раздался смех.

– Обойдемся без них. Говори, чем я могу быть тебе полезен.

– Мне нужна твоя помощь.
Он выдержал осторожную паузу.
– Говорю же, я не на работе.
Она упрямо продолжила:
– Я хочу знать обстоятельства убийства копа двадцать пятого участка Адриано Сотомайора. Он погиб перед свои домом, в Гарлеме, чуть меньше двух лет назад.
– Что именно ты ищешь?
– Все, что ты сможешь накопать.
Ву сразу закрылся.
– Ты больше с нами не работаешь, Маделин.
– Я не прошу конфиденциальную информацию.
– Если я стану наводить справки, то останутся следы...
Он уже начал ее раздражать.
– Ты серьезно? Это так тебя пугает?
– При сегодняшней компьютеризации...
– Понятно. Проехали. Закажи себе на Рождество пару яиц. Сейчас распродажа в «Блумингдейл».

Маделин нажала «отбой» и опять погрузилась в летаргию. Через десять минут она приехала в отель – типичное для района Трайбека коричневое кирпичное здание. Гаспар и тут приложил руку: заказал номера в «Бридж Клуб», где прожил последние дни Лоренц. На ресепшн ей сказали, что отель заполнен, но на имя Кутанса действительно забронировано два номера: угловые апартаменты и комнатка на последнем этаже. Маделин без малейшего колебания выбрала апартаменты, достала паспорт и за три минуты заполнила анкету гостя.

В номере, даже не заинтересовавшись видом из окна, она задернула все занавески, повесила на дверь табличку «Не беспокоить» и выпила свой коктейль из успокоительного, антибиотика и парацетамола.

Потом, корчась от боли, она погасила свет и легла. Последние ночи – в сумме она спала не больше двух-трех часов за каждую – были форменной катастрофой. Она уже утратила всякую способность к разумному размышлению. Невозможно было ни нормально думать, ни даже поймать за хвост малейшую мысль.

Тело сказало решающее слово.

15. Возвращение на Билберри-стрит

*У других будут мои недостатки, но ни у кого не
будет моих достоинств.*

Пабло Пикассо^[61]

1

Гаспар возвращался к жизни. Как растение, политое после долгих дней безводья.

Пульс Манхэттена, его ритм, сухой колющий холод, стальная синева неба, последние хилые лучи зимнего солнца – все вызывало в нем живой благодарный отклик. Далеко не в первый раз он обнаружил, до чего его внутреннее состояние чувствительно к происходящему вокруг. Он был буквально рабом климата и погоды, лепивших из него все, что хотели. Дождь и влажность топили его, как щенка. Волна жары неизменно отправляла его в нокаут. Эта шаткость усложняла ему жизнь, но со временем он научился уживаться с подобными взлетами и падениями. Нынче был идеальный день, один такой стоил двух-трех. Нужно было этим воспользоваться, чтобы продвинуть расследование.

Ориентируясь по старой карте из библиотеки Лоренца, он свернул на Мэдисон-авеню направо, обошел большое зеленое пятно – парк Маркуса Гарви – и вышел на Ленокс-авеню, носившую в этой части Гарлема название «авеню Малколма Х». На углу, у тележки торговца, он подкрепился хот-догом и кофе и продолжил путь на север.

Билберри-стрит, где убили Адриано Сотомайора, оказалась улочкой домов из красного кирпича и каштанов между 131-й и 133-й стрит. Она смахивала на старый Юг: высокие крылечки, разноцветные деревянные балюстрады и веранды.

Минут десять Гаспар бродил по безлюдной улице, ломая голову, как определить, в котором из домов раньше жил полицейский. Фамилии на почтовых ящиках – Фарадей, Томкинс, Ланглуа, Фабиански, Мур – ничего ему не говорили.

– Осторожно, Тео!

– Ладно, папа.

Гаспар пригляделся к компании на другой стороне улицы. Как в фильме Капры, отец и маленький сын тащили здоровенные рождественские сани. Между ними шли красивая, немного надменная метиска и негритянка постарше в прозрачном плаще, желтых кожаных штанах и леопардовой

пилотке.

– Хэлло, – обратился он к ним, перейдя ни их сторону, – я ищу бывший дом мистера Сотомайора. Знали такого?

Отец семейства был вежлив, приветлив и не прочь помочь, но вот беда – только недавно здесь поселился. Он повернулся к метиске, видимо, своей жене:

– Тебе что-нибудь говорит фамилия Сотомайор, дорогая?

Та прищурилась, как будто что-то припоминая.

– Кажется, это там. – Она указала на домик с заостренной крышей. – Я права, тетя Анжела?

Афроамериканка подозрительно покосилась на Гаспара:

– Вот еще, стану я помогать всяким молокососам!

Метиска ласково приобняла ее:

– Перестаньте, тетя Анжела, вы же не такая, зачем притворяетесь?

– Хорошо, не буду, – сразу капитулировала та, поправляя огромные солнечные очки. – Вам в дом двенадцать, к Ланглуа.

– Звучит по-французски, – заметил Гаспар.

Теперь тетя Анжела не скупилась на объяснения.

– После смерти копа – хороший был, между прочим, человек, редкий даже, уж поверьте мне – дом перешел по наследству к его кузине Изабелле. А она замужем за Андре Ланглуа, это инженер из Парижа, работает в Челси, в бизнес-центре Гугл. Для француза он ничего, воспитанный: несколько раз помогал мне подстригать кусты, а когда начинает стряпать, угощает меня иногда своим фирменным кроликом с горчицей.

Гаспар поблагодарил семейство и, пройдя полсотни метров, позвонил в дверь дома, на который ему указали. Это был маленький «браунстоун» с огромным венком из еловых веток и остролиста на двери.

Ему отперла похожая на латиноамериканку женщина с густыми волосами и взглядом *caliente*^[62], в клетчатом кухонном фартуке, с ребенком на руках. Вылитая Ева Мендес^[63].

– Бонжур, мадам, извините за беспокойство. Я ищу дом, где раньше жил Адриано Сотомайор. Мне сказали, что это здесь.

– Может, и здесь, – ответила та немного напряженно. – Что вам нужно?

«Метод Кутанса» состоял в том, чтобы приукрасить правду, немного соврать, но не увлекаться.

– Меня зовут Гаспар Кутанс. Я пишу биографию художника Шона Лоренца. Вы о таком, конечно, не слыхали, но...

– Я не слыхала о Шоне?! – перебила его женщина. – Знали бы вы,

сколько раз он пытался ущипнуть меня за мягкое место!

В жизни Ева Мендес звалась Изабеллой Родригес. Врожденная гостеприимность не позволила ей тянуть с приглашением гостю погреться в кухне. Там Гаспар получил горячий яичный коктейль, правда, безалкогольный. Одновременно с ним этим гоголь-моголем лакомились все трое отпрысков хозяйки.

– Адриано был моим двоюродным братом, – объяснила она, раскрывая семейный альбом. Последовали разъяснения о генеалогическом древе: – Моя мать, Мариселла, была сестрой Эрнесто Сотомайора, отца Адриано. Наше детство прошло в Тиббертоне, это в Массачусетсе, близ Глочестера.

Виды на фотографиях напомнили Гаспару некоторые уголки Бретани: приморские пески, маленькая гавань, примитивные лодчонки борт к борту с траулерами и прогулочными яхтами, лачуги рыбаков и деревянные дворцы судовладельцев.

– Адриано был большой молодец. Чудо, а не парень, – грустно рассказывала Изабелла о своем кузене. – Но не сказать, чтобы жизнь его баловала.

Она показала Гаспару другие старые фотографии. Сценки из детства: кривляющиеся ребятишки брызгаются водой у надувного бассейна, балансируют на перилах терраски под железной крышей. Казалось, такие любую тыкву могли в два счета превратить усилием воображения в сверкающую карету. Но Изабелла поспешила разрушить эту идиллическую картину.

– Прелесть, а не картинка, да? А на самом деле детство у Адриано было не сахар. Его папаша, мой дядя Эрнесто, был человеком суровым, даже жестоким, имел привычку срывать зло на жене и сыне. Скажу начистоту, он поколачивал сына. – Голос Изабеллы сорвался. Отгоняя тяжелые воспоминания, она устремила полный любви взгляд на своих детей. Двое мальчишек, надев наушники, над чем-то хихикали, уставившись в планшет, третий, младший, был поглощен огромной головоломкой – собирал знаменитейшую картину Веласкеса «Менины».

Гаспар с грустью вспомнил собственного отца – такого ласкового, внимательного, любящего. Почему некоторые ломают тех, кому дали жизнь? И почему есть другие, такие любящие, готовые ради отпрысков расстаться с жизнью?

Слишком многие вопросы не имели ответов. Чтобы не сломать голову, он стал припоминать, что услышал полчаса назад от полицейской в 25-м участке.

– Мне сказали, что Адриано рос в приемных семьях...

– Да, спасибо нашей учительнице, миссис Бонинсеня. Это она сообщила в социальную службу графства о побоях, которым подвергал сына Эрнесто.

– Мать Адриано не пыталась его остановить?

– Тетя Бьянко? Она удрала из дому за несколько лет до этого.

– В каком возрасте ваш кузен попал в Нью-Йорк?

– Лет в восемь. Покинул по разным семьям и прижился у Уоллисов здесь, в Гарлеме. С ними ему повезло: они относились к нему как к родному сыну.

Она закрыла фотоальбом и задумчиво добавила:

– В конце концов Адриано и его отец снова встретились...

– Неужели?

– В преклонные годы Эрнесто заболел раком горла. Сын взял его к себе и ухаживал за ним до самого конца. Вот такой благородный человек был мой кузен!

– Давайте вернемся к Шону Лоренцу, – мягко попросил Гаспар.

3

Изабелла сверкнула глазами:

– Я познакомилась с Шоном в восемнадцать лет! Став совершеннолетней, я проводила лето в Нью-Йорке. Иногда ютилась у подружки, но чаще меня пускали к себе Уоллисы.

И она пустилась в воспоминания о добрых старых временах.

– Шон жил дальше, в микрорайоне Поло Граундс Тауэрс. У них с Адриано было четыре года разницы, но они были неразлучны. Я не отходила от них ни на шаг и старалась участвовать во всех их проделках. Шон был в меня немного влюблен, я не возражала. Можно даже сказать, что у нас намечались отношения... – Она тоже отпила гоголь-моголь и несколько секунд собиралась с мыслями. – Совсем другие были времена. Совсем другой Нью-Йорк. Более свободный, но и более опасный. В те годы здесь шагу нельзя было ступить. Все решал кулак, все толкали крэк. – Вспомнив, что рядом дети, она перешла почти на шепот: – Что мы только не делали! Вовсю курили наркоту, угоняли тачки, размалевывали стены. Но

и в музеи хаживали! Помню, как Шон таскал нас в Музей современного искусства на все новые выставки. Благодаря ему я открыла Матисса, Поллока, Сезанна, Тулуз-Лотрека, Кифера. У него уже была мания: непрерывно рисовать на всем, что попадется. – Изабелла немного помедлила, а потом не выдержала соблазна. – Сейчас я вам кое-что покажу! – сказала она с загадочным видом и положила на столик матерчатую сумку. Там находилась картонная упаковка от кукурузных хлопьев с рисунком углем. Под рисунком была подпись: «Шон 1988». Это было стилизованное лицо молодой женщины: шаловливый взгляд, всклокоченные волосы, голые плечи. Рисунок напомнил Гаспару Франсуазу Жило, запечатленную Пикассо. Тот же талант, даже гений. Всего несколькими штрихами Шон сумел запечатлеть все: юную порывистость и изящество Изабеллы вместе с серьезностью, превратившейся в последующей жизни в материнскую ответственность.

– Я берегу это как зеницу ока, – призналась она, снова пряча набросок. – Два года назад, когда в Музее современного искусства устроили ретроспективную выставку Шона и когда произошел весь этот кошмар, я столько всего припомнила...

Теперь Гаспару показалось уместным задать главный вопрос:

– Вы знали Беатрис Муньос?

Изабелла, только что вся светившаяся, нахмурилась и замкнулась. Было видно, как тщательно она подбирает слова для ответа.

– Да, знала. При всем, что Беатрис натворила, она не была... плохим человеком. По крайней мере, я знала ее такой. Как Адриано и многие другие соседские ребята, она была жертвой, девчонкой, обожженной жизнью. Очень печальной, очень измученной. Не любившей себя. – Дальше Изабелла прибегла к метафоре из мира живописи: – Иногда говорят, что картина существует только в глазах того, кто на нее смотрит. То же можно было сказать о Беатрис. Она начинала любить себя, только когда на нее падал взгляд Шона. Сегодня легко об этом говорить, но я жалею, что не помогла ей, когда она вышла из тюрьмы. Кто знает, может, это уберегло бы ее от преступления, которое она потом совершила. Шону я, конечно, этого не говорила, но...

Гаспар не поверил своим ушам.

– Вы встречались с Шоном после гибели его сына?

Ответ Изабеллы был равносителен взрыву гранаты.

– В прошлом декабре, ровно год назад, он позвонил в мою дверь. Я запомнила дату, потому что узнала потом, что это было накануне его смерти.

- В каком он был состоянии? – тихо спросил Кутанс.
- Изабелла горестно вздохнула:
- Скажем так: ему было уже не до моего мягкого места.

– Лицо у Шона было помятое, черты заострились, немытые волосы, густая щетина. Ему можно дать лет на десять больше истинного возраста. Мы не говорили лет двадцать, но я видела его фотографии в Интернете. Передо мной стоял совсем другой человек. Глаза были совсем страшные: как если бы он не спал десять дней подряд или вколол себе героин.

Гаспар и Изабелла перешли на веранду, освещенную тремя медными светильниками. Изабелла захватила с кухни, из тайника между кастрюлями, пакет с недокуренными самокрутками и закурила, не обращая внимания на колючий холод. Наверное, думала, что так ее воспоминания будут не такими болезненными.

– Но дело было, конечно, не в наркотике: Шон был убит горем. Хуже беды не придумаешь. Из него вырвали кусок мяса, резанули по самому дорогому. – Она поспешно затянулась. – Когда Шон сюда явился, мы еще не приступали к ремонту. Тогда мы с Андре, моим мужем, только-только сюда въехали и решили посвятить последние недели года тому, чтобы убрать из дома все лишнее.

– Вы были единственными наследниками Адриано?

Изабелла утвердительно кивнула:

– Его родители умерли, братьев и сестер у него не было. Но процедура вступления в права была длительной, в доме еще оставались все его вещи. Они Шона и интересовали.

Гаспара охватило охотничье возбуждение. Он чувствовал, что находится на пороге важного открытия.

– Шон не стал затевать долгих разговоров, – продолжила Изабелла. – Показал мне фотографии малыша Джулиана и объяснил, что не верит в официальную версию его гибели.

– Он сказал, почему?

– Сказал только, что Адриано сам, никого не привлекая, возобновил расследование.

Оба не заметили, как стемнело. В соседних садах зажглись гирлянды, осветившие елки, кусты, изгороди.

– Что именно хотел найти Шон у вас в доме?

– Хотел взглянуть на вещи Адриано. Вдруг тот перед смертью оставил что-то связанное с новым расследованием?

– Вы ему поверили?

– Не очень-то, – ответила она грустно. – Говорю же, он был совершенно не в себе, прямо как в бреду, чуть ли не разговаривал сам с собой. Если совсем начистоту, я даже испугалась.

– Тем не менее вы его впустили, – догадался Гаспар.

– Впустить впустила, но, пока он здесь рылся, гуляла с детьми в «Ист-Ривер Плаза»^[64]. За Шоном приглядывал мой муж.

– Не знаете, он что-нибудь нашел?

Изабелла улыбнулась и махнула рукой.

– Кавардак устроил знатный, это точно! Пооткрывал все ящики, все шкафы, все перерыл. По словам Андре, вроде бы он ушел не с пустыми руками.

Гаспар с трудом сдерживал нетерпение.

– Что он унес?

– Думаю, документы.

– Какие документы?

– Вот уж не знаю! Андре обмолвился о картонной папке, которую Шон спрятал в свою кожаную сумку.

– Что было в папке, вы не знаете? – проявил настойчивость Гаспар.

– Не знаю и знать не хочу! Что бы это ни было, мертвых не воскресить. Вы другого мнения?

Гаспар не стал на это отвечать, а задал новый вопрос:

– У вас сохранились вещи кузена?

Изабелла покачала головой:

– Нет, давно все выбросили. Честно говоря, кроме машины и хорошего американского холодильника, у Адриано не было ничего стоящего.

Расстроенный, Гаспар понял, что рано воодушевился: больше ничего он у кузины Сотомайора не выведает.

– Вы не могли бы расспросить мужа? Вдруг он вспомнит что-нибудь еще?

Изабелла, кутаясь в теплую куртку, кивнула. Гаспар записал на сигаретной пачке номер ее сотового телефона.

– Это очень важно! – со значением проговорил он.

– Не пойму, какой толк во всем этом копать. Малыш погиб, разве нет?

– Sans doute^[65], – подтвердил он по-французски и поблагодарил

женщину за помощь.

Изабелла проводила взглядом странного посетителя и раздавила окурок в глиняном поддоне цветочного горшка. Он сказал «sans doute». Французский она понимала, но логика этого выражения от нее всегда ускользала. Всякий раз, слыша его, она удивлялась, почему оно значит «peut-être»^[66], а не «sans aucun doute»^[67].

Не забыть спросить об этом у мужа!

Пенелопа

«После Пикассо есть только Бог».

Я часто смеялась над этой фразой Доры Маар, но ныне слышу в этих словах бывшей музы каталонского гения истинный трагизм. Ибо я сама чувствую то же самое. После Шона Лоренца остался только Бог. А раз в Бога я не верю, то *после Шона Лоренца нет уже ничего*.

Спасаясь от твоего призрака, я почти забыла, насколько чувствительна была к твоей живописи, Шон. Но после того как этот Гаспар Кутанс показал мне твое последнее полотно, оно не перестает меня преследовать. Неужто смерть и правда такая? Белая, мягкая, убедительная, светлая? Неужто там, на этой территории, где, кажется, нет больше страха, обретаешься теперь ты, Шон? А наш сын, он с тобой?

Со вчера я цепляюсь за эту мысль.

Я хорошо спала этой ночью, потому что приняла решение и мне полегчало. Утро я провела с улыбкой на губах, штопая цветастое платье. То самое, что было на мне, когда ты впервые увидел меня в Нью-Йорке в тот день, 3 июня 1992 года. Знаешь что? Оно по-прежнему эффектно! Еще я нашла свою старую короткую кожаную куртку, хотя не ту, от Doc Martens, в которой была в тот день. Натянула сапожки из как бы потрескавшейся кожи – ты их любил – и вышла. Доехала в метро до «Порт де Монтрей», потом долго шла пешком «легко и коротко одетая»^[68].

За улицей Адольф-Сакс я нашла заброшенную станцию малого метрокольца. Ничего там не изменилось после того, как ты устроил мне там полуночный пикник. Сама постройка густо поросла кустами и разрушается. Двери и окна замурованы, но, помнится, раньше на платформу можно было попасть по лестнице из подсобки. Я включила в телефоне фонарик и спустилась на пути. Сначала шла не в ту сторону, потом вернулась и нашла туннель, ведущий в старое депо.

Ты не поверишь: тот старый вагон все еще там. Парижская компания

общественного транспорта располагает сокровищем стоимостью в миллионы евро, застрявшим в разрушающемся ангаре, и никто еще не спохватился!

Против твоих раскаленных красок бессильны и ржавчина, и пыль. Мой образ все так же пламенеет на грязном шершавом боку метровагона. Моя торжествующая молодость сильнее времени и тьмы. Буйные волосы ласкают мое тело принцессы, обвиваются вокруг моих двадцатилетних ног, тянутся к груди и к лону. Этот образ я хочу унести с собой.

Я залезаю в вагон. Там грязь, черно, все в густой пыли, но мне не страшно. Я сажусь на откидное сиденье и открываю сумочку, великолепную сине-белую Bulgari из плетеной кожи – ты подарил мне ее весной, перед рождением Джулиана. Из нее я вынимаю заряженный Mathurin 73, подарок моего отца, его бывшее служебное оружие. У меня всегда должно было быть средство самообороны. Но сегодня самоубийство – вот что такое самооборона.

Я вставляю дуло себе в рот.

Я по тебе соскучилась, Шон.

Знал бы ты, какое облегчение для меня снова тебя обрести! Тебя и нашего мальчугана.

В это мгновение, за секунду до того, как нажать на курок, я задаю себе один вопрос: зачем столько ждала, почему давно не поспешила к вам?

Лесной царь

24 декабря, суббота

16. Американская ночь

Есть что-то в воздухе Нью-Йорка, отчего сон теряет смысл.

Симона де Бовуар^[69]

1

В четыре часа утра Маделин была полна сил.

Она проспала целых десять часов целительным сном: беспросыпным, глубоким, избавленным от всех кошмаров и всех призраков. Боль в животе не прошла, но стала немного слабее, ее почти можно было терпеть. Маделин встала, раздвинула шторы и выглянула на Гринвич-стрит, уже оживленную. Дальше, между двумя зданиями, грозно поблескивал Гудзон.

На экране ее мобильного высветились пропущенные вызовы – ей трижды звонил Бернар Бенедик. Что он хочет от нее? В любом случае ему придется подождать, пока что она хочет есть.

Джинсы, футболка, свитер с капюшоном, куртка. Выйдя из номера и увидев на пороге заклеенный конверт, она вскрыла его в лифте: целых три страницы! Кутанс не поленился и подробно отчитался о посещении Изабеллы, кухни Адриано Сотомайора. Кроме того, он просил при первой же возможности ему позвонить и договориться о месте встречи. Полная решимости ничего не предпринимать до завтрака, Маделин решила прочитать письмо позже, сложила его и засунула в карман.

Отель если и спал, то только вполглаза. Утро 24 декабря – время, когда разъезжаются транзитные постояльцы. Двое молодых носильщиков складывали в багажники чемоданы. У кого-то стоял под парами самолет, кого-то ждали лыжные подъемники в Аппалачах.

Маделин ждал всего-навсего уютный камин в нижнем салоне «Бридж Клуб». Здесь, при рассеянном свете, легко можно было представить, что ты находишься в старом английском клубе: диваны «Честерфилд» и обитые кресла, книжные шкафы из красного дерева, африканские маски, головы диких животных – того и гляди завращают глазами. Маделин выбрала

кресло-шар, перенесшееся сюда из 1960-х годов и диссонировавшее с остальной обстановкой. Из-за грандиозной рождественской ели, тянувшейся к потолку в центре зала, вышел лакей в белой ливрее. Заглянув в меню, Маделин заказала черный чай, рикотту с козьим молоком и кростини. В Париже и в Мадриде было уже как-никак десять утра. Несмотря на бойкий огонь в камине на расстоянии не более метра, ее знобило. Кое-как помог согреться плед из грубой шерсти с соседнего кресла.

«Бабуся, греющаяся у печки, – вот в кого я превратилась!» – подумала она и горестно вздохнула. В ней не осталось ни искорки grinta, как называют итальянцы «священный огонь» в душе. Она вспомнила статью в «Нью-Йорк Таймс Магазин», которую ей показывал в Мадриде Кутанс. Куда подевалась та волевая, боевитая женщина, не жалевшая себя и не разжимавшая хватку до победного конца? На фотографии в журнале у нее было заостренное лицо с решительными чертами, настороженный взгляд. Где она, та Маделин?

В голову полезли ключевые эпизоды самых памятных уголовных дел, и она с радостью поймала себя на прежнем безумном, пьянящем чувстве, которое охватывало ее всякий раз, когда она спасала кому-то жизнь. Это всегда была недолгая, но восхитительная эйфория, как если бы она взваливала на себя все невзгоды рода людского и одерживала победу. Чувства сильнее этого она не знала. Вспомнилась маленькая Элис Диксон, которую она нашла живой после многолетних поисков, но потом, увы, потеряла из виду. До Элис был другой ребенок, Мэттью Пирс, которого она вырвала из когтей двуногого хищника. Где он теперь? Даже когда расследования завершались успехом, эйфория быстро сменялась разочарованием. Всякий раз до нее доходила безжалостная истина: эти дети, обязанные ей жизнью, все равно были ей чужими. Она больно ударялась о реальность, и для поправки ей срочно требовалось новое дело. Новая инъекция адреналина, обязательный антидепрессант. Змея раз за разом кусала себя за хвост.

Официант принес на подносе завтрак и расставил его перед Маделин на столике. Она проглотила тартинки и выпила чай перед равнодушной доколумбовой статуэткой, несшей стражу на полке по соседству, – повторением рисунка из «Сломанного уха»^[70].

Маделин никак не могла поверить в бредни Кутанса. Вернее, не хотела принимать вытекающих из этих бредней последствий. Тем не менее факты говорили сами за себя: пребывая в уверенности, что его сын выжил, Шон Лоренц наткнулся на статьи о некоторых ее прошлых расследованиях и решил, что она сможет ему помочь. После безуспешных звонков в отдел нерасследованных дел нью-йоркской полиции он воспользовался своей последней поездкой в Нью-Йорк, чтобы ее найти. Сердечный приступ свалил его посреди 103-й стрит, когда до места ее прежней службы было рукой подать.

Беда в том, что Маделин обо всем этом понятия не имела. Год назад, как раз в эти дни, она уже не работала в полиции Нью-Йорка и вообще покинула город. Симптомы депрессии появились в середине осени, и в ноябре она подала в отставку и вернулась в Англию. Чего ради прокручивать назад пленку? Даже если бы она тогда повстречалась с Лоренцом, от этого не было бы проку. Она бы ему не поверила, как сейчас не верила Кутансу. И помочь не смогла бы. Ей не поручали этого дела, и расследовать его у нее не было бы никакой возможности.

После рикотты она схватилась за живот. Опять! Боль вернулась, живот раздуло, словно она за пару минут прибавила пять кило. Она незаметно расстегнула ремешок и достала из кармашка блузки таблетку парацетамола.

Ее мысли вернулись к Гаспару. В разговоре с ним она бы ни за что в этом не призналась, но он ее ошеломил. Даже отвергая его выводы, она не могла не оценить его упорство и острый ум. Ничего не имея под рукой, он сумел задать уместные вопросы и нащупать ниточки, ускользнувшие от внимания бывалых сыщиков.

Она достала из кармана его подробный, местами даже слишком, отчет. Три листа с обеих сторон аккуратным ученическим, даже скорее женским, почерком – округлым, с завитушками – плохо совмещался, с точки зрения Маделин, с характером Кутанса, как она его понимала. У нее вызвало сомнение утверждение Изабеллы, что Шон ушел от нее с документами Сотомайора. Если так, почему их не нашли на теле Лоренца или в его гостиничном номере? Немного подумав, она набрала номер Бернара Бенедика.

Галерист ответил сразу. Он был вне себя.

– Мадемуазель Грин! Вы не держите слова!

– Это вы о чем?

– Вы отлично знаете: о третьей картине! О той, которую вы оставили себе! Вы заморочили мне голову вашими...

– Ничего не понимаю из того, что вы мне говорите, – перебила она

его. – Я просила господина Кутанса отдать вам все три картины.

– А он отдал только две!

Она вздохнула. Об этом Кутанс ее не предупредил.

– Я узнаю у него, что произошло, – пообещала она. – А пока удовлетворите мое любопытство. По вашим словам, после смерти Лоренца вы забрали из отеля его вещи.

– Да, одежду и еженедельник.

– Из «Бридж Клуб», что в ТрайБеКе?

– Да. Я попросил, чтобы мне позволили самому порыться в его комнате.

– Вы не помните номер комнаты?

– Шутите? Целый год прошел!

Ее посетила еще одна мысль.

– Когда санитары пытались реанимировать Лоренца на 103-й стрит, при нем были личные вещи?

– Бумажник, больше ничего.

– А картонная папка? Кожаная сумка?

На том конце долго молчали.

– Верно, у Шона была кожаная дорожная сумка, он с ней никогда не расставался. Старая Berluti, подарок жены. Я не знаю, куда она делась. Почему вы спрашиваете? Продолжаете расследование? Из-за статьи в «Паризьен»?

– Какая статья?

– Сами увидите. А пока я требую возвращения третьей части триптиха!

– По-моему, вы ничего не можете требовать! – отрезала Маделин и нажала «отбой».

Массируя себе веки, она старалась восстановить логику событий. Если Изабелла сказала Кутансу правду, то прошло меньше суток между уходом от нее Шона с документами Сотомайора и его кончиной. Этого времени было достаточно, чтобы художник смог их кому-то передать. Или где-то спрятать свою сумку. Такой поступок соответствовал представлению Маделин о состоянии Лоренца перед смертью: фантазии, волнение, почти паранойя. Если спрятал, то где? Шон давно был в Нью-Йорке чужим: ни родни, ни друзей, ни дома. Проще всего было бы спрятать сумку в гостиничном номере.

Что-то предпринять. Немедленно!

Маделин встала и побрела в вестибюль. За величественной деревянной стойкой возвышалась Лорен Эшфорд – так значилось на ее

бейдже: очень крупная и до невозможности красивая молодая особа, воплощавшая собой, казалось, великолепие и роскошь самого «Бридж Клуб».

– Здравствуйте, мадам.

– Здравствуйте. Я мисс Грин из комнаты тридцать первой, – представилась Маделин.

– Чем я могу быть вам полезна?

Лорен говорила вежливым, но не сердечным тоном. Ее потрясающему темно-синему платью следовало бы красоваться на подиуме в разгар «Недели моды», а не в гостиничном вестибюле. Маделин вспомнился наряд Королевы Ночи в «Волшебной флейте», которую она смотрела в Ковент-Гарден.

– Год назад, девятнадцатого декабря, у вас в отеле поселился художник Шон Лоренц.

– Весьма вероятно, – ответила дежурная, не поднимая голову от монитора.

– Мне надо знать, в каком номере он останавливался.

– Я не имею права сообщать эти сведения, мисс.

Лорен произнесла это почти по слогам. Продуманным был не только ее наряд, но и прическа – сложная конструкция из жгутов и прядей, удерживаемая заколками с драгоценными камнями.

– Понимаю, – сказала Маделин со вздохом.

На самом деле она не понимала ровным счетом ничего. Более того, она еле сдерживалась, чтобы не схватить Королеву Ночи за волосы и не разбить о ее голову монитор компьютера – или голову о монитор, тут не угадаешь...

Она ретировалась на тротуар перед отелем, чтобы выкурить сигарету. Стоило носильщику распахнуть для нее обе створки двери, как ее охватил колючий холод. «За все надо платить», – подумала она, ища в карманах зажигалку. Тьму полярной ночи осветило мигание вибрирующего телефона: два звонка, сразу два эсэмэс.

Первое – длинное послание от Луизы, медсестры-испанки из мадридской клиники репродукции, о том, что 16 взятых у нее овоцитов оказались пригодными. Биолог клиники предлагал половину из них оплодотворить спермой донора-анонима, а другую половину заморозить.

Маделин ответила согласием и заодно пожаловалась на боли. Ответ медсестры не заставил себя ждать: «Это инфекция или гиперстимуляция. Приходите в клинику».

«Не могу, – написала Маделин. – Я не в Мадриде».

«Где вы?» – спросила Луиза.

На это Маделин не стала отвечать. Второе эсэмэс, от Доминика Ву из ФБР, содержало приятную неожиданность.

«Привет, Маделин. Если ты в наших краях, загляни к 8 часам в Хобокен-Парк».

Она не стала медлить: «Привет, Доминик. Ты уже на ногах?»

«Еду в спортзал», – ответил тот.

Маделин закатила глаза. Она прочла где-то, что в пять утра в Нью-Йорке резко возрастает потребление электричества, отчасти из-за работы фитнес-центров, клиенты которых приступают к занятиям все раньше.

«У тебя что-то есть для меня?»

«Не по телефону, Маделин».

Понимая, что больше ничего не добьется, она свернула разговор: «Хорошо, до встречи».

Зажав в зубах сигарету, она обнаружила, что потеряла зажигалку, и уже хотела вернуться в вестибюль, как вдруг перед ее лицом взметнулось высокое пламя, на секунду пробив теплую дыру в ледяном холоде раннего утра.

– Я подобрал это на кресле, вы ее выронили, – сказал молодой портье.

Маделин закурила и поблагодарила его кивком. Парню не было и двадцати лет. Она обратила на него внимание несколько минут назад: ясный взгляд, непослушный чуб, обольстительная шаловливая улыбка, наверняка сводившая с ума девушек.

– Шон Лоренц снимал комнату сорок первую, – сказал он, отдавая ей зажигалку.

3

Маделин решила, что ослышалась, и попросила его повторить.

– Художник проживал в комнате сорок первой, – произнес портье. – Угловая комната, как ваша, но выше этажом.

– Откуда ты знаешь?

– У меня хороший слух. Вчера вечером тот же вопрос задал мистер Кутанс, и Лорен ответила.

Маделин не поверила своим ушам: Кутанс сумел разговаривать ломаку с ресепшн! Она представила себе эту сцену: в пиджаке Smalto, со взглядом кокер-спаниеля и запахом лаванды, Кутанс исполнил фокус соблазнения и добился своего. Старый шалун, фигляр, но свое дело знает!

– Он просил еще о чем-нибудь?

– Просил пустить его в номер, но Лорен отказала.

Эта неудача Кутанса доставила Маделин предосудительное удовольствие: все же обаяние Кутанса имело пределы.

– Как тебя зовут?

– Кайл, – сказал портье.

– Давно здесь работаешь?

– Полтора года, но только по выходным и в каникулы.

– В остальное время учишься?

– Да, в университете.

Его зеленые глаза пронзали насквозь, сверкающий взгляд был скорее люциферовским, чем благожелательным.

– В прошлом году здесь залило часть четвертого этажа, – поведал он, хотя Маделин ни о чем таком не спрашивала. – Был настоящий потоп!

Несмотря на свою молодость, Кайл ее смущал. В его изумрудных глазах был виден ум, но взгляд таил угрозу.

– Оказалось, все дело в системе кондиционирования, – продолжил он. – Забилась отводящая трубка. Пришлось ремонтировать потолки во многих номерах, в том числе в сорок первом.

– Почему ты мне это рассказываешь?

– Ремонт продолжался три недели. Я оказался рядом, когда каменщики нашли кое-что между подвесным и главным потолком. Кожаную дорожную сумку. Я вызвался отнести ее на ресепшн.

– Но не донес, а оставил себе, – догадалась Маделин.

– Ага.

Она поняла, что парень играл глазами не с целью вульгарного флирта: она угадала холодный расчет и порочность. Ей стало еще холоднее.

– Сумка была хороша, хотя кое-где краска совсем стерлась. Но это то самое, чего теперь все хотят, вы заметили? Новое никому не нужно. Можно подумать, что будущее лежит в прошлом. – Он дождался, пока до нее дойдет его намек. – Я получил за нее на eBay девятьсот долларов, она ушла мигом. Я знал, кому она принадлежала, имя было вышито внутри, как будто сумка была подарком.

– Ты ее открывал?

– Я и раньше слышал про Шона Лоренца, но его картин, честно говоря, не видел. Посмотрел на них в музее Уитни и сильно удивился. Они оказывают дестабилизирующее действие, потому что...

– Не обязательно пересказывать прочитанное в Википедии, – перебила она его. – Просто скажи, что было в сумке.

Может, Кайл и обиделся, но виду не подал.

– Странные штуки, – ответил он с притворной искренностью. – Так и знал, что к ним рано или поздно проявят интерес. Вчера, услышав вопросы мистера Кутанса, я понял, что время пришло. Я принес из дому вот это.

Жестом затеявшего пакость эксгибициониста или торговца ворованными часами он распахнул форменную куртку и продемонстрировал папку из ламинированного картона.

– Дай это мне, Кайл. Я веду дело вместе с Кутансом. Мы с ним заодно.

– Тем лучше. Тысяча долларов. Столько я собирался стребовать с него.

– Я из полиции, – соврала она.

Но Кайла голыми руками было не взять.

– Мой отец тоже из полиции.

Она подумывала, не схватить ли его за горло и не отнять ли папку силой. Физически она бы справилась, но что-то в Кайле пугало ее не на шутку. Ее бабушка говаривала, что в некоторых людях сидит дьявол. Если так, то к ним принадлежал и Кайл. Попытка его переиграть обернулась бы против нее самой.

– При мне нет штуки баксов.

– Тут рядом банкомат, до него меньше тридцати метров, – подсказал он и указал на освещенный Duane Reade^[71].

Маделин прикурила от окурка новую сигарету и капитулировала. Этот паренек был явно не промах. Орудие зла, вот он кто!

– Ладно, жди здесь.

Она перешла на другую сторону Гринвич-стрит и нашла внутри магазина банкомат. У нее были сомнения, позволит ли ее кредитка снять столько наличности, но, едва она ввела код, банкомат начал послушно отсчитывать купюры по пятьдесят долларов. Маделин вернулась к отелю с мыслью, что все складывается подозрительно просто. В подарки, падающие с небес, она не верила. Посередине мостовой завибрировал ее мобильный. Бенедик прислал эсэмэс с ссылкой на статью в «Паризьен». Даже не открывая ее, можно было прочесть «шапку»: «Трагическая гибель Пенелопы Курковски, манекенщицы-звезды 1990-х, бывшей жены художника Шона Лоренца».

Вот дерьмо...

Она застыла перед входом в отель, не зная, что подумать.

– Принесли деньги?

Парень завершил смену и уселся на дорогой спортивный велосипед. Он спрятал деньги в карман, отдал Маделин папку и быстро укатил в темноту.

Маделин испугалась, что ее разыграли и провели, как желторотую

дурочку.

Но нет. Она открыла папку и стала читать содержимое при свете уличных фонарей.

Так она познакомилась с Лесным царем.

17. Лесной царь

Родимый, лесной царь нас хочет догнать; Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Иоганн Вольфганг фон Гёте.

Лесной царь

1

Сидя в кресле в салоне отеля «Бридж Клуб», Маделин испуганно жмурилась от собственного отчаянного сердцебиения.

На столике перед ней были разбросаны страницы мрачного досье, на изучение которого она потратила уже час. Адриано Сотомайор – его составителем был, без сомнения, он – собрал десятки статей в виде газетных вырезок и распечаток из Интернета, протоколы допросов и вскрытия тел, отрывки о серийных убийцах из серьезных исследований.

Все это было связано с серией похищений и убийств детей в штатах Нью-Йорк, Коннектикут и Массачусетс с начала 2012-го до лета 2014 года. Все четыре страшных и при этом странных убийства объединял способ совершения, ставивший следствие в тупик.

Началом послужило похищение в феврале 2012 года двухлетнего Мейсона Мелвила в парке Шелтона, графство Фэрфилд. Его тело нашли почти через три месяца около пруда в Уотербери, другом городке в Коннектикуте.

В ноябре 2012-го исчез четырехлетний Калед Коффин, игравший в беседке родительского сада в Уолтхэме, Массачусетс. Труп через три месяца нашли гуляющие в болотистом районе Белых гор.

Похищение в июле 2013 года поставило всех на уши: Томаса Штурма похитили на Лонг-Айленде глубокой ночью из дома его отца, немецкого архитектора Матиаса Штурма, мужа известной ведущей телеканала ZDF. В Германии это дело было у всех на устах. В какой-то момент под подозрение

попал отец ребенка, потому что супруги находились в процессе сложного развода. Немецкие таблоиды во главе с «Бильд» как с цепи сорвались: они уничтожали Штурма, множа скандальные разоблачения его частной жизни. Архитектор даже попал на короткое время за решетку, но потом, в начале осени, тело Томаса было найдено близ озера Сенека в штате Нью-Йорк. Тогда «Шпигель», вдохновившись поэмой Гёте, и прозвал загадочного хищника Erlkonig – Лесным царем.

Четвертая трагедия разразилась в марте 2012-го в парке Чикопи, Массачусетс, где пропал маленький Дэниел Рассел, чья нянька ненадолго ослабила бдительность. Тело нашли через три недели в соленых болотах Олд-Сейбрука, лечебного курорта в Коннектикуте.

Потом... ничего. С лета 2014 года Лесной царь не давал о себе знать.

2

Маделин отпила еще черного пуэра со вкусом лотоса, который придавал ей сил с момента пробуждения. Было шесть утра. В салоне «Бридж Клуб» появились люди. Большой камин как магнит притягивал ранних пташек, застывавших перед танцевавшим в очаге пламенем.

Массируя себе виски, Маделин напрягала память. В последние годы ее службы в Нью-Йорке пресса не оставляла тему Лесного царя, но у нее остались о той волне убийств только смутные воспоминания: она продолжалась два года, связь между эпизодами была осознана не сразу. Отдел, где работала Маделин, не был задействован в расследовании...

Но уже тогда ее насторожило одно обстоятельство, присущее преступлениям этого типа: тела всех четырех жертв остались нетронутыми. Ни изнасилования, ни следов дурного обращения, ни специфических инсценировок. Согласно отчетам патологоанатомов, лежавшим теперь перед ней, похитители хороши кормили своих жертв. Тела были чистыми, надушенными, ухоженными, волосы постриженными, одежда стираной. Смерть во всех случаях не была мучительной, ее вызывала передозировка лекарств. Этот вывод не делал само убийство менее отвратительным, а только затруднял осмысление содеянного.

Читая досье, Маделин догадывалась, что все криминологи, психиатры и прочие эксперты ФБР обломали зубы, напрасно силясь опознать и задержать психопата. В том, что Лесной царь уже два года воздерживался от убийств, не было ни капли их заслуги.

Еще глоток чая, попытки устроиться в кресле поудобнее, чтобы не

мучили спазмы в животе. Бездействию серийного убийцы обычно не приходилось искать много объяснений. Чаще всего причиной были либо смерть, либо тюремное заключение по другим обвинениям. Обстояло ли дело таким же образом и здесь?

Еще больше ей не давал покоя другой вопрос. Какова связь между делом Лесного царя и похищением Джулиана Лоренца? Раз Шон завладел этим уникальным досье, значит, Адриано Сотомайор, по его мнению, считал Лесного царя возможным похитителем его сына. Правда, ни один документ этого предположения не подтверждал. Ни в одной статье из досье малышу Джулиану не было посвящено даже словечка.

Несмотря на примерное совпадение дат, оставалось непонятно, из чего исходил полицейский, когда делал вывод, что Джулиан мог оказаться пятой жертвой убийцы. И почему тело так и не нашли?

Вопросы накапливались, объяснение даже не брезжило. В голове Маделин вырос густой лес из вопросительных знаков, заколдованный лабиринт, в котором она тщетно искала нить Ариадны. Пока что понять что-либо было совершенно невозможно. Лоренц плохо соображал от горя, Сотомайор был скромным сотрудником, дослужившимся всего лишь до лейтенантского звания, и его горизонт был недалеким. Эта история вскружила ему голову, он разглядел в поиске следа серийного убийца на бумаге возможность выйти на похитителя Лоренца-младшего.

В мыслях она не отвергала даже самые невероятные версии. Что, если Беатрис Муньос была Лесным царем? А priori это не было абсурдом. Даты убийств могли совпадать, но проверить версию Маделин не могла. Переходя от одного соображения к другому, она припомнила одно из предположений Кутанса и попробовала его уточнить на основании того, что поняла недавно: вдруг самого Сотомайора тоже убил Лесной царь? Нет, это уже слишком! Она пыталась решить уравнение со слишком большим количеством неизвестных. Но отступить было не в ее правилах, и она решила рыть дальше.

Маделин схватила телефон и нашла в Интернете ту статью в «Шпигель», где убийцу впервые назвали Erlkonig. При помощи переводчика Гугл и своих давних, еще школьных, познаний в немецком она перевела статью, представлявшую собой короткое интервью с Карлом Деплером, бывшим следователем из Мюнхена. К нему часто обращались за

разъяснениями по разным делам журналисты.

Работая с другими источниками, Маделин наткнулась на гораздо более подробную и любопытную статью в ежедневной Die Welt: дискуссию Деплера и некоего профессора немецкой культуры. Это был захватывающий спор, выявивший аналогии между образом действий американского убийцы и фигурой Erlkonig в немецком фольклоре.

Сам этот термин изобрел не Гёте, но его поэма, сочиненная в конце XVIII века, сделала Лесного царя чрезвычайно популярным. В газете воспроизводились сильные, волнующие отрывки из этого произведения, где отец и малолетний сын преодолевают густую сумрачную лесную чащу, опасную территорию, где властвует неведомое грозное существо.

В тексте поэмы переплетались два диалога. Маленький мальчик боится чудища, отец тщетно пытается его успокоить. Потом Царь пытается заманить беззащитное дитя в свои сети. Сначала он старается его приласкать, потом переходит к угрозам, проявляя всю свою безжалостность:

Дитя, я пленился твоей красотой,
Неволей иль волей, а будешь ты мой.

Видя, что сын в панике, отец пускает коня галопом, чтобы скорее унести из гибельной чащобы. Но завершение поэмы не оставляет сомнений в печальной участи ребенка:

Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Это произведение служило источником вдохновения для многих творцов – Шуберт сочинил по его мотивам знаменитую Lied^[72]. Но в данном случае гораздо важнее было то, что мощно звучащий в нем мотив рокового нападения и похищения стал основой для трудов многих психологов и психиатров в XX веке. Для некоторых поэма была прозрачной метафорой изнасилования. Другие усматривали в ней двойственность отцовского образа, то сулящего защиту, то грозящего муками.

Маделин продолжила чтение. Оба знатока настаивали в статье на том, что всех жертв Лесного царя находили вблизи воды, рядом с зарослями ольхи^[73]. Следовавшее из этого объяснение было понятнее ботаникам, чем

полицейским.

Ольха, напоминала статья, – дерево, растущее на влажных почвах: у болот, на берегах рек, в подлеске, куда никогда не проникают солнечные лучи. Благодаря своей высокой влагоустойчивости ольха часто идет на сваи, понтоны, некоторые виды мебели, музыкальные инструменты. Помимо физических свойств, ольха воспета в мифах. В Древней Греции она символизировала жизнь после смерти. В кельтской культуре друиды считали ее символом воскрешения. Викинги делали из древесины ольхи свои волшебные жезлы, ее дым при поджигании был частью ритуала колдовства. В других краях ольха, красный сок которой похож на кровь, была священным деревом, которое запрещалось рубить.

Что из всего этого следовало? Как связать эту насыщенную символику с мотивами убийцы? Автор статьи остерегался делать какие-либо выводы. У Маделин возникло чувство, что она пересекла новую черту, вошла в новый круг враждебной и мглистой «ничейной земли». Заходить на территорию Лесного царя было смертельно опасно.

18. Заиндевелый город

*Знаю, моя жизнь будет бесконечным скитанием в
неведомых морях.*

Николя де Сталь

1

С семи утра Маделин переминалась перед дверями агентства FastCar на углу Гансевурт и Гринвич-стрит.

Аренда автомобиля в США, убеждала она себя, – плевое дело, но поскольку она не забронировала по Интернету, ей пришлось заполнять бесконечные формуляры, стоя в холодном зале перед противным клерком по имени Майк, предпочитавшим трепаться с приятелями по мобильному, вместо того чтобы помогать клиентке. Даже в Нью-Йорке принципу «клиент всегда прав» пришел, как видно, конец.

Выбор машин ограничивался экологичным малышом «Спарк», внедорожником «Субару» и пикапом «Шевроле Сильверадо».

– Мне «Спарк», – решила Маделин, тыча пальцем в буклет. Здоровенная махина была ей ни к чему.

– Остался только пикап, – буркнул Майк, сверившись с компьютером.
– Вы только что называли несколько вариантов!
– Не туда посмотрел, – ответил он, грызя ручку. – Остальные уже зарезервированы.

Маделин хмуро сунула ему свою кредитную карточку. Делать нечего, она бы согласилась и на грузовик с прицепом.

Получив ключи, она медленно проехала несколько кварталов, осваиваясь с управлением мастодонтом, а потом выехала на автостраду, связывавшую Манхэттен на уровне ТриБеКа с Нью-Джерси.

Для субботы 24 декабря движение было более-менее ровным. Всего за четверть часа она достигла противоположного берега и нашла место на парковке паромной переправы.

Раньше Маделин не бывала в Хобокене и, выйдя со стоянки, отдала должное пейзажу. С берега Гудзона открывался потрясающий вид на Манхэттен. Солнце, отражавшееся от стен небоскребов, делало картину совершенно фантастической: оно высвечивало неожиданные детали, как на гиперреалистических полотнах Ричарда Эстеса^[74]. От этого красновато-коричневого, с золотым отливом, стоп-кадра невозможно было оторвать взгляд.

Она прошла сотню метров по дощатому променаду с зелеными островками-лужайками, откуда можно было бесконечно разглядывать парк Хай-Лайн и Гринвич-Виллидж. С этой смотровой площадки не хотелось уходить. Поворот головы – и на юге вырастали вечные символы американской истории: озаряющая остальной мир серо-зеленая Свобода и островок, через который прошли предки ста миллионов американцев^[75]. Обычно здесь кишели велосипедисты и бегуны, но сейчас лютый холод почти всех разогнал.

Маделин присела на скамейку, подняла капюшон, прячась от ледяного дыхания Гудзона, поглубже засунула руки в карманы. От мороза щипало глаза. Жгучая слеза, поползшая по ее щеке, не свидетельствовала ни о грусти, ни об унынии. Наоборот!

Как ни стыдно ей было в этом признаваться даже самой себе, перспектива поиска Лесного царя придавала ей бодрости. Это была та искра, которой она заждалась. Теперь в ней ожил охотничий инстинкт. Именно он и был, к ее собственному удивлению, ее определяющим качеством. Она никогда в этом не сомневалась – и продолжала удивляться.

От себя не убежишь. Взять Гаспара Кутанса: вопреки видимости, он был трогательным персонажем. Мизантроп, якобы презирующий весь род

людской, он на самом деле любил людей и не мог не отреагировать на историю об отце, сломленном гибелью сына. Маделин была слеплена из другого теста. Назвать ее сентиментальной не повернулся бы язык. Скорее она была следопытом, умело отслеживающим крупную дичь. В ее жилах бурлила черная кровь, кипящая лава, то и дело пузырившаяся в черепной коробке. Эту магму нельзя было ни охладить, ни направить в безопасное русло.

То, что она рассказала Кутансу, не было ложью. Преследование убийц губит твою собственную жизнь, потому что заставляет осознать, что ты тоже, по сути, убийца. И что это тебе по душе. Именно это и приводило ее в тяжелое недоумение. «Кто сражается с чудовищами, тот должен остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем»^[76]. При всей кажущейся избитости этого изречения суть его остается неопровержимой. Пока продолжается преследование, ты не слишком отличаешься от того, кого преследуешь. От этой истины все ее победы имели горький привкус. Как бы ты ни воображала, что одолела зло, его зародыш неискореним. Он сидит в тебе самой. *Post coitum triste*^[77]. Она глубоко вдохнула морозный воздух, чтобы успокоиться. Пора было спуститься с небес на землю. «Будь реалисткой, моя малышка! В одиночку тебе не раскрыть дело, измотавшее нервы лучшим ищейкам страны».

И все-таки... Маделин не могла избавиться от мысли, что ей преподнесли на блюде уникальное дело. Все сыщики в мире мечтают хотя бы раз в жизни получить такой подарок. Это обстоятельство затмевало все: и процедуру искусственного оплодотворения, и перспективу мирной жизни с соской и пеленками вместо револьвера и наручников.

Все перевешивала пролитая кровь.

И опьянение охоты.

– Привет, Маделин.

От чужой руки у себя на плече она подпрыгнула. Углубившись в свои мысли, она не услышала шагов Доминика Ву.

Гаспара разбудил звонок телефона – бесноватая самба, при звуках которой ему успел присниться карнавал в Рио. Пока он продрал глаза и нащупал дьявольское насмехающееся изобретение, успел включиться автоответчик. Он рванул в стороны занавески и, не слушая сообщение,

перезвонил. Ни свет ни заря его подняла Изабелла Родригес, симпатичная кузина Адриано Сотомайора.

– Я опаздываю на работу, – сообщила она.

Фоном были типичные нью-йоркские звуки: гул транспорта, шарканье сотен ног, чьи-то голоса, завывание полицейской сирены.

– Сегодня не детский день?

– Рождество завтра, – напомнила ему красавица латиноамериканка.

– Где вы работаете?

– Я управляю магазинчиком Adele Cupcakes на Бликер-стрит. Сегодня один из самых загруженных дней года.

Изабелла сдержала слово: расспросила мужа о посещении их дома Шоном Лоренцом.

– Кажется, Андре есть что вам рассказать. Забегите к нему, но только до десяти утра, потом он повезет детей к моей матери. Не хочу, чтобы из-за вас они задержались!

Гаспару хотелось подробностей, но Изабелла свернула разговор. После этого он обнаружил на экране телефона эсмэс от Маделин: «Я должна кое-что проверить сама. Встретимся в отеле в полдень. М.».

Сначала он разозлился, но потом сказал себе, что хотел именно ее инициативы. Чтобы поймать мужа Изабеллы, ему нельзя было тратить время зря. Взглянув на часы, он сбегал в душ, причесался и побрызгался туалетной водой *Pour un homme* 1992 года.

Затем дошел пешком до Франклин-стрит, там спустился в метро и доехал поездом линии 1 до Колумбус-серкл на юго-западе от Сентрал-парка. Там сделал пересадку и через десяток остановок вышел на самой крупной станции метро Гарлема – «125-я стрит», где в 90-е годы «Пиротехники» упорно размалевывали поезда метро. Именно эту станцию выбрала потом Беатрис Муньос, чтобы свести счеты с жизнью.

Еще около четверти часа – и Гаспар очутился на Билберри-стрит. Улица ему нравилась. Скованная холодом, но залитая солнцем, она благоухала идеализированным, ностальгическим Нью-Йорком. Перед домом номер двенадцать – адрес Изабеллы – садовник подрезал уличный каштан. На тротуаре сиротливо мерзли срезанные ветки.

– Заходите, будьте как дома, – пригласил Гаспара Андре Ланглуа, открывая ему дверь.

Трое детей, с которыми он познакомился накануне, сидели за тем же семейным столом. Только в этот раз они поглощали обильный завтрак: гранола, сливки, ананас, желтые киви. Все это сопровождалось смехом, весельем, атмосферой семейного тепла на фоне «Вальса цветов» из

«Щелкунчика». В семье Ланглуа делалось все для приобщения детей к культуре.

– Вот, значит, как: я горбачусь на работе, а моя жена тем временем потчует вас гоголь-моголем! – пошутил Андре, наливая гостю кофе.

Он был моложе жены, накачанный, как культурист, с наголо бритым черепом, смуглый, сверкал ослепительными зубами и моментально внушал симпатию. На нем были спортивные штаны и футболка с эмблемой президентской кампании Тэда Копленда.

Гаспар вкратце повторил то, что рассказал накануне Изабелле, и назвал себя писателем, работающим над биографией Шона Лоренца и пытающимся разобраться со странными обстоятельствами гибели его сына.

Внимательно его слушая, Андре чистил апельсин для своего младшего, восседавшего на высоком детском стуле.

– Я виделся с Лоренцом один-единственный раз. Полагаю, вам это уже известно.

Гаспар не стал его перебивать, а просто кивнул.

– Честно говоря, я слышал о нем раньше, от жены. Я знал, что задолго до нашего брака у них был роман, поэтому принял его немного настороженно.

– Но стоило вам его увидеть – и настороженность сняло как рукой...

Ланглуа не спорил.

– Я пожалел его, когда он заговорил о сыне. Он был совершенно убит, можно сказать, на последнем издыхании, со взглядом безумца... Больше смахивал на бездомного, чем на неотразимого донжуана.

Андре сунул сынишке несколько долек апельсина и дал старшим наставления, начиная от чистки зубов и кончая приготовлениями походного ланча, с которым им надлежало прибыть к бабушке.

– Сперва я мало что понял из рассказа Шона о его дружбе с кузеном Адриано, но Изабелла позволила ему порыться в доме. – Андре начал убирать со стола, и Гаспар машинально стал ему помогать, составляя в раковину грязную посуду. – У меня не возникло возражений, – продолжил Андре Ланглуа. – Это ведь наследство жены. Вступление в права наследования, оказалось, заняло больше времени, чем мы думали. Я посоветовал Изабелле увести детей и остался сторожить Лоренца.

– По ее словам, он унес какие-то документы.

Как и накануне, Гаспар готовился узнать что-то важное, но Ланглуа быстро перечеркнул его надежды.

– Да, унес. – Он вытянул из хромированного бака набитый мусором пакет. – Но что именно, я вам сказать не сумею. В комнате Адриано было

полно папок и бумаг.

Он завязал на пакете лямки и открыл дверь, чтобы отнести пакет в мусорный контейнер.

– Но Шон Лоренц унес отсюда не только это, – продолжил он, спускаясь с крыльца.

Гаспар поспешил за ним следом.

– Он попросил разрешения осмотреть машину Адриано «Додж Чарджер», простоявшую за домом больше года. – И он указал кивком на перпендикулярную улице дорожку через сад. – Я продал ее этим летом. Классная была тачка, жаль, после смерти кузена никто ею не занимался. Шон застал ее с разрядившимся аккумулятором. Он облазил весь «Додж». Кажется, он сам не знал, чего ищет. Потом, как по внезапному наитию, отправился в магазин на 131-й стрит и через пять минут вернулся с рулоном мусорных пакетов. Открыл багажник «Доджа». Вынул оттуда коврик и запихал в пакет. После этого ушел, не сказав мне больше ни слова.

– Папа, папа! Сидни меня бьет!

Один из мальчишек кубарем выкатился из дома и бросился на руки к отцу.

– Вы отпустили Шона, ни о чем его не спросив? – удивился Гаспар.

– Ему было трудно помешать, – объяснил Андре, успокаивая сынишку. – Лоренц был как одержимый. Можно было подумать, что он – обитатель другой планеты на расстоянии многих световых лет от нашей. Вся его боль отпечаталась у него на лице.

Мальчишка уже забыл про слезы и рвался обратно к брату. Андре взъерошил ему волосы.

– Утрата ребенка – совершенно невообразимое горе. Никому такого не пожелаю, – пробормотал он, как будто обращаясь к самому себе.

3

Доминику Ву самое место было бы в фильме Вонга Карвая^[78].

Агент ФБР был безупречным денди, всегда щеголял в безукоризненно скроенных костюмах, никогда не забывал о модном галстуке и шелковом платке в нагрудном кармашке. Этим утром он, пряча глаза за солнечными очками, предстал на фоне зубчатой стены небоскребов, как будто специально посиневших и позаботившихся о стальном отблеске, чтобы соответствовать его кашемировому макинтошу.

– Спасибо, что пришел, Доминик.

– У меня в обрез времени, Маделин. Ганс и девочки ждут меня в машине. Сегодня даже песок в детском саду твердый, как камень.

Он опустился на скамейку рядом с ней, но оставил некоторое расстояние. Рукой в перчатке из тончайшей черной лайки он аккуратно извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок.

– Ты попросила меня кое-что проверить, и я проверил. В гибели Адриано Сотомайора ничего нестораживает.

– То есть?

– Этот дуралей забыл о бдительности и встрял в ссору двух мелких торговцев наркотиками. Слово за слово – и его полоснули ножом по горлу. Вот и все.

– Что известно об убийце?

– Нестор Мендоса, двадцать два года. Мелкий хулиган из Эль-Баррио. Вспыльчивый, нервный. Только вышел после трех лет в тюрьме Рикерс.

– Почему его не арестовали?

Азиат пожал плечами:

– Потому что он удрал – а ты что подумала? У него родня в Сан-Антонио, но там он так и не появился.

– Обычно при розыске убийц полицейских проявляют больше рвения.

– Рано или поздно его задержат за нарушение правил дорожного движения. Или найдут его труп после поножовщины в Маленькой Гаване. Лучше объясни, почему ты заинтересовалась гибелью Сотомайора.

Ву палец в рот не клади. Маделин знала, что он согласился поделиться с ней информацией исключительно из практических соображений. Зная ее как настоящего профессионала, он решил, что она что-то учуяла, и решил этим воспользоваться.

– Я считаю, что гибель Сотомайора связана с другим делом, – осторожно ответила она.

– С каким?

– Это я хочу узнать у тебя.

Ву ни за что не пришел бы на эту встречу всего с одной стрелой в колчане.

– Намекаешь на его брата?

Брат?.. Какой брат? Маделин вспотела, несмотря на холод.

– Выкладывай! Что тебе известно? – вцепилась она в фэбээровца.

Тот изящным жестом поправил серебристые солнечные очки. Все его движения выглядели как просчитанные, заранее отрепетированные па загадочного балета.

– Я наткнулся на странную вещь, касающуюся Сотомайора. У него

был младший брат Рубен, преподаватель истории в университете Флориды.

– Точнее, сводный брат?

– Этого я не знаю. Факт, что в две тысячи одиннадцатом году Рубена Сотомайора нашли убитым в парке Гейнсвилла, где он совершал пробежку.

– Как его убили?

– Диковато: до смерти забили бейсбольной битой. – Ву развернул свой листок. – Был задержан бездомный, иногда ночевавший в парке, по имени Яннис Перагия. Он почти не отпирался. У него не все в порядке с головой, и он годами кочевал по психушкам и прочим подобным заведениям. После признательных показаний Перагию приговорили к тридцати годам тюрьмы. Паршивая история, которую быстро замяли. Но в прошлом году активисты «Трансперенси» стали раскапывать это дерьмо...

– Организация, борющаяся с судебными ошибками?

– Она самая. Вздумала испортить нам отчетность: найти судью, который предписал бы сделать новый, более точный тест ДНК.

– На каком основании?

– Основания всегда одни и те же: признания могли быть вырваны у психически нестабильного подозреваемого с применением силы или угрозы силы. Благодаря достижениям науки появилась возможность идентифицировать ранее пропущенный фрагмент ДНК.

Маделин покачала головой:

– Достижения науки всего за четыре года?

– Согласен, чушь на постном масле. Правда, не совсем: появилась технология обработки ДНК, которая...

– Знаю я про нее! – перебила его Маделин.

– Короче, после новых тестов бомж оказался ни при чем.

Маделин смекнула, что Ву прячет самое вкусное на десерт.

– Что послужило доказательством его непричастности?

– На спортивном костюме Рубена нашли образец ДНК, который проглядели раньше.

– Нашли – и не стали разглашать?

– Вот-вот. А что еще прикажешь делать, если это ДНК полицейского, Адриано Сотомайора?

Маделин понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

– Какой же был сделан вывод? Что Сотомайор уколошил своего брата?

– Может, он, а может, и нет. Вдруг это след контакта, имевшего место совсем в другой, неведомый нам момент?

– Тебе известно, общались ли братья?
– Нет, неизвестно. Адриано успел отправиться на тот свет, поэтому расследование не стали возобновлять.
– На этом история прерывается?
– Сожалею. Теперь твоя очередь, Мадди: выкладывай, что ты раскапываешь.

Маделин с непроницаемым видом покачала головой. Время рассказывать ему о Лоренце еще не пришло. О Лесном царе – и подавно.

Денди, не скрывая разочарования, со вздохом поднялся.

– Продолжай изучение дела Сотомайора, – посоветовала ему Маделин.

Ву одернул полы макинтоша и раздвинул уголки губ в деревянной улыбке. Его продуманные движения казались кадрами в замедленном кино. Чуть заметный прощальный жест – и он зашагал к машине.

В лицо ему било солнце, походка выглядела танцем под звуки Yumeji's Theme^[79].

19. На опушке ада

Каждый считает, что он один в аду, это и есть ад.

Рене Жирар^[80]

1

В ресторане чудесно пахло кукурузным хлебом.

Спасаясь от холода, Гаспар спрятался в «Синем фазане», одном из храмов «кухни соул» в Гарлеме. В будни он открывался только в обеденное время, но в выходные уже с десяти утра там можно было насладиться обильным бранчем: жареная курица, сладкий картофель с пряностями и горячие гренки с карамелью.

Гаспар устроился у входа, на табурете у подковообразной стойки. В заведении уже былолюдно, обстановка была совсем семейная: казалось, все эти туристы, семьи с детьми из окрестных домов, симпатичные девушки, тянущие коктейли с поэтическими названиями, пожилые афроамериканцы, одетые как Роберт Джонсон или Телониус Монк^[81], давно друг с другом знакомы.

Гаспар поднял руку, привлекая внимание бармена. Ему ужасно хотелось виски, но вместо этого он заказал мерзкий фиточай ройбуш и утешился блинчиком с бананом. Насытившись, он убедился, что его мозг не утратил мыслительную способность. Сначала он вспомнил услышанное от Андре Ланглуа. Для чего Шону Лоренцу понадобился коврик из багажника старой машины Адриано Сотомайора? А главное, что он намеревался с ним делать?

Ответов, собственно, было немного, вернее, только один: Лоренц собирался изучить волокна коврика. Что он думал найти? Без сомнения, кровь или другой генетический материал.

Гаспар прищурился. Между строк наклеивался новый сюжет, противоречивший тому, который он представлял себе раньше и в который хотел верить. Возможно, Шон Лоренц не просил Сотомайора о помощи. Возможно даже, что он подозревал бывшего друга в соучастии в похищении своего сына. Гаспара посетила совсем уж безумная идея: Сотомайор – сообщник Беатрис Муньос. Стоит ли развивать эту версию?

Ему представился немой сюжет, как будто он отсматривал рабочий съемочный материал. Беатрис за рулем фургона, в кузове малыш Джулиан./Окровавленная детская ручонка с отрезанным пальцем./Фургон на берегу Ньютон-Крик, рядом «Додж Чарджер»./Вылезший из машины Сотомайор помогает Муньос запихнуть ребенка в багажник./Забрызганная кровью игрушка Джулиана, забытая на мостовой...

Он заморгал, и видение рассеялось. Прежде чем придумывать невесть что, нужно добыть хоть какие-то доказательства. Он заставил себя рассмотреть загадку под другим углом. Шон был гражданским человеком, а не копом. Для анализа волокон коврика ему пришлось бы обратиться в частную лабораторию. Гаспар обхватил голову руками, пытаясь связать воедино все нити своих поисков. Шон пришел к Ланглуа 22 декабря, накануне смерти. В лабораторию он обратился бы скорее всего на следующий день. Гаспар вздрогнул и вскинул голову: он вспомнил запись в еженедельнике Шона о назначенной на 23 декабря встрече с неким доктором Стокхаузенем.

Он схватил свой телефон, вошел в Гугл – так звался его новый закадычный друг – и стал вводить комбинации слов «Манхэттен», «лаборатория», «ДНК», «Стокхаузен»... Искомое появилось уже через несколько секунд: адрес в Верхнем Ист-Сайде, где располагалась судебно-медицинская лаборатория гематологии «Пеллетье энд Стокхаузен».

Теперь – на сайт самой лаборатории. Она рекламировала себя как специализирующуюся на «генетических анализах в целях опознания

людей». Выполняя заказы ФБР, судов, министерства юстиции, лаборатория регулярно участвовала в судебных расследованиях с целью опознания и анализа биологических следов с мест преступления. Частные лица чаще всего прибегали к ее услугам в целях установления родства. На сайте можно было ознакомиться с биографиями основателей лаборатории: Элианы Пеллетье, бывшего главного фармацевта монреальской больницы Сен-Люк, и Дуайта Стокхаузена, доктора биологии, выпускника университета Джона Хопкинса.

Гаспар позвонил в лабораторию и добрался до секретариата Стокхаузена. Пришлось прибегнуть к уже опробованному вранью: дескать, он – писатель, работающий над биографией художника Шона Лоренца, поэтому хочет увидеться с доктором Стокхаузенем. Секретарь посоветовала отправить электронное письмо с письменным изложением просьбы. Гаспар попросил записать номер его телефона и устно сообщить о его деле господину доктору. Секретарь пообещала, что так и сделает, после чего швырнула трубку.

– Пошла в задницу! – прошипел Гаспар в онемевший телефон.

В следующую секунду пришло сообщение от Маделин с просьбой сообщить координаты Изабеллы, кухни Сотомайора. Верный своей тактике, он преодолел соблазн позвонить ей и расспросить, довольствуясь передачей номера, о котором она просила.

Его питье остыло, и он махнул рукой, требуя еще, но рука застыла в воздухе. Почти целую минуту он не сводил глаз с батареи бутылок на зеркальной стене у бармена за спиной: ром, коньяк, джин, бенедиктин, шартрез. Его гипнотизировали яркие, алмазно переливающиеся краски. Жгучие, как огонь, и душистые, как поля цветов, напитки горели в стеклянных емкостях: арманьяк, кальвадос, абсент, курасао, вермут, куантро...

На короткое мгновение Гаспар позволил себе уверенность, что его мысль обострится от одного глотка горячительного напитка. Недолгое время так оно и было бы, но существовала опасность, что после этого он сойдет с той строгой, аскетической, добродетельной тропинки, на которую ступил. Тем не менее буроватое с золотым отливом виски обладало неодолимой притягательной силой. Гаспар был близок к обмороку. Это была настоящая ломка – опасность, подстерегавшая в самый неожиданный момент. В животе разверзлась бездна, грудь сдавило тисками, виски покрылись каплями пота.

Ему был знаком вкус каждого напитка, каждый сорт, каждая этикетка. Вот это – сладкая, жирноватая японская смесь, здесь его ждет деревянный

привкус шотландского солода, здесь – неповторимый аромат ирландского виски, здесь – медовый вкус старого бурбона, «Чивас» сулил апельсиново-персиковый привкус...

Та же самая напасть, что днем раньше: он судорожно сглотнул, принялся растирать себе шею и плечи, чтобы унять приступ дрожи. Но в этот раз беда не миновала, дело не обошлось мелким испугом. Он уже не принадлежал себе, воля давала слабину, он был готов сдаться под натиском соблазна.

Как раз тут зазвонил телефон, на экране высветился незнакомый номер.

– Да? – каркнул Гаспар, и ему почудилось, что голос ломается о выросшую в горле преграду.

– Мистер Кутанс? Это Дуайт Стокхаузен. У вас будет свободное время перед обедом?

2

Маделин опустила щиток, чтобы не ослепнуть от солнца.

Слепящий, какой-то тотальный свет, заполнявший все поле ее зрения, был повсюду.

Вот уже два часа она ехала в пикапе на Лонг-Айленд. Ее взору открывались противоречивые виды, то раздражающие, то околдовывающие. Броские усадьбы миллионеров чередовались с деревенскими уголками, как будто застрявшими в середине прошлого века, и с пейзажами, за которыми люди едут на край света: тянущимися в бесконечность пляжами белого песка под белесым небом. За Уэстхэмптоном разрослись на пару десятков километров скромные некогда Саутхэмптон и Бриджхэмптон, потом дорога побежала вдоль Атлантического океана.

На повороте – дальше тянулась грунтовая дорога – навигатор издал предупреждающий сигнал. Решив, что заблудилась, Маделин уже была готова развернуться и тут заметила дом для престарелых – старое внушительное строение в окружении сосен и берез.

Она поставила пикап у самой рожи и хлопнула дверцей. Ее сразу пленила первозданная атмосфера этого уголка. Под молочным небом неистовствовал ветер, не дававший покоя дюнам и насыщавший воздух ароматами йода и щелочи. Эдвард Хоппер в гостях у Каспара Дэвида Фридриха^[82].

К дверям бревенчатого дома вели широкие ступени. Ни звонка, ни домофона, только облезлая дверь с рваной москитной сеткой, заскрипевшая от толчка. Маделин проникла в пустой вестибюль, где пахло сыростью.

– Есть здесь кто-нибудь?

Сначала ответом ей был только шум ветра, грозивший сорвать с петель оконные рамы. Потом на лестнице появился мужчина с длинными рыжими волосами. На нем был мятый халат санитара сомнительной чистоты, в руке он держал бутылку «Др. Пеппер».

– Здравствуйте, – обратилась к нему Маделин. – Возможно, я ошиблась адресом...

– Не ошиблись, – сказал санитар, спускаясь по лестнице. – Вы в пансионате для пожилых «Эйленрок Хаус».

– Где же вами питомцы?

Его физиономия внушала бы ужас – вся в шрамах и в рубцах от акне, – если бы не удивительно кроткий взгляд лазоревых глаз.

– Хорас, – представился он, стягивая свою гриву резинкой.

– Маделин Грин.

Он поставил бутылку на доску, игравшую роль конторки дежурного.

– Большинство разъехалось, – объяснил он. – В конце февраля наше заведение закроется.

– Вот как?

– Здание снесут, чтобы построить на его месте роскошный отель.

– Прискорбно.

Хорас скривился.

– Мафиози с Уолл-стрит захватили всю округу. Да что там округу – всю страну! Избрание мямли Тэда Коупленда не сможет положить этому конец.

Маделин не рискнула ступить на зыбкую политическую почву.

– Я приехала навестить одну из ваших пансионеров, миссис Антонеллу Бонинсеню. Она здесь?

– Нелла? Да, эта съедет отсюда последней. – Он посмотрел на часы. – Ну и дела! Я совсем забыл про ее обед! В это время дня вы найдете ее на веранде. – Хорас указал в глубь холла. – Пройдете через столовую – вот и веранда. Принести вам что-нибудь выпить?

– Не отказалась бы от колы.

– Диетической?

– Вот еще! Разве мне пора худеть? – Маделин потянула за пряжку ремня, демонстрируя изящество талии.

– Что вы, никаких намеков! – смутился он, робко улыбнулся и скрылся в кухне.

Общий зал первого этажа походил на гостиную в старом семейном заведении «с полупансионом и морским видом», как в Бенодэ или в Уитстейбле: массивные потолочные балки, отдельные столы из сплавной древесины под клеенками с ракушками. Тут же красовался и неизбежный «морской» декор, как будто позаимствованный из номеров журнала Art and Decoration 1990-х годов: пузатые стеклянные светильники, пыльные парусники в бутылках, латунные компасы, чучело меч-рыбы, гравюры-офорты с эпическими сценами рыбного промысла времен «Моби Дика»...

На стеклянной веранде, сотрясаемой ветром, Маделин показалось, что она ступила на палубу шхуны, которую треплет ураган. Стены так потрескались, крыша так прохудилась, что веранда могла в каждую минуту развалиться.

За столиком в дальнем углу лоджии сидела Нелла Бонинсеня – прозрачная старушка с мышинным личиком. Толстые линзы очков делали ее глаза огромными. На ней было темное потертое платье с воротничком «клодин», на коленях у нее лежал клетчатый шотландский плед. Старушка увлеченно читала толстый роман – «Город, который никогда не спит» Артура Костелло.

– Здравствуйте, мэм.

– Здравствуйте, – отозвалась Нелла, поднимая глаза от книги.

– Как вам роман?

– Один из моих любимых! Читаю его во второй раз. Жаль, автор перестал писать.

– Он умер?

– Нет, утратил желание творить. Его дети погибли в автокатастрофе. Вы пришли сделать мне укол?

– Нет, мэм. Меня зовут Маделин Грин, я следователь.

– И в придачу англичанка.

– Совершенно верно, откуда вы знаете?

– Ваш акцент, милочка! Похоже на Манчестер.

Маделин утвердительно кивнула. Обычно она избегала прозрачности, но старушка сказала это не от желания ее обидеть.

– Мой муж был англичанином, – добавила Нелла. – Родом из Прествича.

– Значит, он был футбольным болельщиком.

– Вся его жизнь была сосредоточена на «Манчестер Юнайтед» времен расцвета.

– Когда там блистали Риан Гиггс и Эрик Кантона?

Старушка лукаво улыбнулась:

– Скорее Бобби Чарлтон и Джордж Бест!

Маделин посерьезнела:

– Я приехала с вами повидаться, потому что расследую одно дело – похищение и убийство сына Шона Лоренца. Вам это что-то говорит?

– Художник? А как же! Знаете, здесь неподалеку жил Джексон Поллок. Он погиб в Спрингсе, в десяти километрах отсюда, в автомобильной катастрофе. Ехал с любовницей в «Олдсмобиле» с откинутым верхом. Вел машину вдрызг пьяный, вот и...

– Я слышала эту историю, только это случилось в пятидесятых, а Шон Лоренц был нашим современником.

– Думаете, у меня нелады с головой, милочка?

– Вовсе нет. Лоренц дружил с одним из ваших учеников, Адриано Сотомайором. Помните такого?

– Ах, малыш Адриано...

Нелла Бонинсеня не договорила, ее лицо исказилось. Простого напоминания об этом ребенке хватило, чтобы от ее недавней проказливости, даже от простого благодушия не осталось следа.

– Это вы сообщили в социальные службы графства о побоях, которым его подвергал отец, Эрнесто Сотомайор?

– Да, я. Это было в середине семидесятых.

– Эрнесто часто поднимал на сына руку?

– Если бы только это! Он был настоящим чудовищем, форменным палачом! – Старая женщина заговорила замогильным голосом: – Он был выдумщик: головой в унитаз, ремнем по мягкому месту, кулаком куда ни попадя, горячей сигаретой наугад... Однажды надумал заставить сына простоять несколько часов с поднятыми руками. Другой раз велел ему плясать на битом стекле. Продолжить?

– Почему он так поступал?

– Потому что среди людей полно животных и садистов, так было спокон веку.

– Каким был Адриано?

– Грустным, мягким, ему было трудно сосредоточиться. Часто его взгляд делался тревожным, и становилось понятно, что он унесся мыслями далеко-далеко. Это мне и подсказало, что у него неладно дома. Уже потом я обнаружила на его теле следы жестокого обращения.

– Он сам во всем вам признался?

– Да, он поведал мне кое-что о том, что выделяет его папаша. Эрнесто колотил его беспричинно, просто так. Наказание могло тянуться часами, чаще всего это происходило в трюме отцовского баркаса.

– Мать притворялась незрячей?

Бывшая учительница закрыла глаза, напрягая память.

– Та еще была мамаша... Сейчас припомню ее имя... Бьянка!

– В конце концов она сбежала из дому?

Нелла вооружилась платком и тщательно протерла стекла своих Browline. Эти очки и седая голова делали ее похожей на полковника Сандерса^[83].

– Полагаю, ей тоже доставалось, – ответила она тихо.

– Не обожгитесь! – крикнул Хорас, ставя на стол поднос: бутылочка колы, чайничек, два бублика с лососем, луком, каперсами и белым сыром.

Нелла предложила Маделин разделить с ней трапезу.

– Это, конечно, не бублик «Расс и дочери», но тоже ничего. – И она вонзила в сэндвич крепкие зубы.

Маделин последовала ее примеру, глотнула колы и продолжила разговор:

– Мне сказали, что у Адриано был брат.

Старушка прищурилась:

– Что-то не припомню.

– Был, я уверена. Его звали Рубен. Он был младше Адриано на семь лет.

– Когда Бьянка сбежала, ходили слухи, что она беременна, причем не от Эрнесто. О чем только не сплетничают в маленьких городишках!

– Вы не верили этим слухам?

– Насчет беременности Бьянки – отчего нет, но только от мужа. Она была хорошенькая, однако в Тиббертоне не нашлось бы безумца, который рискнул бы обзавестись таким грозным врагом, как Эрнесто.

Маделин чувствовала, что в этой истории чего-то недостает.

– Почему Бьянка бросила старшего сына?

Нелла недоуменно пожала плечами, откусила новый кусок, а потом вспомнила, что у нее тоже есть к Маделин вопросы.

– Как вы обо всем этом узнали? Как нашли меня?

– Меня надоумила Изабелла Родригес, – ответила Маделин.

Бывшая учительница покопалась в памяти и вспомнила кузину Адриано.

– Ах да, малышка Изабелла! Она иногда меня навещает. Славная девушка, вроде вас.

– Внешность обманчива, – с улыбкой возразила Маделин. – Меня славной девушкой не назовешь.

Нелла тоже улыбнулась:

– Не скромничайте.
– Адриано вы больше не видели?
– Нет, но часто его вспоминала. Надеюсь, у него все хорошо. Вы что-нибудь о нем знаете?

Маделин помедлила. К чему расстраивать старушку печальными известиями?

– Все хорошо, не беспокойтесь за него.
– Может, вы и славная, но врушка, – заявила учительница.
– Ваша правда, Нелла. Вы заслуживаете, чтобы вас не обманывали. Адриано умер почти два года назад.

– Это как-то связано с вашим расследованием из-за художника. Иначе вы бы ко мне не приехали.

– Откровенно говоря, об этом я еще ничего не знаю.
Чтобы не распространяться о гибели полицейского, она сменила тему.
– В конце жизни Эрнесто страдал раком горла. Похоже, Адриано взял его к себе. Возможно это, как по-вашему?

Нелла расширила глаза. Ее зрачки под линзами очков стали огромными.

– Если это правда, остается удивленно развести руками. Я была бы поражена, проникнись Адриано христианским всепрощением.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Маделин, наливая ей чай.
– Тот, кто не подвергался пыткам, не способен представить эти муки. То, что выпало на долю Адриано, длительность его мучений – все это не могло на него не повлиять. Лучше не думать о том, какие у него были нарушения психики.

– На что вы намекаете?
– Не намекаю, милочка, а говорю как есть: в какой-то момент с болью и ненавистью становится невозможно совладать. Так или иначе это должно было обернуться бедой для него самого или для других.

Уклончивость бывшей учительницы заставила Маделин открыть последнюю дверь.

– Лесной царь – говорит это вам о чем-нибудь?
– Нет. Похоже на марку садовой мебели.

Маделин с сожалением встала.

– Спасибо за помощь, Нелла.
Ей понравилась эта женщина. Вот бы иметь такую бабушку! Прежде чем уйти, она высказала сомнение, не дававшее ей покоя с момента прихода.

– Этот здешний медбрат...

– Хорас?
– Да. Он хорошо с вами обращается? У него странный вид.
– Вот вам еще одно подтверждение того, что внешность обманчива. Он молодец, не беспокойтесь. У него за плечами тоже невеселые годы.

Словно подслушав речи Неллы, вся веранда закрипела и заходила ходуном от порыва ветра, превзошедшего силой все прежние. Маделин подняла глаза на стеклянный потолок, боясь, как бы он не треснул.

– Говорят, это учреждение вот-вот зароется?
– Да, через три месяца.
– У вас есть план Б?
– За меня не тревожьтесь, я присоединюсь к мужу.
– Я думала, он умер.
– Еще в тысяча девятьсот девяносто шестом году.

Маделин не понравился этот поворот разговора.

– По-моему, вам это не грозит. Вы выглядите крепкой.

Старушка отмела жестом ребяческие ободрения. Маделин уже шла в сторону гостиной, когда у нее за спиной прозвучало:

– Не знаю, что вы ищете, но вы этого не найдете.
– Вы ясновидящая?

Нелла улыбнулась и кокетливо поправила седую прядку.

– Зато вы найдете кое-что другое, – обнадежила она Маделин.

Та помахала ей рукой и направилась к соснам, под которыми ее ждал пикап.

Перед отъездом она прогулялась к пляжу – дикому, нетронутому, безлюдному. Пройдет три месяца – и здесь вырастут краны, взревет бетономешалки, быстро поднимется отель, появится сауна, вертолетная площадка... Идиотизм, безмозглая бесовщина!

Приехали: не хватало ей заговорить словами Кутанса!

Она вернулась к пикапу, сфотографировав на память пляж с белым песком и дом престарелых. Возможно, старуха права. Возможно, Маделин кое-что здесь нашла, просто еще не догадалась, что именно.

Она села за руль, повернула ключ зажигания и вернулась на автостраду. Там, наматывая мили, она старалась навести порядок в своих мыслях. Через час с лишним зазвонил телефон, на экране появилось имя:

Доминик Ву.

Окрестные жители наверняка называли этот дом «кубиком Рубика». С этой мыслью Кутанс вылез из такси на севере Верхнего Ист-Сайда, на углу 102-й стрит и Мэдисон-авеню.

Лаборатория «Пеллетье энд Стокхаузен» представляла собой разноцветный стеклянный куб, красочную заплатку на серо-коричневом фоне окрестных строений.

Кто сказал, что американцы не уходят в отпуск? Сегодня лаборатория выглядела мирно дремлющей. Гаспар назвал себя изящной длинноногой дежурной с угловатым, словно вычерченным циркулем лицом в белых пятнах и с угрюмым взглядом исподлобья, заставлявшим вспомнить персонажей Бернара Бюффе^[84].

Мисс Проволока привела его в кабинет на шестом этаже с видом на колоссальный комплекс больницы «Маунт Синай».

– Милости прошу, мистер Кутанс! – раздался голос владельца лаборатории.

Дуайт Стокхаузен собирался в дорогу. Рядом с диваном «Флоренс Нолл»^[85] стояли два чемодана «Алзер» с монограммами, такая же дорожная сумка и пара лунных ботинок на меху.

– Мы проводим Рождество в Аспене, в отеле «Жером». Бывали там? – Его голос вибрировал от самодовольства. Шагнув к Гаспару, он по-европейски подал ему руку.

– В последнее время не бывал, – ответил драматург.

Слуга науки жестом пригласил его сесть на диван. Сам он простоял еще минуту, уставившись в смартфон и елозя по экрану толстым пальцем, по сравнению с которым гаджет выглядел миниатюрной игрушкой.

– Через минуту я вами займусь, вот только заполню проклятый аэропортовский формуляр.

Гаспар посвятил эту минуту разглядыванию хозяина кабинета. Когда он был ребенком, его мать якшалась с субъектами схожего пошиба – сначала в 16-м округе Парижа, потом в Белгравии и в Бикон-Хилл^[86]. Двойной подбородок и профиль а-ля Людовик XVI безупречно гармонировали с брюками «принц Уэльский», с блейзером с шевронами, с носками «Гамарелли» и с мокасами с кисточками на кончиках шнурков.

Наконец Бурбон выпустил из рук телефон и уселся напротив посетителя.

– Полагаю, вы пришли поговорить о Шоне Лоренце?

– Насколько мне известно, он побывал у вас год назад, двадцать третьего декабря две тысячи пятнадцатого года. В тот же день он

скончался.

– Помню-помню! Я сам его принимал. Между нами говоря, он был знаменитым художником, верно?

Стокхаузен обвел рукой стены своего гигантского кабинета.

– Как видите, я – коллекционер, – произнес он своим фирменным педантичным тоном.

Гаспар узнал литографию «Девочка с красным шаром» Банкси – ту самую, что красовалась в тысячах гостиных и служила заставкой на мониторах миллионов компьютеров. Здесь же был неизбежный Дэмьен Хёрст – пресловутый череп в бриллиантах, а также большая скульптура Армана^[87] – лопнувшая скрипка (ваял ли Арман что-либо еще, помимо гневливых скрипок?). Короче, все то, что Гаспар на дух не переносил.

– Вернемся к Лоренцу, если не возражаете.

Стокхаузен, скользкий, как угорь, не собирался уступать гостю инициативу.

– Для начала скажите, как вы прознали об этой истории? – спросил он.

Гаспар не принял его игры. Раз Стокхаузен согласился срочно его принять, значит, переживает за репутацию – свою и лаборатории.

– Предлагаю сэкономить время, мистер Стокхаузен: просто скажите четко и без проволочек, что за дело было к вам у Шона Лоренца.

– Не могу по соображениям конфиденциальности.

– Гарантирую, что так продлится недолго. Только до того момента, когда к вам в Аспен нагрянет бригада копов с наручниками. То-то будет аттракцион для постояльцев отеля «Жером»!

Уважаемый ученый муж изобразил благородное возмущение.

– За что меня арестуют?

– За сообщничество в убийстве ребенка.

Стокхаузен откашлялся.

– Вот отсюда! Я обращусь к своему адвокату.

Но Гаспар вместо того, чтобы выйти вон, попытался удобнее устроиться на жестком диване.

– Таких крайностей легко избежать, – небрежно бросил он.

– Что вы, собственно, хотите узнать?

– Я уже объяснил.

Людовик Капет упирался недолго. Промокнув пот на лбу шелковым платочком из кармашка блейзера, он покорно сдался.

– В тот день 23 декабря Шон Лоренц ввалился ко мне в кабинет в состоянии крайнего возбуждения, почти сумасшествия. Откровенно говоря, не будь он знаменитостью, я бы его не принял.

– Он принес пластиковый пакет?

Стокхаузен брезгливо поморщился.

– Пакет для мусора. А в нем старый коврик. Такие стелят в машинах.

Гаспар поощрил его кивком:

– Верно, раньше этот коврик лежал в багажнике «Доджа».

– Короче, – продолжил Стокхаузен, – Лоренцу нужно было выяснить, нет ли на этом коврике генетических следов его сына.

– Технически это возможно?

Стокхаузен пожал плечами – что за нелепый вопрос?

– А как же, раз передо мной стоял сам Лоренц! Требовалось совсем немного: взять на ватку немного его слюны. Сравнение ДНК, о котором он просил, почти не превышало сложностью тест на отцовство, разве что требовало немного больше времени.

– Думаю, Шон очень торопился.

Директор лаборатории покачал головой:

– Праздники в конце года – всегда непростое время, многие сотрудники уходят в отпуска. Но все проблемы решаются благодаря чековой книжке.

– Какой была сумма чека в конкретном случае?

– В конкретном случае это было даже лучше чека.

Стокхаузен встал и подошел к картине Банкси, за которой прятался небольшой сейф с системой распознавания отпечатков пальцев. Открыв его, хозяин достал маленький рисунок под стеклом, в темной рамке. На рисунке с подписью Шона был изображен силуэт нью-йоркских небоскребов. Гаспар представил себе эту сцену и испытал приступ тошноты: толстяк Стокхаузен выманивает произведение у убитого горем Лоренца как оплату за нехитрый генетический анализ.

Людовик XVI был далек от того, чтобы понять свою низость.

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что это – последняя работа живописца! – восторженно прокудахтал он.

Гаспар готов был разбить стекло, разорвать рисунок в клочки и пустить их по ветру, как рассеивают прах покойного. Это было бы эффектно, но не приблизило бы его к желанной цели. Поэтому он, сохраняя спокойствие, продолжил:

– Итак, Лоренц сделал этот рисунок, чтобы вы согласились ускорить анализ...

– Я гарантировал ему получение результата утром двадцать шестого декабря. Это было нелегко, но возможно.

– Он должен был зайти за результатом через три дня?

– Должен был, но не зашел, потому что за это время умер, – подытожил доктор и выдержал небольшую паузу. – Результаты пришли в обговоренное время и так и остались в недрах наших компьютеров. Судебного предписания не было, никто ничего не запросил. Наша программа автоматически выдала три напоминания, а потом я забыл об этой истории.

– О смерти Лоренца писали все газеты. Вы никак на это не прореагировали?

– Не вижу связи. Человек умер от сердечного приступа посреди улицы. Здесь со Стокхаузенем было не поспорить.

– Каждый год, – продолжил он, – в начале осени наши сотрудники разбирают архивы. Тогда я и узнал результаты.

Гаспар уже ерзал от нетерпения.

– Что же из них следует?

– Тест на отцовство дал положительный результат.

– А конкретно?

– Конкретно: коврик, возможно, чистили, но на нем остались следы крови сына Шона Лоренца.

– Почему вы не обратились в полицию?

– Повторяю, это обнаружилось недавно, в сентябре! Я заглянул в Интернет: мальчик мертв, убит какой-то сумасшедшей. Что бы это изменило?

– Ничего, – признал Гаспар и встал.

Стокхаузен пошел провожать его к лифту.

– Кому принадлежал этот автомобильный коврик? – поинтересовался он.

– Вы не находите, что уже поздно этим заниматься?

Он настаивал:

– Это была машина Беатрис Муньос? Она убивала и других детей?

Гаспар понял, что от него что-то скрывают.

– Проклятье! Что вы от меня утаили, Стокхаузен?

Кабина лифта приехала на шестой этаж, дверцы раздвинулись, но Гаспар не сводил взгляда со своего собеседника. Тот так пыхтел, будто пересек бегом Манхэттен.

– На этом коврике нашлись пятна крови сына Лоренца, но не только... Там были и другие следы. Кровь и слюна других людей.

– Детей?!

– Для такого умозаключения нет оснований.

– Каково ваше мнение?

– Я не знаю! Я не коп и не судмедэксперт. Это могло быть чем угодно: следы контакта или...

– К чему вы склоняетесь?

– Я склоняюсь к тому, что в багажнике этой машине перевозили и другие тела.

4

Маделин, не отрываясь от руля, ответила на звонок:

– Я слушаю, Доминик.

– Я сделал то, о чем ты просила, Мадди: залез в дело Сотомайора и нашел в нем кое-что очень странное.

Даже находясь в отпуске, Доминик Ву говорил характерным тоном удачливого охотника.

– Насчет брата?

– Да, Рубена. За пару недель до гибели он явился в полицейский участок Гейнсвилла и заявил об исчезновении своей матери.

– Бьянки Сотомайор?

– Да, Бьянки, тысяча девятьсот сорок шестого года рождения, возраст на момент событий – шестьдесят пять лет. Она только что ушла на пенсию. До этого работала в разных больницах, сначала в Массачусетсе, потом в Торонто, Мичигане, Орландо.

– У нее был муж? Сожитель?

– Муж у нее был один, Эрнесто Сотомайор, отец Адриано и Рубена. Потом она жила с канадским врачом, потом в Орландо, с торговцем автомобилями, сыгравшим в ящик в две тысячи десятом году. В момент исчезновения она встречалась с молокососом сорока четырех лет, державшим за углом спа-салон. Старушка была нарасхват!

– Ее исчезновение расследовали?

– Да, но безрезультатно. В деле пусто. Ничто не предвещало исчезновения, улик и следов не найдено. Была – и нет. Испарилась!

– Судья объявил ее скончавшейся?

– Да, в ноябре две тысячи пятнадцатого года.

Вот почему наследникам Адриано пришлось долго ждать, подумала Маделин.

– Я свое дело сделал, Мадди. Теперь выкладывай, почему тебя так интересует эта история.

– Я перезвоню позже, – пообещала она и оборвала разговор, не дав

Доминику засыпать ее вопросами.

По инерции она позвонила Изабелле, но включился автоответчик. Тогда она решила связаться с Гаспаром.

– Вы где, Кутанс? На Манхэттене?

– Где мне еще быть? Нежиться на солнышке в Папее или на Бора-Бора? Только что побывал у Стокхаузена. Я напал на след! Представляете, я...

– Потом! – взмолилась она. – Я за вами заеду. Я арендовала машину и сейчас еду по Южной автостраде в районе Хампстеда. Возвращаюсь из Хэмптонса. Долгая история. Я вам расскажу.

– Мне тоже надо о многом вам рассказать.

– Позже, мне остается ехать не больше часа. А пока постарайтесь оказать мне одну услугу...

Голос Маделин – четкий, решительный – подсказал Гаспару, что теперь она не в том настроении, что накануне.

– Я слушаю.

– В двух кварталах от отеля, на Томас-стрит, есть магазин инструментов «Хогарт». Вы...

– Что мне там делать?

– Дайте договорить, в конце концов! У вас есть чем и на чем писать? Записывайте, что купить: два фонаря, две флуоресцентные трубки, лапчатый ломик из закаленной стали, кусачки...

– Зачем все это?

– Это мне скажете вы сами. Сделайте так, как я говорю. Вы меня слышите, Кутанс?

Маделин явно нашла нечто, что заставило ее отмести прежние сомнения в обоснованности их поисков. Нечто, мимо чего прошел даже он.

Гаспар сказал себе, что не зря помчался за ней в Мадрид.

20. Любимый сын

Черный – цвет «в себе», сжимающий и поглощающий все остальные.

Анри Матисс

Они выехали из Нью-Йорка в середине дня и потащились в дорожных пробках на восток. Первые сто километров до Нью-Хейвена были сплошным кошмаром. Перегруженная автомагистраль, развязка за развязкой, городской ад, тянущийся в бесконечность. Территория агонии, гангрены и бетонных метастазов, удушье от выхлопов и мелких частиц пыли.

Маделин и Гаспар не теряли времени даром: они собирали детали мрачной головоломки. История загубленного детства; насилия, породившего удесятенное насилие; повседневной жестокости и варварства, ставших спустя годы топливом для смертоносного безумия. История взрывчатки замедленного действия. История маленького мальчика, превращенного родителями, каждым на свой манер, в опасное чудовище.

Маделин повысила температуру обогрева. Стемнело. День угас незаметно – так захватили ее участвовавшие открытия. Они выплывали из темноты целыми блоками – это было ей знакомо по прежним делам. Наступил самый захватывающий момент – реванш истины, когда некоторые очевидности, от которых долго отворачивались, всплывают на поверхность и вызывают разрушительную волну. Туман у нее в голове все быстрее рассеивался, и на свет выходил сухой и жесткий остаток.

Всегда трудно выявить корни трагедии, точно определить момент, отправивший под откос целую жизнь, а то и не одну. И все же Маделин уже не первый час пребывала в обескураживающей уверенности. Началом драмы стали события, произошедшие летом 1976 года в Тиббертоне, рыбацком городке в Массачусетсе, куда они ехали сейчас.

В то лето медсестра местного диспансера Бьянка Сотомайор узнает, что носит второго ребенка. Стоит ей увидеть результаты анализа крови, как она принимает решение. Устав от ежедневных оскорблений и побоев, на которые так щедр ее муж Эрнесто, она забирает отложенные деньги и в один прекрасный день уезжает, чтобы начать новую жизнь в Канаде.

В это время ее старшему сыну Адриано нет и шести лет. Оставшись вдвоем с отцом, он превращается в его единственную жертву. Тумакам и унижениям, проявлениям невообразимой жестокости нет числа. Проходит еще два долгих года, прежде чем его школьная учительница Нелла Бонинсеня доносит на зарвавшегося отца и прекращает мучения ребенка.

Его жизнь как будто налаживается. Вдали от отца Адриано получает шанс очутиться в заботливой приемной семье, позволяющей ему общаться с Изабеллой, двоюродной сестрой. В Гарлеме, живя обыкновенной детской, а потом подростковой жизнью, он заводит дружбу с юным Шоном Лоренцом, маленьким гением граффити, и с неуравновешенной Беатрис

Муњос, дочь чилийских иммигрантов, которая из-за своей внешности пережила тяжелое детство, полное пренебрежения и унижений.

Втроем они составляют группу рисовальщиков граффити «Пиротехники», покрывающую своими красочными фантазиями вагоны метро и стены Манхэттена. Адриано забрасывает учебу и быстро уходит из школы. После бурь молодости он поступает на службу в полицию, где незаметно, но упорно карабкается по служебной лестнице. Его жизнь выглядит упорядоченной. Но кто скажет, что в действительности творится у него в голове?

На этом этапе некоторые фрагменты головоломки приходилось додумывать. Маделин знала, что теперь от нее требовалось умение интерпретировать впечатления и оценивать варианты, опираясь на важные, но немногочисленные нью-йоркские находки. Тем не менее вырисовывалась поразительно связанная картина.

Маделин не сомневалась в одном: мрак детства Сотомайора так и не рассеялся. В начале 2010-х годов он опять сгустился. Адриано напал на след своего младшего брата Рубена, преподавателя университета Гейнсвилла. Давно ли братья знали о существовании друг друга? Доводилось ли им раньше общаться? Пока что Маделин этого не знала. Зато она знала, что в это время Адриано пожирала мстительная ненависть, переродившаяся в смертоносное безумие. Он разыскал во Флориде мать. Сначала он, без сомнения, подумывал об убийстве, но потом решил, что смерть – слишком легкая кара после всего, что он из-за нее пережил.

Маделин не была психиатром, но она, кажется, нашла ключ к поступкам Адриано: самую лютую злобу у него вызывала мать, а не отец. Она его бросила. Он ее боготворил, а она дезертировала с поля боя, где они раньше сражались плечом к плечу. Обожаемая мать предпочла сбежать, унося в своем чреве новую жизнь.

Вокруг матери кристаллизовалась вся его ненависть. Маделин представляла себе оцепенение, в которое сначала впал мальчишка. При таком упадке сил отцовские побои оставались малочувствительными. Его подсознание переписывало историю: мужчины по природе жестоки, матери же обязаны защищать своих детей. А его мать сбежала, чтобы защищать не его, а другое дитя. За это предательство ей придется дорого заплатить.

Каким бы безумием ни выглядел этот сценарий, он был единственным рациональным мотивом, который могла отыскать Маделин, чтобы связать траекторию Адриано с преступлениями Лесного царя. Он похитил Бьянку, где-то запер и наверняка подолгу расписывал ей, как замучает ее любимчика Рубена, как забьет его до смерти. Сначала он упивался этой

бесконтактной пыткой, потом перешел к действиям, и Рубена не стало.

Но для Бьянки это не должно было стать концом мучений. Адриано придумал, как бесконечно длить одно и то же преступление, как заставить ее сотни раз переживать гибель любимого сына. В феврале 2012 года он похитил из детского сада Шелтона маленького Мейсона Мелвила и привез его своей матери. Пленнице Бьянке ничего не оставалось, кроме как старательно ухаживать за двухлетним мальчуганом. Тому требовалась двойная доза ласки, чтобы излечиться от психической травмы – разлуки с родителями и жизни в подвале с незнакомкой. Бьянка не могла не привязаться к нему. Но весной Лесной царь без предупреждения отнял у своей матери ребенка и убил его, скорее всего, у нее на глазах. Тело он бросил у пруда. То же самое Адриано трижды проделывал в последующие два года: с Калемом Коффином, Томасом Стурмом и Дэниэлом Расселом.

У Маделин пропали последние сомнения: теперь она знала, кем был Лесной царь. Да, Адриано был убийцей, но, вопреки всеобщему мнению, истинными его жертвами были не дети. Как ни тяжело было это признать, несчастные мальчики были всего лишь побочными потерями. Инструментами для причинения нескончаемых мук его единственной жертве – собственной матери.

2

Ближе к Мистик пробки наконец рассосались. Пикап еще проехал на восток, вдоль океана, а потом свернул на Род-Айленд и устремился к Провиденсу. Радио не позволяло забыть, что до Рождества остаются считанные часы. Все певцы, от Дина Мартина до Ната Кинга Коула, казалось, дали друг другу слово весь вечер развлекать тех, кто в пути. Лишь только смолкало «Белое Рождество» в исполнении Луи Армстронга, как Синатра заводил «Джингл беллз».

Мысли Гаспара мало отличались от мыслей Маделин. Он вспоминал мифы древних греков, кару, назначенную Зевсом Прометею за похищение у богов священного огня: у него, прикованного к скале, ежедневно клевал печень огромный орел. Печень за ночь становилась прежней, и на завтра муки возобновлялись. Нескончаемое страдание! Искушение, близкое к тому, на которое обрекал свою мать Адриано. Многократное повторение убийства ее любимого сына.

Гаспар пытался представить себе ненависть, обуревавшую Сотомайора, которого постигло столь чудовищное безумие, и безутешность

тех несчастных, кто случайно попадался ему под руку.

В декабре 2014 года жизни было угодно скрестить его смертельный дрейф с двумя другими судьбами. «Пиротехники» случайно встретились вновь. Но полные жизни краски 1990-х годов уступили место цветам крови и мрака.

Беатрис Муньос, с которой Адриано изредка поддерживал связь, терзали ее собственные демоны. Как ни парадоксально, как ни удручающе это звучало, она была младшей сестрой Адриано по мукам. Одни муки порождали другие. Ее испепеляла та же ненависть, заставлявшая причинять страшные страдания самым любимым людям. Но между этими двумя загубленными душами была непреодолимая пропасть: Беатрис не переступала в своем безумии черту. Она причинила телесные и психические муки Пенелопе Лоренц, но не отняла жизнь у Джулиана.

Решив вернуть ребенка родителям, она связалась с Адриано, считая его честным копом, и попросила его о посредничестве. Назначила встречу на Ньютон-Крик, передала ему ребенка – и бросилась под поезд.

Вот при каких невероятных обстоятельствах в багажнике машины Лесного царя оказался сын Шона. Чудовищу повезло: можно было не похищать очередного ребенка. Он увез его в тайное место, где совершил отработанный ритуал: передал его заботам Бьянки.

Шли недели. Верный своей тактике, Сотомайор собирался лишить Джулиана жизни в конце февраля – начале марта. Но 14 февраля 2015 года Лесной царь глупо погиб от руки мелкого наркоторговца.

Гаспар заморгал. Возвращение к действительности. Они с Маделин восстанавливали происшедшее, заполняя пустоты собственными предположениями. Возможно, они ошибались, но даже если нет, два вопроса оставались без ответа. Где Лесной царь прятал мать и своих жертв? А главное, оставался ли хотя бы малейший шанс, что Джулиан и Бьянка еще живы спустя без малого два года после гибели своего тюремщика?

Ответить на второй вопрос было проще: по всей вероятности, нет. Что до места заключения, то сыщики считали, что определили, где оно находится. В Нью-Йорке, несколько часов назад, Гаспар, послушавшись Маделин, которая верила своей интуиции, позвонил Андре, мужу Изабеллы. Тот подтвердил, что получение наследства Адриано было длительной процедурой из-за юридических осложнений в связи с исчезновением Бьянки. Дело сдвинулось с мертвой точки только после того, как судья подписал постановление, объявлявшее тетку Изабеллы скончавшейся.

– Какая еще недвижимость после нее осталась? Земля? Загородный домик? Какая-нибудь хижина?

– Старый дом семьи Сотомайоров в Тиббертоне.

– Когда вы там были последний раз?

– Вообще никогда не были! Изабелла терпеть не может эту дыру, а сама лачуга внушает ей ужас. Я видел фотографии: это скорее Амитивиль ^[88], чем Виноградник Марты ^[89].

– Кто живет там сейчас?

– Никто. Мы уже год пытаемся сбыть дом с рук, но покупателей негусто, да и агент – мямля.

Гаспар записал адрес. Маделин, выслушав его, заметила: нелогично, что старик Эрнесто не попытался сбыть с рук эту развалину, когда у него нашли рак и он переехал в Нью-Йорк к сыну. Предположение, что Адриано устроил тайник именно в этом доме, становилось все серьезнее. Конечно, работать в Нью-Йорке и одновременно снабжать пленницу всем необходимым было нелегко, но возможно.

У Гаспара отчаянно забилося сердце, в висках застучала кровь.

– Рано закусываете удила, Кутанс, – плеснула на него холодной водой Маделин, трогаясь с места. – Нас ждет невеселая находка – два трупа.

3

После четырех с лишним часов пути они повернули на бостонское окружное шоссе и после Берлигтона остановились заправиться. Гаспар выскочил, чтобы схватить заправочный пистолет, но вспомнил, что у него забинтованы руки.

– Лучше сходите за кофе! – велела Маделин, отбирая у него пистолет.

Он капитулировал и поплелся в холодный павильон. Горсть монет в щель автомата. Два лунго без сахара. Было уже около восьми вечера, некоторые семьи собирались отмечать сочельник. Из колонок неслись традиционные рождественские мелодии. Гаспар узнал «Старые игрушечные санки», классику Роджера Миллера ^[90]. Отец любил играть ему на гитаре французскую версию этой песенки, «Petit garçon». Он на всю жизнь запомнил свои первые рождественские праздники. Веселее всего ему было в 37-метровой двухкомнатной отцовской квартирке на площади Поль Лафарг в Эври. Он помнил, как вечером 24 декабря клал под елку печенье, ставил чашку с горячим чаем – ждал Деда Мороза. Вспомнил

рождественские игрушки, которыми играл с отцом: детскую железную дорогу, волшебное деревце, бегемотиков...

Обычно он отгонял такие воспоминания – боялся впасть в слезливое настроение. Но в этот раз он с удовольствием думал обо всем этом и благодарил жизнь за то, что она дарила ему такие моменты. Они все меняли.

– Ну и холодина! – пожаловалась Маделин, садясь на соседний шаткий табурет у барной стойки из литого пластика.

Она опрокинула одним глотком кофе, но он оказался обжигающим, и она выплюнула его обратно в чашку.

– Вы обалдели, Кутанс?! Убить меня задумали? Простой кофе вам и то не удастся?

Маделин Грин во всей своей красе! Гаспар невозмутимо поднялся и отправился за новым кофе для нее. Только не вступать с ней в перепалку – это повредило бы успеху их общего дела.

Маделин тем временем заглянула в свой телефон. Ее внимание привлекло сообщение Доминика Ву: «Подарочек к Рождеству, если ты встречаешь его одна». Эту короткую строчку сопровождало тяжелое приложение. Она щелкнула по нему, чтобы открыть. Ву раскопал и переслал ей данные по движению средств на счетах Адриано. Настоящая золотая жила!

– Откуда вдруг такой счастливый вид? – осведомился Гаспар, протягивая ей чашечку с кофе.

– Сами полюбуйте! – предложила она, пересылая на его телефон файл pdf. – Расходы Сотомайора! Сначала изучим, потом поговорим. Ищите повторы.

Маделин поставила кофе рядом со своим смартфоном и на полчаса погрузилась в таблицу. Она сидела, не поднимая головы, перелистывала на экране страницы и делала пометки на бумажке. Гаспар занимался тем же самым. Их можно было принять за двух маньяков, прилипших к игральным автоматам в Лас-Вегасе.

Перед ними предстали последние три года жизни Сотомайора. Казалось, они прошли под неусыпным оком камеры. Здесь были все его привычки: ресторанчик, где он любил есть на обед суши, стоянки, где он парковал автомобиль, платные автострады, по которым проезжал, врачи, к которым обращался, даже мелкие излишества, которые себе позволял: пара обуви «Эдвард Грин» за 1400 долларов, кашемировый шарф «Берберри» за 600...

Наконец Гаспар разочарованно поднял голову.

– Не нахожу ничего, что связывало бы Адриано с Тиббертоном: ни постоянного маршрута, на счетов за воду или электричество, ни чеков из магазина поблизости...

– Ну и что? Адриано был полицейским, ему ничего не стоило замаскироваться: прибегнуть к двойной бухгалтерии, расплачиваться наличными. Но некоторые повторяющиеся расходы настораживают.

Оба обратили внимание на четыре любимых магазина Сотомайора. Особенно выделялись Home Depot и Lowe's Home Improvement – крупные сетевые магазины, торгующие инструментами, хозяйственными и тому подобным. Чеки были внушительными, позволяли предположить какие-то крупные работы, причем именно по звукоизоляции и вентиляции. Если хочешь кого-то надолго спрятать, именно этим и придется заняться.

Третий магазин был не таким известным, его специализацию пришлось искать в Интернете. Lyo&Foods – интернет-магазин сублимированных продуктов питания и военных рационов. Наборы включали банки сардин, энергетические батончики, сушеную говядину и сублимированные блюда длительного хранения. К услугам магазина прибегали путешественники, моряки и все – а таких становилось все больше, – кто опасался грядущего конца света и накапливал съестное.

Кроме того, Сотомайор оказался регулярным клиентом сайта walgreens.com, одной из главных американских аптечных сетей. Конечно, на этом сайте можно было найти все, что душе угодно, но важное место в его ассортименте занимали товары для грудных младенцев и для маленьких детей.

Маделин допила остывший кофе и повернулась к Гаспару. Они определенно думали об одном и том же. Обоих обурежала надежда. Оба представляли себе эту картину: Бьянка Сотомайор, измученная старуха, проведшая долгие годы в подвале, куда не проникали звуки извне. Узница собственного сына, о гибели которого она, без сомнения, подозревала. Женщина, более двух лет заботившаяся о чужом ребенке, лишавшая себя всего, экономившая еду, воду, свет. Надеявшаяся, что рано или поздно их кто-нибудь найдет...

– Поторопитесь, Кутанс!

Последние километры показались томительно длинными. Дорога до Тиббертона была непростой. Перед Салемом пришлось ненадолго выехать

на национальную автостраду № 1, потом объезжать лес, носивший в навигаторе какое-то противоестественное название, а под конец ехать в направлении океана.

Гаспар украдкой поглядывал на Маделин. Та полностью изменилась: глаза блестели, ресницы трепетали, всем своим видом она выражала непреклонную решимость – совсем как на фотографии в «Нью-Йорк Таймс Магазин», которую он запомнил. Она вся рвалась вперед.

После пяти часов пути они въехали в Тиббертон. Видно было, что графство сэкономило на освещении улиц и на рождественском убранстве: на улицах было не видно ни зги, общественные здания тонули в темноте, как и порт. Городок производил еще более безрадостное впечатление, чем на фотографиях в Интернете. Здесь жило несколько тысяч человек. Раньше это был центр морского рыболовства, но постепенно городок захирел, уступив пальму первенства своему знаменитому соседу Глочестеру, завоевавшему славу Мекки красного тунца. С тех пор Тиббертон никак не мог нащупать свое истинное место: рыбная ловля умерла, а туризм не развився.

Следуя указаниям навигатора, они свернули с побережья и покатали по узкой асфальтовой ленте, вившейся среди кустарника. Через километр фары высветили плакатик «For Sale». Ниже значилось название агентства недвижимости и его телефон.

Маделин и Гаспар выскочили из машины, оставив гореть фары. Оружия у них не было. Они достали из багажника фонари и инвентарь грабителя-медвежатника, приобретенный Гаспаром на Манхэттене.

Было по-прежнему холодно. Ветер с Атлантического океана хлестал в лицо. Но в Тиббертоне была своя неприятная специфика: здесь даже морской воздух имел запах нечистот.

Они подошли к дому. Семейное гнездо Сотомайоров представляло собой традиционную колониальную постройку в один этаж с центральным дымоходом. Когда-то про нее, может, и можно было сказать «миленький домик», но те времена давно прошли. Теперь все вокруг заросло колючими кустами и высоким сорняком, колонны у крыльца держались на честном слове. Чтобы подойти к ступенькам, полезно было бы пустить в ход мачете. В непроглядной ночи казалось, что фасад, обшитый сосновыми досками, вымазан гудроном.

Ломик не понадобился: входная дверь была отперта. Замок, судя по сгнившей древесине двери, взломали давно. Светя перед собой фонарями, Маделин и Гаспар вошли в дом. Он был наполовину выпотрошен: признаков неоднократных визитов местных бродяг было хоть отбавляй.

Особенно сильно досталось кухне: рабочий стол исчез, дверцы шкафов были сорваны. В гостиной остались только диван с торчащими наружу пружинами и столик с треснувшей крышкой. Пол был усеян пустыми бутылками, презервативами и шприцами. В центре выложенного из камней круга осталась зола – здесь, прямо в гостиной, разводили костер. Бездомные наведывались сюда, чтобы совокупляться, напиваться и вкалывать при свете факелов наркотики. Но признаки, что где-то здесь держали взаперти людей, отсутствовали.

В других комнатах первого этажа не было ничего, кроме пыли, плесени и вздыбленного пола, впитывавшего влагу, как губка. Сзади имелась веранда, выходившая на терраску, где осталось два полусгнивших кресла «адирондак»^[91]. При виде не то гаража, не то эллинга с сильно скошенной назад крышей во дворе Маделин выругалась и бросилась туда. Гаспар побежал за ней. Но и в этом сооружении оказалось пусто.

Они вернулись в дом. Плохо заметная дверь под лестницей вела не в подвал, а в просторный полуподвал, где стоял затянутый паутиной стол для пинг-понга. В глубине помещения была еще одна дверь, которая поддавалась уже второму удару плечом. За ней обнаружился всего лишь тесный чулан для мусорных баков. Сюда, судя по всему, никто не совался много лет.

Для очистки совести они поднялись на второй этаж, где когда-то были спальни и ванные. Теперь здесь зияла пустота. Исключение составляла только одна комната – детская, в которой жил Адриано до восьми лет.

Гаспар пошарил лучом фонарика по комнате, хранившей призраки воспоминаний. Матрас, опрокинутые этажерки, гниющие на полу постеры – те же, какие вешал у себя на стенку он, те же, что будоражили его детское воображение: фильмы «Челюсти», «Рокки», «Звездные войны»... Разница между двумя пантеонами была невелика: здесь вместо футболиста Мишеля Платини из «Нанси» героем был аргентинский боксер Карлос Монсон.

Гаспар посветил фонариком на внутреннюю сторону двери и разглядел старые карандашные метки – обычный детский ростоммер. Он вздрогнул. Кое-что не поддавалось логике. Зачем было Эрнесту заботиться о поддержании комнаты сына в прежнем состоянии?

Гаспар опустил на корточки. На фотографиях в рамках, валявшихся на полу, вырос многолетний слой пыли. Он протер стекла и увидел блеклые цвета 1980-х годов, которые теперь получилось бы возродить при помощи фильтров в Инстаграме. Типичные картинки из жизни американской семьи: гордая физиономия Эрнесто, роскошная фигура Бьянки – этой Моники Беллуччи Тиббертона. Мордашка Адриано, пытающегося задуть пять

свечей на своем праздничном торте. Улыбка по просьбе фотографа, но взгляд уже нездешний – как раз то, о чем говорила его учительница. Гаспар протер стекло на еще одной фотографии – и от изумления чуть ее не выронил. На ней красовались Эрнесто и его взрослый сын. Снимок был сделан, видимо, на церемонии вступления Адриано в ряды нью-йоркской полиции. Отец гордо обнимал сына, отцовская ладонь лежала у него на плече.

Выходило, что Адриано встречался с отцом в восемнадцать или в двадцать лет, задолго до того, как тот заболел. Непонятно! Вернее, логика присутствовала, но извращенная. Потеряв способность наносить сыну побои, Эрнесто перестал представлять для него опасность, и сын проявил готовность терпеть его рядом с собой. Гаспар и Маделин не переставали удивляться тому, что в главный объект ненависти Адриано превратилась его мать. Несправедливо, больно, бессмысленно! Но после достижения неких высот кошмара и варварства здравый смысл и рациональность уже не помогают в расшифровке загадки человеческих поступков.

Бьянка

Меня зовут Бьянка Сотомайор.

Мне семьдесят лет, и последние пять лет я проживаю в аду.

Поверьте моему опыту: главное в аду – не сами страдания, которые вас заставляют переносить. Страдание – банальность, без него нельзя существовать. С момента рождения человеческое существо только и делает, что страдает: по любой причине и беспричинно. Главное в аду – сила ваших мук и, главное, неспособность положить им конец. Ведь вы лишены даже власти покончить с собственной жизнью.

Не собираюсь долго вас задерживать, не буду ни в чем вас убеждать. Во-первых, мне безразлично ваше мнение. Во-вторых, вы бессильны – и против меня, и для моей пользы. Вас больше устроят половинчатые и пристрастные воспоминания тех, кто будет клясться, положив руку на сердце, что Адриано был милым спокойным мальчуганом, а мы, его родители, – чудовищами.

Для меня единственная истина такова: я искренне старалась любить сына, но он этого не видел, даже в первые годы. Личность ребенка формируется очень рано. Адриано пугал меня уже в четыре-пять лет. Дело не в том, что он был буйным, неуправляемым, легковозбудимым, хотя все это присутствовало. Замкнутость, неуловимость – вот что меня в нем

удручало. Никто не имел над ним власти: ни я, пытавшаяся подействовать на него любовью, ни отец, прибегавший к силе. Адриано не просто не желал вашей привязанности, он стремился вас подчинить, ничего не давая взамен. Он хотел вас закабалить, и заставить его бросить эту затею не могло ничто: ни мои увещевания, ни отцовский ремень: отца он стремился укротить, меня – покарать за то, что я произвела на свет такого неудачного отпрыска. Даже когда ему бывало плохо, я холодела от его взгляда, видя в нем жестокость и дьявольскую ярость. Вы, конечно, решите, что все это происходило только у меня в голове. Может быть, но для меня это было невыносимо. Поэтому я при первой же возможности сбежала.

Я начала жизнь с чистого листа. По-настоящему. У человека одна жизнь, и я не собиралась губить свою, проводя ее с постоянно согнутой спиной. Какой смысл в существовании, низведенном до выполнения мерзких для тебя обязанностей? Зачем прозябать в жалком городишке, провонявшем рыбой, кому нужно супружество, состоящее из постоянных взбучек, что толку пресмыкаться перед распущенным драчуном, заботиться о его удобствах, быть рабыней испорченного сынка?

Я не продолжила прежнюю жизнь в другом месте, а всерьез начала жить заново: другой муж, другой ребенок – я ни слова не сказала ему о его брате, – другая страна, другие друзья, другая профессиональная среда. От своей прошлой жизни я ничего не оставила: все сожгла, от всего отреклась без малейшего сожаления.

Я могла бы наплести вам многое из того, что пишут в книгах, о материнском инстинкте и о своих угрызениях совести. О том, как у меня сжималось сердце в каждый день рождения Адриано. Только это было бы неправдой.

Я никогда не пыталась узнать, кем он стал. Никогда не набирала его имя в Гугле – наоборот, методично разрушала все мосты, по которым ко мне могли бы попасть вести о нем. Я ушла из его жизни, он – из моей. Так было до той январской субботы, когда кто-то позвонил в мою дверь. Завершался чудесный зимний денек, гасли последние лучи солнца. За москитной сеткой, спиной к солнцу, стоял полицейский в синей форме.

– Здравствуй, мама, – проговорил он, лишь только я отперла дверь.

Я не видела его больше тридцати лет, но он остался прежним. В глазах горел прежний опасный огонь. Но то, что раньше было просто языком пламени, теперь превратилось в страшный пожар.

Тогда я подумала, что он явился, чтобы со мной расправиться. Мне в голову не могло прийти, что мне уготовано нечто несравненно худшее.

21. Нулевой километр

*Все, что сочинено, изображено, изваяно,
придуманно, построено, изобретено, служит
единственной цели – вырваться из ада.*

Антонен Арто^[92]

1

Растерянная, Маделин сопротивлялась упадку сил. У Гаспара был пустой взгляд нокаутированного боксера. Они выползли из зачумленного дома, еще раз облазив его снизу доверху и ничего не найдя. Сбитые с толку и обессиленные, они вернулись в Тиббертон и остановились в порту. Колючий холод заставил их отказаться от намерения размять ноги на молу и спрятаться в единственном еще не закрытом в одиннадцать вечера в сочельник ресторанчике «Старый рыбак». Там сидело человек десять, явно завсегдатаи. Заказать здесь можно было суп из моллюсков-петушков, «фиш-энд-чипс» и густое бурое пиво.

– Непонятно, что еще можно предпринять... – пробурчал себе под нос Гаспар.

Маделин не обратила на него внимания. Сидя перед супом-пюре, к которому еще не притронулась, она изучала финансы Сотомайора. Добрую четверть часа она не отрывала взгляда от строчек с одними цифрами, после чего призналась, что не находит ничего, чего не знала бы раньше. Дело было не в том, что ее мозг отказывался молоть зерно, а просто в том, что все оно было уже перемолото, все тропы пройдены, все борозды пропаханы.

Надежда не прожила и часа, но все-таки она была! Сейчас, проматывая назад пленку и выискивая ошибки, Маделин упрекала себя в заведомом недостатке веры в успех.

– Если бы Шон нашел меня тогда в Нью-Йорке, то все сложилось бы по-другому. Мы выиграли бы целый год. Вообразите, год!

Гаспар, расправлявшийся с устрицами, почему-то почувствовал себя виноватым и попробовал ее утешить.

– Это ничего не изменило бы, – сказал он.

– Еще как изменило бы!

Вид у нее был раздавленный. Гаспар помолчал, потом собрался с духом и выпалил:

– Ошибаетесь, Маделин. Шон Лоренц не разыскивал вас в Нью-Йорке. Она недоуменно уставилась на него.

– Лоренц вообще не знал о вашем существовании.

Маделин непонимающе заморгала.

– Вы сами показали мне статью про меня, которую нашли у него в ящике стола.

Гаспар сложил руки на груди и спокойно проговорил:

– Я сам распечатал ее позавчера из Интернета. И сам сделал в ней пометки.

После длинной паузы, в которой она собиралась с мыслями, Маделин пробормотала:

– Вы... вы сказали, что он много раз пытался мне дозвониться.

– Я подделал ваш биллинг с помощью Карен. Это был напрасный труд, вы ничего не удосужились проверить.

Ошеломленная, Маделин отказывалась понимать то, в чем видела очередную провокацию Кутанса.

– Лоренц умер на 103-й стрит, в двух шагах от моей бывшей работы. Это установленный факт, об этом писала вся мировая пресса. Он оказался там потому, что хотел встретиться со мной.

– Лоренц там был, это верно, но только потому, что поблизости расположена лаборатория «Пеллетье энд Стокхаузен». Он хотел встретиться со Стокхаузенем, вы совершенно ни при чем.

Он ее убедил, но одновременно взбесил. Возмущенная его наглостью, Маделин вскочила.

– Вы это серьезно?

– Я придумал всю эту историю, чтобы привлечь ваше внимание. Хотел вовлечь вас в это расследование.

– Зачем?!

Гаспар тоже привстал и повысил тон:

– Чтобы попытаться понять, что на самом деле случилось с несчастным ребенком. Сначала вас его судьба не интересовала.

Разговоры вокруг них стихли, в жарко натопленном зале воцарилась тишина.

– Я вам объясняла почему.

Он грозно прицелился в нее указательным пальцем.

– Этого мне было мало! – перешел он на крик. – И я был прав! Вы с самого начала считали, что Джулиана нет в живых. Вы отказывались

рассматривать возможность его спасения!

Только сейчас до Маделин дошло, как бесстыдно Кутанс манипулировал ею, и ее взгляд заволокла багровая пелена ярости.

– Вы больной, вы безумец! Безмозглый идиот! Вы повредились мозгом, вы...

С горящими от злости ушами Маделин бросилась на него, потянувшись к его горлу. Гаспар оттолкнул ее, но она не унималась: он получил локтем в бок, два удара кулаком в лицо, прямой хук в нос и апперкот в печень.

Гаспар покорно сносил побои. Скорчившись, он надеялся, что гроза миновала, но удар коленом отправил его на пол.

После этого Маделин пулей вылетела на улицу.

Ресторан заполнился голосами. Поколотенный, Гаспар с трудом, цепляясь за стол, встал на колени, потом с кряхтением выпрямился. Губы у него распухли, правый глаз заплыл, с пальца съехал лубок, из носа сочилась кровь.

Он вывалился из ресторана и попытался нагнать Маделин в порту. Но та уже завела пикап и направила его по пирсу прямо на Гаспара. Сначала он решил, что она хочет его напугать, но она не меняла траекторию. В последний момент, чуть ли не из-под колес, он отпрыгнул в сторону.

С душераздирающим визгом резины машина затормозила в пятидесяти метрах. Дверца распахнулась, рука Маделин швырнула на дощатый променад все вещи Гаспара: рюкзак, блокнот, даже игрушку Джулиана.

– Чтоб вы сдохли! – крикнула она.

Дверца захлопнулась, машина сорвалась с места. Колеса заскользили по мокрым доскам, потом пикап набрал скорость и умчался из порта, как дилижанс, уносимый перешедшей в галоп упряжкой.

– Здорово тебе наподдала эта красотка!

Гаспар сидел, запрокинув голову, на скамейке под памятником всем проглоченным океаном за триста лет рыбакам – большим бронзовым баркасом.

– Изрядно она подпортила тебе портрет, – не унимался беззубый весельчак, протягивая Гаспару комок бумажных платков, чтобы тот вытер сочащуюся из носа кровь.

Гаспар осторожно, чтобы не усилить кровотечение, кивнул в знак благодарности. На помощь ему пришел пьяненький морячок из бара,

которого он заметил раньше, – бородач с дергающимся лицом в капитанской фуражке, сосавший палочку солодкового корня, как младенец соску.

– Морду она тебе разбила классно, будь уверен, – радовался пьяница, собирая с променада вещи Гаспара. Потом он плюхнулся рядом с ним на скамейку.

– Ладно, мне и так несладко...

– Нам здесь подавай хорошие представления! Виданное ли дело: баба задает жару мужику! Обычно бывает наоборот.

– Да заткнитесь вы, мне и без вас тошно!

– Большой Сэм, – представился морячок, не обращая внимания на дурное настроение побитого приезжего.

Гаспар выудил из кармана телефон.

– Ладно, Большой Сэм или как вас там, лучше подскажите, как вызвать такси.

Доброхоту опять стало смешно.

– Какое еще такси в такой поздний час, ковбой! Кстати, прежде чем свалить, не забудь расплатиться.

– Не забуду, – буркнул Гаспар, поднимая воротник.

– Я с тобой, – сказал пьяница. – Если захочешь угостить Большого Сэма выпивкой – не бойся, отказа не будет.

3

Маделин плакала.

За ней наблюдал мальчуган.

Она пролила столько слез, что почти ничего не видела перед собой. Минут через десять после того, как она умчалась от Гаспара, пикап занесло, и она еле-еле избежала лобового столкновения с машиной на встречной полосе. В глаза ей ударил, как включенный прямо под носом прожектор, свет фар, она отчаянно вывернула руль и услышала злой удаляющий гудок клаксона. Дело ограничилось ударом друг о друга двух зеркал. Пикап вильнул на обочину и встал, едва не завалившись в канаву.

Проклятье!

Другая машина пропала в темноте. Маделин изо всех сил врезала кулаком по рулю и расплакалась. Снова дала о себе знать боль в животе. Весь день она старалась не обращать на нее внимания, и вот теперь боль брала реванш. Тело били судороги. Держась руками за живот, она

скорчилась в кресле и так провела несколько минут, ни о чем не думая, слепо глядя в непроглядную чернильную ночь.

Мальчуган не сводил с нее глаз, она с него.

Он смотрел на нее с фотографии Адриано Сотомайора, найденной в доме Гаспаром. Мальчика запечатлели в его пятый день рождения, незадолго до бегства его матери. Был летний вечер. На первом плане горели свечи, на заднем улыбался в объектив виновник торжества. На нем был желтый маскарадный дебардёр, полосатые шорты, легкие сандалии.

Маделин вытерла рукавом слезы и включила в салоне свет.

Фотография не давала ей покоя. Трудно было, глядя на нее, сознавать, что чудовище уже овладело этой юной душой и маленьким тельцем. Она помнила утверждения некоторых психиатров, что натура человека закладывается уже к трем годам. Эта теория всегда вызывала у нее внутренний протест.

А что, если психиатры правы? Вдруг в этом взгляде уже заложено все, все возможности и все границы? Ей было проще отмахнуться от этой теории. Пятилетний человек не может быть одержим бесами. Она собиралась выследить монстра, но монстр давно мертв, охотиться было не на кого. Призрак несчастного ребенка – вот все, что от него осталось.

Ребенок. Маленький мальчик. Похож на сына Джонатана Лемперера, игравшего с самолетиком в торговом центре. На ребенка, которого она мечтала выносить и произвести на свет. На Джулиана Лоренца. Ребенок!

Она вздохнула. Когда-то она занималась на курсах, штудировала книги, учась «влезать в голову к преступнику». На эту тему болтали много лишнего, многое придумывали, тем не менее проникновение в логику преступника было одним из любимейших занятий любого сыщика. Но тут задача состояла в том, чтобы залезть в голову пятилетнего ребенка...

Глядя на фотографию, она сделала такую попытку, не очень надеясь на успех.

Тебя зовут Адриано Сотомайор.

Тебе пять лет, и... и я не знаю, что творится у тебя в голове. А ведь обычно моя работа в том и заключается, чтобы это представить. Я не знаю, что ты чувствуешь в повседневной жизни. Не знаю, каким смыслом ты все это наделяешь. Не знаю, как тебе удастся держать удар. Не знаю твоих надежд. Не знаю, о чем ты думаешь вечером перед сном. Не знаю, что ты делал в тот день.

Не знаю я и того, о чем думает твой папаша. История его жизни мне неведома. Я не знаю, почему он принял тебя избивать. Не знаю, как до

этого дошло: отец, сын, сеансы наказания. Избиения ремнем, прижигание горячей сигаретой, окунание головой в унитаз.

Не знаю, видит ли он кого-то другого, когда бьет тебя. Может, он наказывает самого себя? Своего отца? Банковского клерка, отказавшегося продлить срок возврата кредита? Общество? Жену? Я не знаю, как им овладел дьявол, заставляющий его вымещать злобу на тебе.

Маделин поднесла фотографию к глазам.

Мальчуган смотрел на нее, она на него. Глаза в глаза.

В пять-шесть лет ребенок еще не может стать бесом, но уже может все потерять: доверие, уважение, мечты.

– Куда ты уходишь, малыш Адриано? – прошептала она. – Куда уносишься, когда гаснет твой взор? Куда забредаешь, когда твой взгляд становится потусторонним?

Где она, твоя «та сторона»?

На глаза Маделин опять навернулись слезы. Она чувствовала, что вот-вот нащупает истину. Но истина ускользала. Порой истина – история длительностью в полсекунды, особенно когда забираешься ради ее поиска в такую даль. Вдохновение. Тишина, предшествующая щелчку.

С самого начала она отказывалась верить, что эта история может закончиться новым погружением в прошлое. Потому и не ждала никакого волшебства, никакого лунного луча, который заблестел бы на приборном щитке. Никакого шепота Адриано, раскрывающего тайну, ей на ухо.

Но оставался вопрос Гаспара: «Что еще можно сделать?» Любое расследование сводилось к ответу на этот вопрос. Каким бы олухом ни был Кутанс, она не собиралась игнорировать его вопрос.

Она включила зажигание и «мигалку» и осторожно, чтобы не съехать в канаву, вернулась на асфальт. Вместо того чтобы возвращаться в Нью-Йорк, она развернулась и поехала обратно в Тиббертон. Первым делом нужно было закончить с Гаспаром Кутансом.

Сопровождаемый по пятам Большим Сэмом, Гаспар поплелся по пирсу обратно в ресторанчик «Старый рыбак».

Там ему пришлось терпеть насмешки, но пьянчуги были настроены мирно. Отсмеявшись, они принялись его угощать. Сначала он отбивался, чтобы не опьянеть, но потом уступил. Что толку хранить добродетель, раз

расследованию пришел конец?

Первую порцию виски он медленно смаковал, потом решил сам угостить всю компанию. После еще двух рюмок на пустой желудок он выложил на стойку две бумажки по пятьдесят долларов и потребовал всю бутылку.

Меня зовут Гаспар Кутанс, и я алкоголик.

Выпивка делала свое дело. Гаспару полегчало. Настал самый лучший момент: после двух-трех рюмок он пришел в состояние блаженной расторможенности, забыл об уродстве мира, но еще не утратил самоконтроль. Кстати, именно в этом состоянии ему лучше всего писалось. Мысли были ПОЧТИ ясными. Но вскоре собутыльники стали ему надоедать: слишком много громкой болтовни, сексизма, гомофобии, глупостей в единицу времени. К тому же он всегда предпочитал напиваться в одиночку. Это был трагический интимный процесс, среднее между мастурбацией и геройской пулей в висок. В обнимку с бутылкой виски он сбежал в соседнее помещение – гадкую курилку с затянутыми красным бархатом стенами, неприличными гравюрами и черно-белыми фотографиями местных рыбаков, демонстрирующих перед баркасами свои рекордные уловы. Все вместе производило противоречивое впечатление: хемингуэвский «Старик и море» кисти Тулуз-Лотрека.

Он присел за столик и сложил на стул свои вещи. Налив себе четвертую рюмку, он принялся листать толстую тетрадь, где делал записи о расследовании. Это была хроника его неудачи. Куртка и духи Шона Лоренца не превращали его в художника. Не хватало роста, чтобы перехватить его факел. Маделин была права: сыщиками не становятся по собственной прихоти. По массе причин он вбил себе в голову, что сумеет найти и спасти Джулиана. Спасение этого ребенка было бы равносильно спасению самого себя. Он цеплялся за этот поиск, потому что увидел в нем удобный способ ценой небольших усилий вернуть свои жизненные потери. Но несколько дней – чересчур короткий срок, так быстро не исправить ошибки целой жизни.

Гаспар отпил виски и закрыл глаза. Перед мысленным взором предстал Джулиан, гниющий в склизком подвале. Существует ли хотя бы крохотный шанс, что мальчишка еще жив? Никакой уверенности в этом у него не было. Даже если бы они каким-то чудом обнаружили его живым, то в каком состоянии был бы ребенок после двух лет неволи? И что за будущее ему предстояло бы? Его отец погиб при попытке его спасти, мать

пустила пулю себе в голову в заброшенном вагоне метро. Неважные исходные позиции...

Листая страницы своей тетради, Гаспар остановился на фотографии «Пиротехников» из монографии Бенедика. В эту фотографию он буквально влюбился. Во-первых, на ней были подлинные признаки эпохи, расхристанного андеграундного Нью-Йорка конца 1980-х годов. Что еще важнее, только на этом снимке все трое выглядели почти счастливыми. Им было по двадцать с небольшим, и они дружно показывали объективу нос, не зная, кому из них уготован крах, кому взлет. Хотя одного взгляда на Беатрис Муньос, выбравшей парадоксальный при ее 120 кило и фигуре штангистки пернатый псевдоним, хватало, чтобы понять, что ей взлететь не суждено. На снимке она маскировала свою тушу военным плащом и улыбалась парню справа от нее, Lorz74, которому еще только предстояло стать гениальным Шоном Лоренцом. Тем, чьи полотна будут сводить людей с ума. Догадывался ли он уже тогда, что его ждет? Ничуть. На этом снимке он явно думал только об очередных проказах на пару с приятелем по разбрызгиванию краски. С приятелем по прозвищу NightShift – Адриано Сотомайором.

Гаспар впился глазами в Адриано, меняя свое первое суждение о нем под влиянием всего, что успел о нем узнать. Три дня назад, впервые увидев эту фотографию, он решил, что этот латино с распахнутым воротом – ужасный хвастун, но то, что он тогда принял за позу превосходства, на самом деле было отрешенностью. Адриано по-прежнему, совсем как в детстве, смотрел в никуда.

От лица будущего Лесного царя трудно было оторвать взгляд. Гаспар силился найти ключик к Адриано, который отпирал бы все замки его души. Мелкую биографическую деталь, проливающую свет на все парадоксы жизни, вскрывающую самую суть личности, – то, к чему стремятся и от чего очень скоро бегут без оглядки. На какое-то мгновение ему показалось, что он вплотную приблизился к разгадке, просто не способен ее разглядеть. Его вдохновлял главный урок прочитанного в детстве «Украденного письма» Эдгара Алана По: лучший способ спрятать что-то – оставить на виду.

Он машинально достал ручку и стал делать записи – такая была у него привычка, когда он работал над пьесами. Потом перечитал написанное: две-три даты, имена и псевдонимы «Пиротехников». Пришлось кое-что поправить: под воздействием морской атмосферы заведения, что ли, он вместо NightShift^[93] написал NightShip^[94].

Он закрыл тетрадь, опрокинул рюмку, собрал вещи. Поташился с

тяжелой головой к стойке. Людей в заведении стало меньше, шуму тоже. Он спросил у хозяина совета, где бы остановиться на ночь, и услышал в ответ, что правильнее всего найти ночлег по телефону. Гаспар поблагодарил советчика кивком. Большой Сэм, растекшийся по табурету, сразу прилип к нему, как пиявка.

– Угостишь рюмочкой, ковбой?

Гаспар плеснул ему своего виски.

Сам он больше не пил, но уже выпитое делало свое дело. В голове было мутно. Он чувствовал, что чуть не набрел на что-то важное, но по глупости упустил.

– Вы были знакомы с семьей Сотомайоров?

– А то нет! – с готовностью ответил Большой Сэм. – Здесь их все знали. Видел бы ты жену капитана, запомнил ее имя...

– Бьянка?

– Она самая. Красотка – пальчики оближешь! Я бы от такой не отказался.

– Эрнесто прозвали «капитаном»?

– Ага.

– Почему?

– Потому что он и был капитаном, а ты что подумал? Одним из немногих с разрешением на глубоководную ловлю.

– На чем он ходил в море? На траулере?

– Не на шхуне же!

– Как назывался его корабль?

– Вот пристал! Хочешь знать – плати. Нальешь мне еще?

Вместо угощения Гаспар, забыв про свои раненые руки, сгреб Большого Сэма за воротник и подтащил к себе.

– Отвечай, как называлось корыто папаши Сотомайора!

Большой Сэм вырвался.

– Полегче! Ну и манеры у тебя!

Пьянчуга схватил бутылку, приложился к горлышку и сделал несколько глотков. Успокоившись, он вытер тыльной стороной ладони беззубый рот и сполз с табурета.

– Топай за мной.

Он повел Гаспара обратно в курилку, где меньше чем за минуту нашел на стене фотографию Эрнесто Сотомайора, позирующего вместе со своей командой и с трофеем – красным тунцом весом больше центнера. Фото было черно-белое, середины 80-х, наверное, но с хорошим разрешением. Гаспар подошел к нему вплотную. За спинами рыбаков чернел борт

траулера. Гаспар прищурился и прочел название: «Night Shift».

Его пробила дрожь, глаза увлажнились от наплыва чувств.

– Куда девался траулер, когда Сотомайор отошел от дел? Он все еще в порту?

– Ты шутишь? Знаешь, сколько стоит место в порту?

– Тогда где?

– Как большинство тиббертонских корабликов, его уволокли на распил. Не иначе, отбуксировали на кладбище.

– Это где?

– Кладбище кораблей? В Стейтен-Айленде.

– В Нью-Йорке, что ли?

– Вот-вот.

Гаспара как ветром сдуло. Схватив свой рюкзак, он выбежал из ресторана. Морозный воздух мигом привел его в чувство: лучшего способа отрезвления было не придумать. Он схватил телефон, потом заметил большие приближающиеся фары.

Это была Маделин.

Воскресенье, 25 декабря

22. «Night Shift»

И был вечер, и было утро: день один.

Бытие, 1:5

1

В небе мельтешили, как рой стальных насекомых, серебристые хлопья.

В семь утра Гаспар и Маделин добрались до морского кладбища на Стейтен-Айленде. Они ехали всю ночь и были теперь на грани полного изнеможения. Маделин, чтобы не уснуть, курила сигарету за сигаретой, Гаспар выдул целый термос кофе. Снег повалил уже на последнем километре, укутав дорогу слоем в несколько сантиметров толщиной и сильно замедлив движение. Но даже метель не могла помешать им проникнуть туда, куда они так рвались.

Территория была обнесена забором с колючей проволокой, стоявшие через регулярные промежутки щиты предостерегали об опасности: объект строго охранялся. Но он был слишком велик, чтобы тот, кому очень хотелось там оказаться, не придумал способ добиться своего.

Сильнее всякой колючей проволоки от морского кладбища отпугивало зловоние. Оно било в нос уже на дальних подступах: это были тошнотворные запахи гнилой рыбы и разлагающихся водорослей. От этого отравлявшего атмосферу букета кружилась голова, к горлу подступала тошнота. Только преодолев приступ отвращения, редкий смельчак мог оценить открывавшуюся взору панораму и ее парадоксальную красоту.

Под свинцовым небом раскинулась картина конца света. Дикая, ничейная, заброшенная земля, отданная под несчетные обломки судов. Гнившие в грязи баркасы, остовы кораблей, баржи, многие десятилетия назад увязшие в иле, насквозь проржавевшие сухогрузы, парусники, стучающиеся на ветру мачтами, скелет колесного парохода прямиком с Миссисипи...

На горизонте не наблюдалось ни единой живой души, никаких звуков, кроме криков чаек, круживших над ржавыми скелетами кораблей. Трудно

было поверить, что до Манхэттена отсюда всего несколько кабельтов.

Уже почти час Гаспар и Маделин безуспешно искали «Night Shift»: задача осложнялась гигантскими размерами кладбища. Усиливавшийся на глазах снегопад мешал различать корабли, призрачные контуры которых терялись между небом и морем.

В довершение зол далеко не всюду можно было проехать на машине. Не существовало ни обозначенных пирсов, ни бетонированных или хотя бы помеченных подъездов. Местами приходилось трястись по бездорожью, местами грозила опасность увязнуть в грязи – там безопаснее было передвигаться на своих двоих.

Наконец, кое-как преодолев пустырь, на краю которого погружался в ил военный буксир, Маделин углядела нечто необычное: невысокие деревца, торчавшие прямо из воды, еще десяток кустиков по обеим сторонам засыпанной песком тропинки. Все это имело слишком распланированный вид, чтобы не быть рукотворным. Кто же занимался здесь посадками, с какой целью? Маделин занесла ногу, чтобы наступить на веточку. Гаспар быстро нагнулся и подобрал ее.

– Кажется, эта древесина кровоточит, – пробормотал он, указывая на красный сок.

– Будь я проклята! – воскликнула она. – Это же...

– Что?!

– Оляха!

Дерево, плачущее кровью. Дерево, возрождающееся после зимней мертвечины. Дерево жизни, поправшей смерть.

2

Ориентируясь на посадки ольхи, они пробежали сотню метров по узкому дощатому настилу и увидели впереди, у ржавого плавучего дока, высокий узкий силуэт гниющего судна.

«Night Shift» был траулером для кормовой траловой ловли длиной в двадцать с лишним метров. Был когда-то. Теперь он превратился в неподвижную грудку металлолома, заросшую ржавчиной, водорослями и тиной.

Маделин, ни секунды не колеблясь, вскарабкалась на мостки и прыгнула на палубу. Там, горбясь на ветру, она нырнула под кран, залезла на лебедку, оттуда перелезла на капитанский мостик. Гаспар не отставал от нее. Смерзшийся снег превращал палубу в каток. Она была завалена

бухтами толстых канатов и кабелей, всюду торчали шкивы, валялись рваные сети, дырявые покрывки.

По скользкой лестнице они добрались до рулевой рубки. Там протекала крыша, пол вздыбился, заплесневевшие стены сочились влагой. Рубка подверглась полнейшему разграблению: штурвал, радары, передатчики и прочие навигационные приборы исчезли, вырванные с корнем. Маделин прислонилась к переборке рядом с издохшим огнетушителем и стала изучать чудом уцелевшую под прозрачным пластиком схему траулера с указанием путей эвакуации в случае пожара.

Из рубки они перешли в кубрик с попадавшими деревянными переборками. Сначала они попали в узкий проход, когда-то бывший камбузом, где пришлось протискиваться мимо старой плиты и холодильника, потом в две бывшие обветшалые каюты, превращенные в одну строительную подсобку. В углу были свалены мешки с цементом, кирка, мастерок и другие предметы, накрытые полиэтиленом. На старой койке, среди битого стекла и крысиных трупов, гнили десятки пустых картонных коробок. Маделин оторвала с одной из них этикетку и показала Гаспару: Lyo&Foods, фирма, торгующая продуктами для выживания...

Впервые они подобрались вплотную к разгадке.

Ориентируясь по схеме, они спустились в бывшее машинное отделение, давно превратившееся в царство крыс и коррозии. Их появление там сопровождалось мерзким шорохом: бесчисленные крысы прятались под трубами, змеившимися по полу. В глубине помещения обнаружилась запертая ржавая дверца. Маделин попросила Гаспара посветить фонарем, а сама попыталась открыть дверцу. Ни ломик, ни гвоздодер не помогли: замок не поддавался.

Они вернулись на палубу и, не отрываясь от схемы, стали искать другой способ попасть в трюм. Безуспешно. Если когда-то существовал еще какой-то люк, он был давно заварен.

Не намереваясь сдаваться, они исследовали каждую щель. Ветер крепчал, Маделин и Гаспар охрипли, перекрикиваясь. Порывы ветра грозили сбросить их с палубы, приходилось хвататься за все, что подворачивалось под руку, чтобы устоять на ногах. Заваливавший палубу снег мешал двигаться. Они торопились, но замерзшие ноги слушались плохо. Вскоре им пришлось отказаться от разговоров и перейти на жесты.

Рядом с траловыми лебедками они заметили в палубе вставки из матового стекла. Гаспар предположил, что это окошки, пропускающие в трюм свет. Маделин нашла неподалеку вентиляционные решетки.

Сбежав в кубрик, она вернулась с киркой. Сначала она думала, что

расколет стеклянный потолок первым же ударом, но он оказался неожиданно толстым и не треснул даже после тридцатого. Только через четверть часа в нем удалось пробить отверстие, потом, орудуя ломиком, они выковыряли еще несколько ячеек. В дыру сразу набился снег.

Маделин бросила вниз одну из флуоресцентных трубок из своего запаса. У их ног разверзлась трехметровая бездна.

– В рубке есть веревочная лестница! – крикнула Маделин. – Сейчас принесу.

Гаспар остался перед дырой один. Он боялся, что сходит с ума, в ушах гудело, в глазах плыло. Но ударившая в нос неопишуемая вонь – рыбы, мочи и испражнений – привела его в чувство. Внизу кого-то прятали – в этом не было сомнения.

Ему почудилось, что к завываниям ветра примешивается слабый голос. Голос, звавший на помощь. Дождаться Маделин с веревочной лестницей не хватило терпения.

Он бросил вниз свою куртку и прыгнул следом за ней.

3

Он больно ушибся, весь извалялся в пыли. Встав на четвереньки, он чуть было снова не распластался от тошнотворного смрада. Он узнал этот запах: так пахла смерть. Подняв над головой флуоресцентную трубку, он шагнул в темноту.

– Есть тут кто-нибудь?

Ответом ему было завывание ветра, сотрясавшего ржавую посудину.

Все люки и иллюминаторы были наглухо задраены. Вдыхать отравленный воздух было пыткой, но в этом отсеке судна было не так сыро. Каждый шаг в направлении кормы делал тишину все более глухой. Казалось, буря уносится все дальше. Не иначе, параллельная вселенная!

Когда зрение привыкло к темноте, Гаспар понял, что находится не в трюме, а в промежуточном техническом отсеке, где рыбаки сортировали и потрошили улов.

Конвейерная лента, объемистый бункер из нержавеющей стали, цепочка транспортировочных крюков, железные лотки... За грудой решетчатых поддонов он наткнулся на то, чего ждал с той секунды, когда почуял запах смерти: на груде каких-то брусков лежала мертвая Бьянка Сотомайор.

Гаспар поднес к трупку свой светильник. Ужасное зрелище! Тело, местами пожелтевшее, местами черное, раздулось, губчатая кожа

покрылась волдырями и отслаивалась, ногти вывалились из лунок. Гаспар собрал всю силу воли, борясь с обморочным состоянием. Запах разложения был, несмотря на холод, очень силен, что означало, что смерть настигла Бьянку не очень давно. Даже не будучи медиком, он определил, что это произошло недели три, от силы месяц назад.

Гаспар двинулся дальше по сумрачному коридору, вбирая голову в плечи под напором безмолвия. Его все сильнее охватывал страх, усугубляемый холодом. Он был начеку, взведен, как курок, готов ко всему. Настал момент, которого он ждал два десятка лет, узел, затянувшийся задолго до того, как он услышал о Шоне Лоренце, вот-вот должен был распутаться. Близился исход битвы между сумрачной и светлой ипостасями, которые всегда в нем сосуществовали.

Последние дни были полны неожиданностей и сюрпризов. Прилетев пять дней назад в Париж, он не подозревал, что вместо сочинения пьесы обвешается причиндалами спелеолога и погрузится в недра собственной жизни, чтобы сражаться со своими демонами и открывать в себе качества, о которых при иных обстоятельствах ни за что не узнал бы.

Сейчас он мобилизовал остатки сил, ума, убежденности. Несколько раз он был близок к обмороку, но каким-то образом умудрялся устоять. Вряд ли ему было отмерено много времени, но кое-чего он все-таки достиг: края бездны, логова монстра. Теперь он готовился к решающему противостоянию, потому что знал, что монстры умирают только понарошку.

– Есть кто живой?

Он крался в крошечной тьме. Не иначе, флуоресцентная трубка оказалась бракованной: отказывалась что-либо освещать. Внезапно он ощутил под ногами уклон, проход сузился. Ни черта не разглядеть! Он скорее догадался, чем разглядел, что набрел на груды консервных банок, два соломенных тюфяка, комки из одеял. Тут же громоздились заросшие паутиной коробки и ящики.

Дальше идти было некуда. Путь преграждала крепость из поддонов, новое переплетение труб и желобов.

Флуоресцентная трубка окончательно сдохла – выбрала же момент! Гаспар попятился назад, потом на цыпочках двинулся на еле слышный свистящий звук, доносившийся из толстой трубы, похожей на канализационную. Он присел на корточки, жалея, что слишком массивен, чтобы туда залезть, потом все же попытался – и залез!

Он полз в темноте. С момента прыжка в трюм он знал, что не вернется без него. Знал, что здесь, сейчас решается его дальнейшая жизнь. Чтобы

очутиться в этом месте, он связал собственное существование с существованием Джулиана Лоренца. Пакт никем не был подписан, тем не менее действовал. Это смахивало на безумное пари старого игрока в покер, решившего вывалить на стол все свои жетоны и, рискуя жизнью, поставить тысячу против одного. То была ставка на свет, который пронзит удушающую тьму.

Гаспар полз все дальше, чувствуя животом все неровности. Грудь сдавливала страшная тяжесть, в ушах гудело. Ему казалось, что корабль остался далеко позади. Он больше не чувствовал качки, не слышал скрипа и треска дряхлого корыта, не улавливал запаха бензина, краски и гнилой древесины. Над ним властвовала одна угольно-черная тьма. В ноздрях застрял запах прокаленной земли. Теперь впереди изредка мерцал уголек, как будто кто-то ворошит золу.

Потом он увидел его.

4

Кутанс перешел на бег, не обращая внимания на валящийся снег.

Ледяной воздух жег легкие и глаза, ветер швырялся снегом ему в лицо. На нем была одна рубашка, холод сулил гибель, но сейчас он был нечувствителен к боли, не ведал опасности.

Завернув в свою куртку Джулиана, он изо всех сил прижимал его к себе.

Маделин убежала вперед, чтобы завести машину и прогреть салон.

Над их головами кружили, как стервятники, огромные серые чайки, издававшие безумные, пугающие крики.

На бегу, нагнув голову, почти прижавшись щекой к белому детскому лицу, он пытался поделиться с мальчиком всем, чем только мог: своим теплом, дыханием, самой жизнью.

Каждое его движение было строго выверенным, он четко знал, что делать. Знал, что не поскользнется на льду, в который превратилась поверхность понтона, знал, что ребенок не умрет у него на руках. Он успел его осмотреть, вынося из трюма. Джулиан был в глубоком шоке, не мог открыть глаза, потому что столько времени провел в потемках, но Бьянка, похоже, ухаживала за ним до своего последнего вздоха, потому что назвать его умирающим было нельзя.

– Все будет хорошо, Джулиан, – повторял ему Гаспар.

Малыш, не размыкая век, трясся и лязгал зубами.

Свободной рукой Гаспар вытащил из кармана куртки плюшевую собачонку и пристроил ее мальчику под подбородок.

– Теперь все наладится, ты уже большой парень. Смотри, я принес тебе твоего приятеля, он будет тебя греть.

Все это Кутанс говорил на бегу.

Раненые руки опять кровоточили, боль была такая, что он не мог ими шевелить – и все же шевелил, куда ж деваться?

Колеса буксовали в снегу, мотор ревел. Гаспар разглядел сквозь метель пикап: Маделин постаралась подъехать как можно ближе к берегу. Внезапно Джулиан что-то пробормотал. Он решил, что не расслышал, и попросил ребенка повторить сказанное.

– Это ты, папа? – спросил мальчик.

Кутанс понимал, почему бедняжка обознался: полная дезориентация, одежда Лоренца и его лосьон, пропитавший и рубашку, и куртку, а тут еще игрушка...

Он уже открыл рот, чтобы устранить недоразумение, но с удивлением услышал собственный голос:

– Да, это я.

5

Благодаря полному приводу пикап без труда справлялся с завалившим дороги снегом. Удобство салона сглаживало ярость стихии, контрастировало с полярным холодом, властвовавшим снаружи. Обогреватель был включен на полную мощность, радиоприемник, настроенный на местную станцию, каждые пятнадцать минут негромко информировал о ситуации на трассах.

Гаспар и Маделин уже полчаса, оставив позади кладбище кораблей, не произносили ни слова. Гаспар по-прежнему обнимал Джулиана, который, прижавшись к нему, как будто задремал. Закутанный в отцовскую куртку, он сейчас смахивал на светлую копну густых спутанных волос. Вцепившись всеми четырьмя пальцами левой руки в ладонь Гаспара, он не ослаблял хватку даже во сне.

Маделин, прожигая навигатор горящими глазами, ввела в него адрес больницы «Бельвю» на Манхэттене. Они находились на федеральной автостраде № 95, в районе Секокуса в Нью-Джерси. День был нерабочий, на дорогах было почти свободно, несмотря на метеоусловия, значительно усложнявшие движение.

В ста метрах от въезда в Линкольновский туннель пришлось сбросить скорость: все перестраивались в один ряд. Гаспар разглядел между взмахами «дворников» уборочные машины, разбрасывавшие на покрытие соль. В левом ряду водители тащились еле-еле, бампер в бампер. Вскоре движение и вовсе остановилось.

Что теперь?

Гаспару вспомнилась фраза Хемингуэя: «На самых важных перекрестках нашей жизни нет дорожных знаков». Но в это рождественское утро ему, наоборот, виделся большой световой щит, настойчиво лезший в глаза. Он опять подумал о «кайрос» – решающем моменте, когда необходимо действовать, чтобы не упустить удачу. Раньше он не умел справляться с такими моментами. Он усмехнулся: двадцать лет посвятил сочинению диалогов, а общаться так и не научился. Сейчас или никогда! Решившись, он повернулся к Маделин.

– Следующие сто метров будущее будет открыто, потом станет поздно.

Маделин выключила радио и вопросительно посмотрела на него.

– Повернешь на Манхэттен, – продолжил он, – напишешь строки первой истории, поедешь дальше на север – изобретешь совсем другой сюжет.

Не понимая, куда он клонит, она спросила:

– Первая история – это про что?

В этот раз у Гаспара нашлись слова. В первой истории рисовалась траектория трех людей с изломанной судьбой: писателя-пьяницы, женщины-полицейского со склонностью к самоубийству, мальчугана-сироты.

В первой истории писатель и женщина въезжают в Линкольновский туннель, чтобы доставить мальчика в отделение неотложной помощи больницы «Бельвю». Это банальность, которой от них ждут газетные писаки и публика. Интимная семейная драма подвергнется публичному вскрытию и анализу, хоронящему любые нюансы. Она будет размножена в бездарных словоизвержениях в социальных сетях, размолота в тошнотворную кашу на новостных каналах.

В первой истории драматург возвращается к себе в горы и еще больше замыкается в себе. Он продолжает пить, ненавидеть человечество, все вокруг для него невыносимо. Каждое новое утро дается ему труднее предыдущего. Он пьет все отчаяннее в надежде приблизить свой конец.

Женщина-полицейский скорее всего возвращается в Париж, в клинику репродукции. А может, и нет. Да, ей хочется стать матерью, но одновременно ей нужен кто-то, на кого можно опереться в новой жизни,

потому что она ощущает свою хрупкость. Потому что с ранней молодости влачит груз душевной неприспособленности к жизни. Время от времени ей удается маскировка, получается убедить других – и даже саму себя, – что она одухотворенная и уравновешенная оптимистка, но в душе ее царят хаос и смятение. Ее лихорадит от запаха крови.

Что до мальчугана, то здесь большой вопросительный знак. Он – сирота, сын «художника-безумца» и приверженки постыдных излишеств, которого два года растила в корабельном трюме мать серийного убийцы. Как сложится его жизнь? Можно ручаться, что она превратится в кочевье по приютам и приемным семьям, бедняга не будет вылезать от психиатров. Фальшивое сострадание, нездоровое любопытство, намертво прилипшая этикетка жертвы. Блуждающий взгляд, все чаще устремляющийся в никуда или внутрь себя, в мрачные воспоминания о темном корабельном трюме.

Внезапно открылась вторая полоса. Регулировщик в желтом жилете махнул жезлом, и застоявшиеся машины весело снялись с места.

Маделин, лишившись дара речи, смотрела на Гаспара ничего не видящим взглядом, силясь осознать услышанное. Раздалось нетерпеливое гудение: они задерживали скопившихся позади них. Маделин включила переднюю передачу, и пикап тронулся в направлении Линкольновского туннеля. Гаспару казалось, что в его жерле их ждет нож гильотины, и он отсчитывал оставшееся расстояние: пятьдесят, тридцать, десять метров... Он пошел своей последней картой, отправил мяч на ее сторону.

Маделин уже въезжала на развязку, ведущую в Манхэттен. Если другая история и существовала, то она была слишком безумной, неприемлемо рискованной. Такие вещи не организывают впопыхах.

«Вот и все», – промелькнуло у него в голове.

– А вторая история? – спросила она для порядка.

– Вторая история – семейная, – ответил Гаспар.

Теперь ей стал понятен его взгляд: «Уверен, никто не убережет этого ребенка лучше нас».

Маделин прищурилась, потерла веки краем рукава, сделала глубокий вдох. И резко вывернула руль, покидая свой ряд. Со включенной «мигалкой» пикап пересек несколько сплошных белых линий, зацепил крылом пластмассовый отбойник и выставленное дорожниками ограждение.

Теперь Манхэттен тянулся в небо в зеркалах заднего вида. Маделин покинула автомобильное стадо и стала прокладывать путь на север.

Так началась вторая история, Джулиан.
История нашей семьи.

Спустя пять лет

Такова правда, Джулиан.
Такова твоя история. Твоя и наша.

Та, которую я только что закончил писать в своем старом пружинном блокноте.

В то утро мы не повезли тебя в отделение неотложной помощи больницы «Бельвю». Мы покатали дальше на север, в Детский центр Ларчмонта, основанный Дианой Рафаэль на деньги, вырученные от продажи картин Лоренца.

Тебя продержали там целый месяц. Постепенно к тебе возвращались силы и зрение. Ты помнил пережитое очень смутно. Ты не имел ни малейшего представления, сколько времени утекло, у тебя не осталось воспоминаний ни о жизни до похищения, ни о нем самом. Меня ты продолжил называть «папой».

Мы использовали этот месяц для правильной организации дальнейшей жизни. Твоя мать позаботилась о нашей легализации. Опыт работы в федеральной программе защиты свидетелей подсказал ей, к кому обратиться за фиктивным свидетельством о рождении, которое ни у кого не вызвало бы подозрений. Так ты официально стал Джулианом Кутансом, родившимся 12 октября 2011 года в Париже у Маделин Грин и Гаспара Кутанса.

Прежде чем покинуть Штаты, мы с ней вернулись на «Night Shift» с канистрами бензина и устроили на траулере пожар.

После этого мы поселились на греческом острове Сифнос, где меня ждал мой парусник. Твое детство было озарено солнцем Киклад, тебя баюкали серебряные волны и шорох травы на пустошах.

Я не знал лучшего способа заставить тебя забыть тьму, чем яркая синева неба, тень олив, ментоловая свежесть цацики, запах тмина и жасмина.

Я поднимаю голову над тетрадью и смотрю, как ты гуляешь на пляже

под домом. Похоже, моя тактика удалась: ты красив, как звездочка, пышешь здоровьем, хотя по-прежнему боишься темноты и всего черного.

– Смотри, мама, я – самолет!

Ты растопыриваешь руки и кружишь вокруг матери, а она хохочет.

С декабря 2016 года прошло пять лет. Пять сияющих лет – для Маделин, для меня, для тебя. То было начало новой жизни. Истинное возрождение. Ты вернул в нашу жизнь то, чего мы давно лишились: легкость, надежду, доверие, смысл. Когда ты вырастешь и прочтешь эти строки, ты поймешь, что мы с твоей матерью не всегда были теми безмятежными родителями, которых ты знал.

Но наша семейная жизнь помогла кое-что понять и мне. Появление ребенка затушевывает все дурное, что было в твоей жизни до него. Абсурдность мира, его уродство, бездонную глупость доброй половины человечества, трусость всех тех, кто склонен к травле лающей сворой. Когда у тебя есть ребенок, в небе послушно загорается строй звезд. Все твои ошибки, блуждания, заблуждения искупаются светом, льющим из его глаз.

Дня не проходит, чтобы я не думал о том декабрьском утре. О том, как впервые взял тебя на руки. В то утро в Нью-Йорке неистовствовала снежная буря, холод превращал нас в сосульки, на нас планировали безумные птицы, в снегу дерево истекало кровью. Возможно, я освободил тебя тем утром, но спас меня ты.

Сифнос,
архипелаг Киклады,
12 октября 2021 года

22-я Пенелопа

Внеочередной аукцион произведений монументального искусства Шона Лоренца в Нью-Йорке

9 октября 2019 года, «Франс-Пресс»

Нью-Йоркский аукционный дом «Кристис» выставляет сегодня вечером на торги произведение монументального искусства американского художника Шона Лоренца,

скончавшегося в 2015 г., носящее название «22-я Пенелопа». Оно представляет собой старый вагон парижского метро, полностью покрытый чувственной росписью, героиня которой – Пенелопа Курковски, супруга и муза живописца. Созданное совершенно нелегально в 1992 году, вскоре после переезда художника из Нью-Йорка во Францию, это полотно было обнаружено совсем недавно, после трагической гибели мадам Курковски, покончившей с собой в этом вагоне в декабре 2016 года.

Последовало длительное и напряженное противостояние между Транспортным управлением Парижа и Бернаром Бенедиком, душеприказчиком и единственным наследником Шона Лоренца, преследовавшее цель решить, кому принадлежит это произведение. Лишь недавно стороны спора достигли согласия, что позволило устроить сегодняшний аукцион.

«Будет неудивительно, если это произведение установит новый рекорд», – говорит представитель аукционного дома. Еще при жизни Лоренца его работы ценились чрезвычайно высоко, но после его смерти стали несравненно дороже. Со своей стороны Бенедик настаивает на исключительности этого не выставлявшегося прежде цикла, так как «21 картина с изображениями Пенелопы Курковски погибла в пожаре в 2015 году. Этот вагон, насколько мне известно, – единственное сохранившееся свидетельство исключительных отношений, связывавших Лоренца с его бывшей женой».

Отметая критику данного произведения в связи с окружающими его мрачными обстоятельствами, галерист высказывает мнение, что эта работа воспринимается неверно. «В действительности это воплощение квинтэссенции любви и красоты, – утверждает он и философски заключает: – Как нам противостоять жестокости эпохи, подчиненной технологиям, глупости и экономической рациональности, если не оружием искусства, красоты и любви?»

От автора. От вымысла к правде

Не ищите Шона Лоренца в музеях и галереях современного искусства, это обобщенный образ, навеянный судьбами множества живописцев, чье творчество я очень ценю и кому, к счастью, не выпала столь трагическая судьба.

И не ходите на набережную Вольтера – там нет лавочки Жан-Мишеля Файоля. Этот вымышленный персонаж я создал, прочитав статью о предприятии «Кремер Пигмент», детище Жоржа Кремера, а также изучив в Интернете коллекцию пигментов кембриджского «Центра сохранения и технических исследований Штрауса» – говорят, единственную в мире.

Наконец, некоторые заметили, думаю, короткие появления в этом романе персонажей и мест из моих предшествующих книг. Надеюсь, эти мои «подмигивания» вызвали у вас улыбку. Так я выражаю своим дорогим читателям признательность за верность их покорному слуге.

notes

СНОСКИ

Британская альтернативная певица, музыкант и автор песен. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

Героиня одноименного кинофильма 2001 г. с Одри Тоту в главной роли.

Американские джазовые музыканты.

Г. Мюссо. Зов ангела. М.: Эксмо. *Пер. С. и К. Нечаевых.*

Американский автор детективных триллеров, сюжет которых часто связан с «забытыми убийствами» в прошлом и пропажами без вести.

Рауль Дюфи – французский художник, выбравший вначале фовизм, позднее – кубизм.

Кит Джаррет – американский джазовый пианист и композитор.

Речь идет о водевиле с Луи де Фюнесом 1963 г., комедии 1978 г. и современной популярной передаче французского телевидения.

Скульптура Фредерика Бартольди, расположенная у подножия Бельфорской крепости, изображает раненого, но готового снова ринуться в бой льва – символ героического сопротивления гарнизона крепости под руководством капитана Пьера Данфер-Рошро во время 103-дневной осады, которой подвергся город в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Здесь завершается мой путь (*лат.*).

Э. Хемингуэй. По ком звонит колокол. – *Прим. автора.*

Современный английский художник и коллекционер.

Современный американский художник, тяготеющий к китчу, особенно в скульптуре.

Псевдоним английского андеграундного художника стрит-арта, политактивиста и режиссера.

Мясное блюдо римской кухни.

Пол Джексон Поллок – крупный американский художник первой половины XX в., идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма. Виллем де Кунинг – ведущий художник и скульптор второй половины XX в., один из лидеров абстрактного экспрессионизма.

Г. Аполлинер. Сосцы Тиресия, 1917 г. – *Прим. автора.*

Американский художник середины XX в., один из крупнейших урбанистов.

Современный немецкий художник.

Современный американский художник-минималист, скульптор.

Музей, который называют Лувром Лазурного Берега благодаря большому количеству значительных произведений изобразительного искусства, хранящихся в нем. В экспозиции картины Боннара, Брака, Матисса, Шагала, Кандинского, Леже. Скульптуры и мозаика Миро, Арпа, Колдера, Джакометти.

Французский композитор и поэт-песенник.

Французский композитор, органист, орнитолог.

Канадский джазовый пианист-виртуоз.

Ж. Брассенс. Множественное число, 1966 г. – *Прим. автора.*

Брель Ж. Песня «Орли», 1977 г. – *Прим. автора.*

Кресло, придуманное дизайнерами Чарльзом и Рэем Эймс для мебельной компании Herman Miller. Современный вариант кресла эймс состоит из трех изогнутых фанерных листов, каждый из которых выполнен из тонких деревянных шпон, склеенных между собой и принимающих нужную форму под воздействием тепла и давления.

Песня Ж. Бреля *La chanson des vieux amants*.

Легендарный военный вождь племени апачей.

Лео Ферре. Со временем, 1971 г. – *Прим. автора.*

П. Пикассо. Cahiers d'art, 1935. – *Прим. автора.*

Ж.-Л. Годар. Рассказы о кино, 1990 г. – *Прим. автора.*

Известный французский дизайнер интерьеров и промтоваров серийного производства.

Жан-Мишель Баския – прославленный нью-йоркский граффити-художник второй половины XX в., впоследствии неоэкспрессионист.

Пьер Сулаж – современный французский художник-абстракционист.

Белые пески (*англ.*).

Известный бренд игрушечных машинок из металла и пластика.

Le Roi et l'Oiseau – первый французский полнометражный мультфильм.

Ш. Бодлер. Any Where Out Of The World, стихотворение 48 в сборнике «Парижский сплин», 1869 г. – *Прим. автора.*

Французский художник-самоучка конца XIX – начала XX в., один из известнейших представителей «наивного» искусства.

«Все мы барахтаемся в грязи, но иные из нас глядят на звезды» (англ.).
Оскар Уайльд. «Веер леди Уиндермир», 1893 г. – *Прим. автора.*

Французский педагог-новатор середины XX в.

Жан Дезире Гюстав Курбе – французский живописец, пейзажист, портретист. Один из последних представителей романтизма, стоявший у истоков реализма в живописи.

Французский государственный деятель, журналист, премьер-министр.

Согласно легенде, голландский дизайнер Марсель Брёйер создал это кресло в честь Василия Кандинского, своего коллеги по «Баухаусу».

Высшая школа строительства и художественного конструирования, или Staatliches Bauhaus, – учебное заведение, существовавшее в Германии с 1919-го по 1933 г., а также художественное объединение, возникшее в рамках этого заведения и соответствующее направлению в архитектуре.

Во веки веков (*лат.*).

Американский художник-иллюстратор.

Американская актриса, звезда сериала «Секс в большом городе».

Американский кинорежиссер и художник.

Отвесная скала в Древнем мире, с западной стороны Капитолийского холма.

Ж.-П. Сартр. Эссе «Бытие и ничто».

Американский джазовый аккордеонист, органист и вокалист.

Выдающийся бразильский фотодокументалист.

Известный графический роман Арта Шпигельмана.

А. Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. – *Прим. автора.*

Молодежные кварталы в нью-йоркском Бруклине и в Берлине.

Французский художник-авангардист первой половины XX в.

У меня есть голова на плечах. Я прикинулся вашим мужем (*исп.*).

Билл Браттон возглавлял Департамент полиции Нью-Йорка в 1994–1996 и 2014–2016 гг. – *Прим. автора.*

Франсуаза Гило. Жить с Пикассо, 1964 г. – *Прим. автора.*

Горячий (*исп.*).

Американская актриса, исполнительница множества ролей, наиболее известные из которых – «Однажды в Мексике», «Призрачный гонщик».

Большой торговый центр в Гарлеме. – *Прим. автора.*

Несомненно (*фр.*).

Может быть (*фр.*)

Без всякого сомнения (*фр.*)

Название художественного фильма Жана Лавирона с Луи де Фюнесом.

С. де Бовуар. Америка день за днем, 1957 г. – *Прим. автора.*

Популярная довоенная серия комиксов Эрже.

Круглосуточная сеть драгсторов – аптек, где, кроме лекарств, можно купить спиртное, журналы, мороженое и т. д.

Немецкая полифоническая светская песня эпохи позднего Средневековья и Возрождения, обычно четырехголосная, в строфической форме.

Erl – ольха (*нем.*). По-французски «Лесной царь» звучит как Roi des aulnes – «Ольховый царь».

Современный американский художник, работающий в стиле фотореализма.

Остров Эллис-Айленд, главный пункт приема иммигрантов, превращенный теперь в Музей иммиграции.

Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла, 1886 г.

(Каждая тварь) после соития печальна (*лат.*).

Гонконгский кинорежиссер и сценарист.

Мелодия «Любовное настроение» из фильма Сигэру Умэбаяси «Юмэдзи».

Р. Жирар, французский философ, культуролог и литературовед. Ложь романтизма и правда романа, 1961 г. – *Прим. автора.*

Прославленные блюзмен и джазмен.

Немецкий художник-романтик XVIII–XIX вв.

Основатель сети быстро питания Kentucky Fried Chicken.

Французский художник середины XX в.

Диван, разработанный известным дизайнером интерьеров и названный ее именем.

Фешенебельные районы Бостона.

Арман Пьер Фернандес, французский художник.

Имеется в виду фильм «Ужас Амитивилля».

Остров Мартас-Винъярд недалеко от Кейп-Кода.

Знаменитый американский кантри-певец.

Стиль в архитектуре, названный по имени горы Адирондак и появившийся в 1800 г. Создателем стиля считается дизайнер Уильям Дюрант, поскольку он был одним из первых, кто начал создавать деревенский стиль мебели для своих клиентов, используя детали, материалы и цвета из окружающей природы.

Французский писатель, поэт, драматург, актер театра и кино, художник, сценарист, режиссер.

Ночная смена (*англ.*).

Ночной корабль (*англ.*).